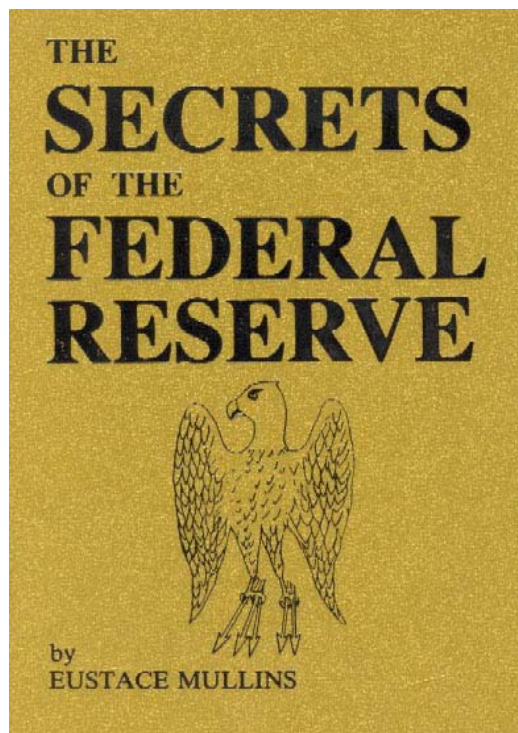

СЕКРЕТЫ ФЕДЕРАЛЬНОЙ РЕЗЕРВНОЙ СИСТЕМЫ. ЮСТАС МУЛЛИНС

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе	- 2 -
Предисловие	- 3 -
Введение	- 8 -
ГЛАВА ПЕРВАЯ Остров Джекилл (Jekyll Island).....	- 9 -
ГЛАВА ВТОРАЯ План Олдрича	- 17 -
ГЛАВА ТРЕТЬЯ Закон о Федеральной резервной системе	- 23 -
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ Федеральный консультативный совет	- 46 -
ГЛАВА ПЯТАЯ Дом Ротшильдов	- 52 -
ГЛАВА ШЕСТАЯ Лондонская смычка.....	- 66 -
ГЛАВА СЕДЬМАЯ Смычка с Гитлером	- 72 -
ГЛАВА ВОСЬМАЯ Первая мировая война	- 84 -
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ Сельскохозяйственная депрессия.....	- 101 -
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ Творцы денег.....	- 107 -
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ Лорд Монтегю Норман.....	- 118 -
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ Великая депрессия.....	- 131 -
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ 1930-е годы.....	- 139 -
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ Разоблачения Конгресса.....	- 159 -
Приложение I	- 169 -
12% Дивиденды	- 169 -
Учётная ставка	- 169 -
Империя евродоллара.....	- 170 -
Психологическая война.....	- 172 -
БИОГРАФИИ.....	- 173 -
Индекс имён	- 182 -
Сноски	- 189 -
Оригинал книги	- 196 -

Посвящается двум лучшим эрудитам XX века, Джорджу Стимпсону (George Stimpson) и Эзре Паунду (Ezra Pound), которые щедро делились своими обширными познаниями с молодым писателем, чтобы помочь ему с темой, с которой он не мог бы справиться в одиночку.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я хотел бы поблагодарить моих бывших коллег из сотрудников Библиотеки Конгресса за очень любезное содействие, сотрудничество и предложения, сделавшие возможным ранние версии этой книги. Я также хотел бы поблагодарить сотрудников Newberry Library, Chicago, the New York City Public Library, the Alderman Library of the University of Virginia, and the McCormick Library of Washington and Lee University, Lexington, Virginia, за их неоценимую помощь в завершении тридцати лет дальнейших исследований для этой окончательной работы по Федеральной резервной системе.

Об авторе

Юстас Муллинс является ветераном ВВС США, прослужив 38 месяцев во время Второй мировой войны. Родившись в штате Виржиния, он получил образование в Washington and Lee University, New York University, Ohio University, the University of North Dakota, the Escuelas des Bellas Artes, San Miguel de Allende, Mexico, and the Institute of Contemporary Arts, Washington, D.C.

Первоначальное издание книги, опубликованное под названием «Муллинс о Федеральном резерве» (Mullins On The Federal Reserve), было начато по поручению поэта Эзры Паунда в 1948 году. Эзра Паунд был политзаключённым, отбывшим тринадцать с половиной лет в St. Elizabeth's Hospital, Washington, D.C. («психушка» федерального правительства). Его освобождение было достигнуто во многом благодаря усилиям Муллинса.

Сбором материалов для книги в Библиотеке Конгресса США руководил и ежедневно проверял Джордж Стимпсон, основатель Национального пресс-клуба в Вашингтоне, о котором Нью-Йорк Таймс от 28 сентября 1952 писал, что тот «высоко ценится как источник информации в столице. Правительственные чиновники, конгрессмены и журналисты получают от него информацию по любым вопросам».

Книга была издана в 1952 году Каспером и Хортоном (Kasper and Horton), New York, и впервые дала огласку тайным собраниям международных банкиров на острове Jekyll Island, Georgia, 1907-1910, где и был написан проект закона об ФРС от 1913 года.

В годы, прошедшие с тех пор, автор продолжал собирать новые и ещё более поразительные сведения о людях, которые руководят политикой ФРС. Новая информация, собранная на протяжении многих лет из сотен газет, периодических изданий и книг подтверждает его понимание связей международных банкирских домов.

Например то, что Лондонский совет по акцептам (London Acceptance Council) состоит из семнадцати международных банкирских домов,

уполномоченных Банком Англии (Bank of England) оформлять сделки в иностранной валюте.

При сборе материалов для книги, Юстас Муллинс был сотрудником Библиотеки Конгресса. Муллинс позже был консультантом по финансированию шоссе дорог при American Petroleum Institute, консультантом по вопросам развития гостиниц в Institutions Magazine, и редакционным директором четырёх публикаций Chicago Motor Club.

Предисловие

В 1949 году, во время моего посещения Эзры Паунда, который был политзаключённым в больнице Св. Елизаветы г. Вашингтона (федеральная «психушка»), Эзра Паунд спросил меня, слышал ли я когда-либо о Федеральной резервной системе, «ФРС». Я ответил, что в течение моей 25-летней жизни не довелось.

Тогда он показал мне банкноту в десять долларов с надписью «Банкнота Федеральной резервной системы» и спросил меня, не согласился ли бы я провести некоторые исследования в Библиотеке Конгресса по ФРС, которая выпустила эту банкноту. Эзра Паунд не мог ходить в библиотеку, так как он содержался под стражей без суда в качестве политзаключённого правительством Соединённых штатов.

После того как он был лишён эфирного времени в США, д-р Эзра Паунд вёл радиопрограммы из Италии с тем, чтобы убедить людей в Соединённых штатах не вступать во Вторую мировую войну. Франклин Д. Рузвельт (Franklin D. Roosevelt) лично приказал взять Эзру Паунда под стражу по требованию трёх его личных советников, Гарри Декстера Уайта (Harry Dexter White), Лоухлина Керри (Lauchlin Kerri) и Алджера Гисса (Alger Hiss), все из которых впоследствии были разоблачены как советские шпионы.

Меня не интересовала финансовая или банковская тема, так как я работал над романом. Эзра Паунд предложил увеличить мой доход десятью долларами в неделю в течение нескольких недель. Мои первоначальные исследования сразу же открыли наличие международной банковской группы, которая тайно спланировала написание проекта закона об ФРС и принятие этого проекта Конгрессом в качестве закона.

Эти данные подтвердили то, что Эзра Паунд давно подозревал. Он сказал: «Вы должны работать над этим, как над детективом». Мне повезло в том, что мои исследования в Библиотеке Конгресса проходили под руководством видного эрудита, Джорджа Стимпсона, основателя Национального пресс-клуба, о котором The New York Times от 28 сентября 1952 г. писал, что тот «высоко ценится как источник информации в столице».

Правительственные чиновники, конгрессмены и журналисты получают от него информацию по любым вопросам».

Я занимался исследованиями четыре часа каждый день в Библиотеке Конгресса, а после обеда шёл больницу Св. Елизаветы, где Эзра Паунд и я просматривали собранные заметки. Затем я обедал с Джорджем

Стимпсоном в обложке по названию Scholl, где мы просматривали мой материал. После этого я возвращался к себе домой и печатал исправленные заметки.

И Стимпсон и Паунд делали много замечаний по теме, с которой у меня не было предыдущего опыта. Когда денежки Эзры Паунда пришли к концу, я обратился в такие фонды как Guggenheim Foundation, Huntington Hartford Foundation и другие фонды для завершения своих исследований по ФРС.

Но, несмотря на то, что спонсорами моих заявлений были три ведущих поэта Америки – Эзра Паунд, Е. Е. Каммингс (E. E. Cummings) и Елизавета Бишоп (Elizabeth Bishop) – все фонды отказались поддержать эти исследования. Тогда я подытожил свою работу и в 1950 году занялся «продажей» рукописи в Нью-Йорке.

Восемнадцать издателей вернули мне её без комментариев, но девятнадцатый, Дэвин Гаррити (Devin Garrity), президент Devin Adair Publishing Company, дал мне дружеский совет в своём кабинете. «Мне нравится ваша книга, но мы не можем напечатать её», – сказал он мне.

«И вообще в Нью-Йорке её никто не напечатает. Почему бы вам не принести мне резюме вашего романа? Я думаю, что мы могли бы выдать вам под него аванс. А о напечатании книги об ФРС – забудьте. Я сомневаюсь, что она когда-нибудь может быть напечатана».

Это было сокрушительной новостью после двух лет интенсивной работы. Я доложил об этом Эзре Паунду, и мы попытались найти издателя в других частях страны. После двух лет бесплодных поисков, книга была издана небольшим тиражом в 1952 году двумя учениками Эзры Паунда, Джоном Каспером и Давидом Хортоном, на их средства, под названием «Муллинс о Федеральной резервной системе».

В 1954 году, второе издание, с несанкционированными изменениями, было опубликовано в штате Нью-Джерси, как «Конспирация Федерального резерва». В 1955 году Гидо Редер (Guido Roeder) издал немецкую версию в Oberammergau, Germany. Книга была конфискована и весь тираж в 10000 экземпляров сожжён правительственными агентами под руководством д-ра Отто Джона (Otto John).

Сожжение книги было одобрено 21 апреля 1961 судьей Израилем Катцом (Israel Katz) из баварского Верховного суда. Правительство США отказалось вмешаться, потому что Верховный комиссар США в Германии, Джеймс Б. Конант (James B. Conant, президент Гарвардского университета с 1933 по 1953 гг.) утвердил первоначальный приказ о сожжении книги. Это единственная книга, которая была сожжена в Германии со времён Второй мировой войны.

В 1968 году пиратское издание этой книги появилось в Калифорнии. Агенты ФБР и инспекторы почты США отказались принимать меры, несмотря на мои многочисленные жалобы в течение следующего десятилетия. В 1980 году появилось новое немецкое издание. Поскольку правительство США, по-видимому, не вмешивается во внутренние дела

Германии, те самые книги, которые были сожжены в 1955 году, в настоящее время циркулируют в Германии без помех.

Я сотрудничал с г-ном Х. Л. Хантом (H. L. Hunt) по нескольким книгам и он предложил мне продолжить мои прерванные на долгое время исследования по ФРС и выдать более законченный вариант этой книги. Однако я только что подписал контракт на написание официальной биографии Эзры Паунда и книга об ФРС была отложена. Г-н Х. Л. Хант умер прежде, чем я мог вернуться к моим исследованиям, и я снова столкнулся с проблемой финансирования исследований для книги.

Моя первоначальная книга выявила и назвала тёмные личности в Соединённых штатах, которые спланировали закон об ФРС. Сейчас я обнаружил, что люди, которых я выставил в 1952 году как закулисных правителей ФРС, являются ширмой, американским фасадом для неизвестных заправил, которые стали известны как «Смычка с Лондоном».

Я обнаружил, что, несмотря на наши успехи в войнах за независимость 1812 года против Англии, мы остались экономической и финансовой колонией Великобритании. Впервые нам удалось определить оригинальных акционеров федеральных резервных банков и проследить «лондонскую смычку» их материнских компаний.

Эти исследования подтверждаются цитатами и документацией из сотен газет, периодических изданий, книг и диаграмм, показывающих связи по крови, браку и деловым отношениям. Более тысячи номеров The New York Times на микрофильмах были просмотрены не только для первоначальной информации, но и для проверки сведений из других источников.

Прописная истина писательской профессии гласит, что писатель несёт в себе только одну книгу. Это кажется применимо в моём случае, потому что я сейчас уже в пятом десятилетии непрерывной работы по одной теме – истории ФРС.

Эта книга с самого начала была задумана и вдохновлялась Эзрой Паундом. Четверо его протеже ранее были удостоены Нобелевской премии по литературе, Уильям Батлер Йетс (William Butler Yeats) за его позднюю поэзию, Джеймс Джойс (James Joyce) за «Ulysses», Эрнст Хемингуэй (Ernest Hemingway) за «The Sun Also Rises», и Т. С. Эллиот (T. S. Elliot) за «The Waste Land».

Эзра Паунд играет важную роль в вдохновении и редактировании этих работ – что наводит нас на мысль, что настоящая работа, также вдохновлённая Эзрой Паундом, представляет текущую литературную традицию.

Хотя эта книга в момент её создания должна была быть закулисной работой по экономической и валютной технике, она вскоре превратилась в историю с такой универсальной и драматичной привлекательностью, что с самого начала Эзра Паунд призывал меня написать её как детектив – жанр, который был изобретен моим земляком по Виржинии, Эдгаром Алланом По (Edgar Allan Poe).

Я считаю, что непрерывное распространение этой книги в течение последних сорока лет не только реабилитировало Эзру Паунда за его многие – осуждаемые – мнения по политическим и финансовым вопросам, но и, что она была, и будет по-прежнему, абсолютным оружием против могущественных заговорщиков, заставивших его отсидеть тринадцать с половиной лет без суда, в качестве политзаключённого в психушке а-ля КГБ.

Его первая реабилитация состоялась, когда правительственные агенты, представлявшие заговорщиков, не позволили ему дать показания в свою защиту, а вторая – в 1958 году, когда эти же агенты отказались от всех обвинений против него, и он вышел из больницы Св. Елизаветы, как снова свободный человек.

Его третьей и последней реабилитацией является эта работа, документирующая все аспекты его разоблачения безжалостных международных финансистов, для которых Эзра Паунд стал всего лишь ещё одной жертвой, обречённой годами сидеть как «Человек в железной маске», потому что он посмел дать знать братьям-американцам об их тайной измене против народа Соединённых штатов.

В моих лекциях по стране и в моих выступлениях на многих радио и телевизионных программах я озвучил яд о том, что ФРС не является Федеральной; что у неё нет резервов, и что она не является системой, а, скорее, преступным синдикатом. С ноября 1910 года, когда заговорщики встретились на острове Джекилл, штат Джорджия (Jekyll Island, Georgia) и до наших дней, махинации Федеральной резервной системы были окутаны завесой секретности.

Сегодня эта тайна обошлась американскому народу в три триллиона долларов долга, с ежегодной выплатой процентов этим банкирам около трёх сотен миллиардов долларов, суммы, которые поражают воображение, и которые сами по себе, в конечном счёте, не могут быть выплачены.

Должностные лица ФРС обычно отвечают на протесты общественности, так же как индусский факир, трубящий настойчивый мотив ошеломленной кобре, качающей голову перед ним, не для решения ситуации, но чтобы кобра не ужалила его.

Таким было успокаивающее письмо, написанное Дональдом Дж. Уинном (Donald J. Winn), сотрудником Совета гувернёров [ФРС] в ответ на запрос конгрессмена, почтенного Нормана Д. Шумуэя (Norman D. Shumway), от 10 марта 1983 года. Г-н Уинн говорит, что «ФРС была создана по решению Конгресса в 1913 году и не является "частной корпорацией"».

Но на следующей странице г-н Уинн продолжает: «Акции Федеральных резервных банков принадлежат исключительно коммерческим банкам, которые являются членами Федеральной резервной системы».

Он не даёт объяснений, почему правительство [США] никогда не владело ни одной акцией ни одного Федерального резервного банка, или почему ФРС не является «частной корпорацией», когда все её акции принадлежат «частным корпорациям».

Американская история XX века отмечает удивительные достижения ФРС. Во-первых, начало Первой мировой войны, которая стала возможной благодаря средствам нового центрального банка Соединённых штатов. Во-вторых, сельскохозяйственная депрессия 1920 года. В-третьих, «Чёрная пятница» – обвал Уолл-стрит в октябре 1929 г. и последующая Великая депрессия.

В-четвёртых, Вторая мировая война. В-пятых, преобразование активов Соединённых штатов и их граждан, состоящих из недвижимого имущества в 1945 г., в бумагу к настоящему времени, превращая победу Америки и её статус мировой державы в 1945 г. в крупнейшего должника в мире к 1990 году.

Сегодня наша страна находится в экономической разрухе, опустошена и обездолжена, и во многом в таком же отчаянном положении, в котором Германия и Япония оказались в 1945 году.

Будут ли американцы действовать по восстановлению своей страны, как это сделали Германия и Япония, когда они столкнулись с идентичными условиями, с которыми мы сталкиваемся сегодня – или мы будем оставаться поработанными деньгами вавилонского долга системы, которая была создана законом об ФРС в 1913 году в ожидании нашего полного уничтожения?

Это единственный вопрос, на который мы должны ответить, и у нас нет много времени, чтобы на него ответить.

Учитывая глубину и важность информации, которую я собрал в Библиотеке Конгресса США под руководством Эзры Паунда, эта работа стала излюбленным местом охоты для многих других потенциальных историков, которые были не в состоянии исследовать этот материал сами. За последние четыре десятилетия я уже привык видеть этот материал во многих других книгах, неизменно связанный с другими писателями, моё имя никогда не упоминается.

Чтобы добавить соль на рану, присваивается не только мой материал, но даже моё название было присвоено в огромной, довольно тупоумной работе, названной «Тайны храма – Федеральная резервная система». Эта широко разрекламированная книга получила рецензии от недоверчивых до шутливых.

Журнал Forbes советует своим читателям читать их рецензию и сэкономить свои деньги, отметив, что «читатель не обнаружит никаких секретов» и что «Это одна из тех книг, шумиха о которых намного превышает их качество». Это было не случайно, так как этот раздутый камуфляж ФРС был опубликован одним из самых известных некнижных издательств в мире.

После моего первого шока, когда я узнал, что один из наиболее влиятельных литераторов XX века, Эзра Паунд, был посажен в «Адскую дыру» в Вашингтоне, я сразу же написал с просьбой о помощи финансисту Уолл-стрит, в имении которого я часто был гостем. Я напомнил ему, что, как покровитель искусств, он не мог допустить, чтобы Паунд оставался в таком бесчеловечном плену.

Его ответ шокировал меня ещё больше. Он ответил, что «Ваш друг вполне может оставаться там, где он находится». Прошло много лет прежде чем я смог понять, что для этого инвестиционного банкира и его коллег, Эзра Паунд всегда будет «врагом».

Юстас Маллинс (Eustace Mullins)
Джексон Хоул, штат Уайоминг
(Jackson Hole, Wyoming)
1991

Введение

Вот простые факты великого предательства. Уилсон (Wilson) и Хаус (House) знали, что они делают что-то важное. Невозможно понять, что двигает людьми и эта парочка, вероятно, верила в то, что они делали.

Они явно не верили в представительное правительство. Они верили в правление неконтролируемых олигархов, чьи действия стали бы очевидными только после такого долгого периода времени, что электорат никогда не будет в состоянии сделать что-нибудь эффективное против грабежа.

Эзра Паунд
(больница Св. Елизаветы,
Вашингтон, округ Колумбия 1950)
(St. Elizabeth's Hospital,
Washington, D.C. 1950)

(Примечание автора: д-р Паунд написал это введение для ранней версии этой книги, изданной Каспером и Хортоном, в Нью-Йорке в 1952 г. Так как он проходил в качестве политического заключённого без суда федерального правительства, он не мог позволить, чтобы его имя появилось на книге из-за дополнительных репрессий против него. Не мог он также позволить, чтобы книга была посвящена ему, хотя он поручил её написание. Автор с удовлетворением делает это тридцать три года после самих событий, чтобы иметь возможность исправить эти упущения.)

Мнение Джефферсона о конституционности банка
15 февраля 1791
(Труды Томаса Джефферсона, под редакцией. Х. Е. Берга, (H. E. Bergh),
том III, стр. 145 и след.)

Законопроект для создания национального банка, в 1791 году, предлагает, среди прочего,

1. Организовать подписчиков в корпорацию.
2. Дать им возможность, в числе их корпоративных возможностей, получать гранты земли, что противоречит законам «мёртвой руки».
3. Дать возможность иностранцам-подписчикам право владения землёй, что противоречит законам о статусе иностранца.
4. Передавать эти земли, по смерти собственника, определённым наследникам, что противоречит правилам о наследственности.

5. Сделать эти земли неподлежащими конфискации или выморочным имуществом, что противоречит законам о конфискации и выморочном имуществе.
6. Передачи движимого имущества наследникам, в определённой линии, что противоречит законам о распределении.
7. Дать им единственное и исключительное право на банковское дело для всей страны, что противоречит законам о монополиях.
8. Дать им право принимать законы, которые превосходили бы штатные законы, чтобы штаты не могли бы влиять на банк.

Я считаю, что в основе Конституции заложено положение – вся власть, не делегированная Соединённым штатам по Конституции, которая не запрещается ею отдельным штатам, сохраняется за штатами, или народом (12-я поправка). Даже один шаг за пределы, которыми ограничиваются полномочия Конгресса, явится захватом неограниченной власти, не поддающейся какому-либо определению.

Инкорпорирование банка и полномочия, включающиеся в этот законопроект, по-моему, не были делегированы Соединённым штатам Конституцией.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Остров Джекилл
(Jekyll Island)

«На острове Джекилл обсуждался и был решён вопрос о единой учётной ставке». Пол Варбург^[01]

Вечером 22 ноября 1910 года, группа репортеров уныло стояла на железнодорожной станции в г. Хобокен, штат Нью-Джерси (Hoboken, New Jersey). Они только что увидели как делегация ведущих финансистов страны отправилась со станции в секретную миссию. Пройдут годы, прежде чем они узнают в чём заключалась эта миссия, да и тогда они не поймут, что история США подверглась резкому изменению в этот вечер в Хобокене.

Делегация уехала в запечатанном вагоне, с закрытыми жалюзи в неизвестном направлении. Во главе делегации был сенатор Нельсон Олдрич (Nelson Aldrich), глава Национальной валютной комиссии. Президент Теодор Рузвельт (Theodore Roosevelt) подписал закон о создании Национальной валютной комиссии в 1908 году, после трагической паники 1907 года, создавшей общественный резонанс, что денежно-кредитная система страны должна быть стабилизирована.

Олдрич с членами Комиссии провёл два года в Европе, истратив около трёх сотен тысяч долларов государственных средств. Он ещё не сделал доклад о результатах этой поездки, как и не предложил какой-нибудь план для банковской реформы.

Сенатора Олдрича на станции в Хобокене сопровождал его личный секретарь, Шелтон (Shelton), А. Пиатт Андро (A. Piatt Andrew), заместитель министра финансов, а также специальный помощник

Национальной денежной комиссии; Фрэнк Вандерлип (Frank Vanderlip), президент National City Bank в Нью-Йорке; Генри П. Дэвисон (Henry P. Davison), старший партнёр компании J. P. Morgan, и в целом рассматривающийся как личный эмиссар Моргана; и Чарльз Д. Нортон (Charles D. Norton), президент контролируемого Morgan First National Bank of New York. Незадолго до отхода поезда к группе присоединились Бенджамин Стронг (Benjamin Strong), также известный как приближённый J. P. Morgan, и Пол Варбург (Paul Warburg), недавний иммигрант из Германии, который вступил в банковский дом Кун, Лёб и Ко. (Kuhn, Loeb & Company), New York в качестве партнёра со ставкой в пятьсот тысяч долларов в год.

Шесть лет спустя, финансовый писатель Берти Чарльз Форбс (Bertie Charles Forbes, который впоследствии основал журнал Forbes; теперешний его редактор, Малколм Форбс, Malcom Forbes, его сын), напишет:

«Представьте себе группу крупнейших банкиров страны тайком выезжающую из Нью-Йорка под покровом ночи в частном вагоне; украдкой пробирающуюся на сотни миль к югу, чтобы приступить к таинственному делу; затем прокрасться на остров, покинутый всеми, кроме нескольких слуг; живущих там целую неделю в условиях жёсткой секретности, так, что даже ни один из них не называл друг друга по имени – чтобы слуги не могли узнать их и раскрыть миру эту странную, самую секретную экспедицию в истории американских финансов.

Я не занимаюсь романтикой; я впервые сообщаю всему миру правдивую историю о том, как был написан знаменитый доклад Олдрича о финансах, ставший основой нашей новой финансовой системы... Всем было предписано соблюдать строжайшую тайну. Общественность не должна была знать даже намёков на то, что должно было быть сделано. Сенатор Олдрич уведомил всех участников тайком прибыть к вагону, поставленному на безлюдном перроне.

Делегация благополучно отбыла. Вездесущие нью-йоркские репортеры были одурачены... Нельсон Олдрич объявил Генри (Henry), Франку (Frank), Полу (Paul) и Пиатту (Piatt), что он будет держать их взаперти на острове Джекилл, отрезанными от остального мира, до тех пор пока они не разработают и не подготовят научную денежную систему для Соединённых штатов, истинное зарождение Федеральной резервной системы, план, разработанный на острове Джекилл в совещаниях с Полом, Фрэнком и Генри... Варбург является звеном, связывающим системы Олдрича и нынешней системы.

Он больше, чем любой другой человек превратил эту систему в повседневную реальность».[\[02\]](#)

В официальной биографии сенатора Нельсона Олдрича говорится:

«Осенью 1910 года, шесть человек отправились стрелять уток: Aldrich (Aldrich), его секретарь Шелтон, Эндриус, Дэвисон, Вандерлип и Варбург. Репортеры встретили их на станции Брансуик, штат Джорджия (Brunswick, Georgia). Г-н Дэвисон вышел и говорил с ними. Журналисты разошлись, а секрет путешествия был сохранён. Г-н Олдрич спросил его, как ему удалось это сделать, но тот не дал ему никаких объяснений»[\[03\]](#).

Дэвисон пользовался отличной репутацией, как человек, который мог примирять враждующие стороны, каковую роль он и сыграл для J. P. Morgan в урегулировании Денежной паники 1907 года. Другой партнёр Моргана, Т. В. Ламонт (T. W. Lamont), говорит: «Генри П. Дэвисон служил арбитром экспедиции остров Джекилл»[04].

Из этих ссылок можно собрать воедино следующую историю. Личный вагон Олдрича, отбывший из Хобокена с опущенными шторами, доставил финансистов на остров Джекилл (Jekyll Island) в штате Джорджия. Несколько лет назад, весьма эксклюзивная группа миллионеров, во главе с Дж. П. Морганом, купила остров в качестве зимней дачи.

Они называли себя «Охотничьим клубом острова Джекилл» (Jekyll Island Hunt Club), и, в начале, остров был использован только для охоты до тех пор, пока миллионеры не поняли, что его приятный климат давал им возможность отдохнуть от суровой зимы Нью-Йорка, и начали строить великолепные особняки, которые они именовали «коттеджами», для отдыха своей семьи зимой.

Здание самого клуба, будучи весьма изолированным, иногда использовалось для холостяцких вечеринок и других целей, не связанных с охотой. В таких случаях членов клуба, которые не были приглашены на эти мероприятия, просили не появляться там в течение определённого количества дней. Перед отъездом Нельсона Олдрича из Нью-Йорка, члены клуба были уведомлены, что клуб будет занят в течение следующих двух недель.

Клуб острова Джекилл был выбран в качестве места для разработки проекта плана управления деньгами и кредитом народа Соединённых штатов не только из-за своей изоляции, но и потому, что это было вотчиной людей, которые разрабатывали план.

Нью-Йорк Таймс позже, 3 мая 1931 года, отметил, комментируя смерть Джорджа Ф. Бейкера (George F. Baker), одного из ближайших соратников Дж. П. Моргана, что «Клуб острова Джекилл потерял одного из своих самых уважаемых членов. Члены Клуба острова Джекилл представляли одну шестую мирового капитала». Членство передавалось исключительно по наследству.

Но группа Олдрича не была заинтересована в охоте. Остров Джекилл был выбран местом подготовки центрального банка, поскольку он обеспечивал полную секретность, а также потому, что в радиусе пятидесяти миль от него не было никаких журналистов.

Такова была потребность в тайне, что члены группы согласились, до прибытия на остров Джекилл, что их фамилии не будут использоваться во время двухнедельного пребывания.

Группа позднее стала называть себя «Клуб имён», так как фамилия Варбург, Стронг, Вандерлип и другие были запрещены во время их пребывания. Обычному обслуживающему персоналу были даны две недели отпуска, и для этого случая наняли новых слуг с материка, которые не знали имён присутствующих.

Даже если бы они были допрошены после возвращения группы Олдрича в Нью-Йорк, они не могли бы дать имена. Этот приём оказался настолько надёжным, что те члены, которые присутствовал на острове Джекилл, позже устроили несколько неформальных встреч в Нью-Йорке.

Возникает вопрос – зачем вся эта таинственность? К чему эта тысячемильная поездка в закрытом вагоне железной дороги в далёкий Охотничий клуб? Предположительно, должна была выполняться государственная программа, подготовка банковской реформы, которая была бы благом для народа Соединённых штатов, по распоряжению Национальной денежной комиссии.

Участники были не новички в общественной благотворительности. Зачастую их имена фигурировали на медных бляшках, или на экстерьерах зданий, которые они пожертвовали. Но это не было частью процедуры, которой они следовали на острове Джекилл.

Нет медной доски, сооружённой в честь самоотверженных деятелей, встречавшихся в частном охотничьем клубе в 1910 году, чтобы улучшить жизнь каждого гражданина Соединённых штатов.

На самом деле благотворительностью и не пахло на острове Джекилл. Группа Олдрича отправилась туда частным образом писать банковское и денежное законодательство, которое было приказано подготовить Национальной денежной комиссии, открыто для общественности. На кону был будущий контроль денег и кредита Соединённых штатов.

Если бы была подготовлена и представлена Конгрессу какая-либо подлинная денежная реформа, то закончилась бы власть элитарных творцов денег мирового правительства. Остров Джекилл обеспечил создание центрального банка в Соединённых штатах, который дал бы банкирам всё, чего они всё время добивались.

Как наиболее технически опытному из присутствующих, Полу Варбургу было поручено с делать большую часть разработки плана. Его работа затем обсуждалась и рассматривалась остальными. Сенатор Нельсон Олдрич был там, чтобы удостовериться в том, что окончательный план выйдет в форме, в которой он мог бы протолкнуть его в Конгрессе, а другие банкиры присутствовали, чтобы включить все необходимые детали, чтобы убедиться, что они получили всё, что хотели.

После возвращения в Нью-Йорк они не смогли бы снова собраться, чтобы переработать их план. Они не могли надеяться обеспечить такую же секретность вторично.

Группа Jekyll Island самоотверженно работала в клубе в течение девяти дней, чтобы завершить свою задачу. Несмотря на общие интересы присутствующих, работа не обошлась без трений. Сенатор Олдрич, будучи всегда властным человеком, считал себя признанным руководителем группы, и просто не мог не командовать всеми остальными. Олдрич также чувствовал себя несколько не в своей тарелке, как единственный, который не был профессиональным банкиром.

Он имел существенные банковские интересы на протяжении всей своей карьеры, но только как владелец акций банка. Он мало знал о технических аспектах финансовых операций. Его же оппонент, Пол Варбург, считал, что каждый вопрос, поднятый группой, требовал не просто ответа, но целой лекции.

Он редко упускал возможность дать членам длинные объяснения, рассчитанные произвести на них впечатление о своих знаниях банковского дела. Это не нравилось другим и часто вызывало колкости Олдрича. Природная дипломатия Генри П. Дэвисона оказалась катализатором, который обеспечивал их сотрудничество.

Чужеродный акцент Варбурга действовал им на нервы, и постоянно напоминал им, что они должны были терпеть его присутствие во имя создания центрального банка, который гарантировал бы им их будущие доходы.

Варбург не очень старался сгладить их предрассудки и спорил с ними по всевозможным техническим вопросам банковского дела, в которых он считал себя спецом.

«Во всех заговорах налицо глубокая тайна»[\[05\]](#).

План «денежной реформы», подготовленный на острове Джекилл, должен был быть представлен в Конгресс в качестве работы Национальной денежной комиссии. Крайне важно, чтобы реальные авторы законопроекта остались скрытыми.

Так велико было народное негодование против банкиров после «Паники 1907 года», что ни один конгрессмен не осмелился бы голосовать за законопроект «замазанный» Уолл-стрит, независимо от того, кто внёс вклад в его расходы по выборной кампании. План острова Джекилл был планом центрального банка, а в Америке существует давняя традиция борьбы с подчинением народа центральному банку.

Она началась с борьбы Томаса Джефферсона против интриг Александра Гамильтона (Alexander Hamilton) устроить Первый Банк Соединённых штатов, при закулисной участии Джеймса Ротшильда (James Rothschild). Борьба эта продолжалась успешной войной президента Эндрю Джексона (Andrew Jackson) против происков Александра Гамильтона открыть Второй банк Соединённых штатов, в котором участвовал Николас Бидл (Nicholas Biddle) в качестве агента Джеймса Ротшильда из Парижа.

Результатом этой борьбы стало создание независимой суб-системы казначейства, которая якобы позволяла держать средства Соединённых штатов не в руках финансистов. Исследование паник 1873, 1893 и 1907 гг. показывает, что эти паники были результатом деятельности международных банкиров в Лондоне.

В 1908 году общественность стала требовать, чтобы Конгресс принял законодательство для предотвращения повторения искусственной денежной паники. Теперь такая денежная реформа стала казаться неизбежной. С целью разработать и контролировать такую реформу была

создан Национальная денежная комиссия во главе с Нельсон Олдричем, так как он был лидером большинства Сената.

Основная проблема, по мнению Пола Варбурга, состояла в том, чтобы избежать наименования «Центральный банк». По этой причине он решил использовать название «Федеральная резервная система». Такое название будет обманывать людей, заставляя их думать, что центрального банка нет.

Однако план острова Джекилл будет центральным банком, выполняя основные функции центрального банка, он будет находиться в собственности частных лиц, которые будут получать доход от акций. Как эмиссионный банк, он будет контролировать деньги и кредит страны.

В главе, посвященной Jekyll Island в биографии Олдрича, Стивенсон (Stephenson) пишет о конференции: «Как будет управляться резервный банк? Он должен находиться под контролем Конгресса. Правительство должно быть представлено в совете директоров, он должен располагать полной информацией о всех делах банка, но большинство директоров должны избираться, прямо или косвенно, банками ассоциации»[\[06\]](#).

Федеральная резервная система изначально было неконституционный, с момента ее создания, так как ФРС должна была быть эмиссионным банком. А Статья 1, гл. 8, абз. 5 Конституции прямо даёт Конгрессу «власть чеканить монету и регулировать её стоимость».

План Варбурга лишает Конгресс своего суверенитета и системы проверок и противовесов власти, созданной Томасом Джефферсоном в Конституции.

Администраторы предлагаемой системы будут контролировать деньги и кредит страны, а сами будут утверждаться исполнительными органами правительства. Судебный департамент (Верховный суд, и т.д.) уже практически контролируется исполнительной властью по президентским назначениям.

Пол Варбург позже написал объёмное изложение своего плана, «Федеральная резервная система, её происхождение и развитие»[\[07\]](#), около 1750 страниц, но термин «Jekyll Island» нигде не упоминается в этом тексте. Он правда, пишет (т. 1, стр. 58):

«Но тогда конференции закрылась, после недели серьезных обсуждений, а проект, который позже стал законопроектом Олдрича, был согласован и был изложен план, в котором предусматривается «Национальная резервная ассоциация», подразумевающая центральную организацию резерва с гибкой эмиссионной способностью основанной на золоте и коммерческих бумагах».

На странице 60, Варбург пишет,

«Результаты конференции были полностью конфиденциальны. Даже тот факт, что была встреча не разрешили предать гласности». Он добавляет в примечании: «Хотя восемнадцать [так в оригинале] лет с тех пор прошло, я не чувствую себя свободным, чтобы дать описание этой интереснейшей

конференции в отношении которой сенатор Олдрич потребовал от всех участников соблюдения её тайны».

Откровение Б. К. Форбса[08] о тайной экспедиции на остров Джекилл, имело на удивление мало влияния. Оно появилось в печати лишь спустя два года после того как Конгресс провёл закон об ФРС, поэтому его никто не читал тогда, когда это могло бы дать эффект, т.е., во время прений Конгресса по законопроекту.

Откровение Б. К. Форбса также было представлено «теми, кто в курсе», как нелепость и выдумка. Стивенсон говорит об этом на стр. 484 своей книги о Aldrich[09]:

«Эта любопытная история о Jekyll Island в целом рассматривается как миф. Б. К. Форбс получил кое-какую информацию от одного из репортёров. Он расплывчато набросал историю Jekyll Island, но не произвёл никакого впечатления, и, как правило, рассматривается как анекдот».

Замалчивание конференции Jekyll Island шло по двум направлениям, каждое из которых было успешным. Во-первых, как упоминает Стивенсон, вся история представляется как романтический вымысел, которого никогда не было. Хотя в более поздних книгах и были краткие ссылки на остров Джекилл, касающиеся ФРС, они также привлекли мало внимания.

Как мы уже отмечали, большая и якобы авторитарная работа Варбурга об ФРС не упоминает Jekyll Island вообще, хотя он признаёт, что конференция состоялась. Ни в одном из своих выступлений или объёмной писанине слова Jekyll Island не появляются, с одним исключением.

Он решил просить профессора Стивенсона, чтобы тот подготовил краткое заявление для биографии Олдрича. Это появляется на странице 485 как часть «Меморандума Варбурга». В этом отрывке, Варбург пишет: «Вопрос о единой учётной ставке был обсуждён и решён на острове Джекилл».

Другой член «Клуба имён» был менее сдержан. Фрэнк Вандерлип позднее опубликовал несколько кратких ссылок о конференции. В Saturday Evening Post, 9 февраля 1935, стр. 25, Вандерлип пишет:

«Несмотря на моё мнение о значимости для общества большей гласности о делах корпораций, был момент около конца 1910 года, когда я был скрытным, действительно, даже более того, как любой заговорщик...

Так как для плана сенатора Олдрича известие о том, что он пригласил кого-либо с Уолл-стрит, чтобы помочь ему с подготовкой своего законопроекта, нанесло бы смертельный удар, были приняты меры предосторожности, которые порадовали бы Джеймса Стиллмана (James Stillman), (красочного и скрытного банкира, который был президентом National City Bank во время испано-американской войны, и который, как считается, участвовал в вовлечении нас в эту войну)...

Я не считаю, что будет преувеличением говорить о нашей тайной экспедиции на остров Джекилл в связи с фактической концепцией о том, что в конечном счёте стало Федеральной резервной системой».

В разделе путешествий в The Washington Post 27 марта 1983, в статье «Follow The Rich to Jekyll Island» , («Следуйте за богатыми на остров Джекилл») Рой Хупес (Roy Hoopes) пишет :

«В 1910 году, когда Олдрич и четыре финансовых эксперта хотели найти место для тайной встречи по реформированию банковской системы страны , они прикинулись, что едут на охоту на остров Джекилл и в течение 10 дней , запершись в охотничьем домике , создали планы того, что в конечном итоге стало Федеральным резервным банком».

Вандерлип позже писал в своей автобиографии, «От деревенского батрака в финансисты»:[10]

«Наша секретная экспедиция на остров Джекилл явилась случаем фактической концепции о том, что в конечном счёте стало Федеральной резервной системой. Все основные положения плана Олдрича содержатся в принятом законе о Федеральном резерве».

Профессор Е. Р. А. Селигман (E. R. A. Seligman), член международной банкирской семьи Дж. и В. Селигман (J. & W. Seligman), декан факультета экономики Колумбийского университета, писал в эссе, опубликованном в Академии политических наук, Труды, т. 4, № 4, стр. 387-90:

«Немногие знают насколько велика задолженность Соединённых штатов г-ну Варбургу. Потому что смело можно сказать, не боясь ошибиться, что в работе над главными характеристиками закона о Федеральном резерве г-н Варбург сделал больше, чем любой другой человек в стране. Существование Федерального резервного совета создаёт, во всём, кроме названия, реальный центральный банк.

В двух главных характеристиках управления резервами и учётными ставками, закон об ФРС открыто принимает принцип законодательства Олдрича, а эти принципы, как уже было сказано, были творением г-на Варбурга и только г-на Варбурга.

Не следует забывать, что г-н Варбург имел ввиду практическую цель. При разработке своих планов и в продвижении в них различных предложений время от времени, он был обязан помнить, что образовывать народ нужно постепенно и что большая задача было разрушить предрассудки и убрать подозрения.

Поэтому в его планах включено много предложений, предназначенных для защиты населения от опасностей, и на то, чтобы убедить страну, что общая схема была практичной. Г-н Варбург надеялся, что, с течением времени, можно будет исключить из закона положения, которые были включены по его предложениям для образовательных целей».

Теперь, после того, что государственный долг США перевалил за триллион долларов, мы действительно можем оценить, «насколько велика задолженность Соединённых штатов г-ну Варбургу». В то время, когда он писал закон об ФРС, государственного долга практически не было.

Профессор Селигман указывает замечательные предвидения Варбурга, что реальная задача членов конференции Jekyll Island заключалась в

подготовке банковского плана, который будет постепенно «образовывать страну» и «разрушит предрассудки и снимет подозрения». Кампании принять план в качестве закона удалось достичь именно этого.

ГЛАВА ВТОРАЯ

План Олдрича

«Нельсон Олдрич считал, что финансы и тарифы являются его исключительной прерогативой и подпадают под его юрисдикцию. Г-н Олдрич стремился разработать, через Национальную денежную комиссию, банковское и денежное законодательство.

Многие сотни тысяч людей твёрдо верят, что г-н Олдрич в его личности воплощает величайшую и самую зловещую угрозу для народного благосостояния Соединённых штатов.

Эрнест Ньюмен (Ernest Newman) недавно заявил: “То, чему южане подвергают негров в политическом смысле, Олдрич хотел бы подвергнуть лежней-северян, если бы он мог разработать безопасный и практичный способ добиться этого”», Harper's Weekly, 7 мая 1910.

Участники конференции Jekyll Island вернулись в Нью-Йорк, чтобы развязать общенациональную кампанию по пропаганде в пользу «плана Олдрича». Три из ведущих университетов, Принстон, Гарвард и университет Чикаго были использованы в качестве центра этой пропаганды, а национальные банки должны были внести свой вклад в фонд в пять миллионов долларов, чтобы убедить американскую общественность, что этот центральный банк должен быть узаконен Конгрессом.

Вудро Уилсон (Woodrow Wilson), губернатор штата Нью-Джерси и бывший президент Принстонского университета, был завербован в качестве представителя плана Олдрича. Во время паники 1907 года Уилсон заявлял: «Все эти неприятности можно было предотвратить, если бы мы назначили комитет из шести или семи преданных общественным интересам людей, вроде Дж. П. Моргана, заниматься делами нашей страны».

В биографии Нельсона Олдрича от 1930 года, Стивенсон говорит:

«16 января 1911 вышла брошюра “Предлагаемый план для денежного законодательства”, достопочтенного Нельсона Олдрича, основанный на выводах острова Джекилл». Стивенсон говорит на стр. 388: «Создана организация для достижения финансового прогресса. Г-н Варбург внёс резолюцию, призывающую создать Лигу граждан, позже Национальную лигу граждан ... Профессор чикагского университета Лафлин (Laughlin) занялся пропагандой Лиги»[\[11\]](#).

Следует отметить, что Стивенсон характеризует работу Национальной лиги граждан как «пропаганда», в соответствии с описанием Селигмана работы Варбурга, как «образовывать страну» и «разрушить предрассудки и снять подозрения».

Значительная часть банкирского общака в пять миллионов долларов была потрачена под эгидой Национальной лиги граждан, состоящей из профессоров колледжей. Два самых неустанных пропагандиста плана Олдрича были профессор О. М. Спраг (O. M. Sprague) из Гарварда и Дж. Лоуренс Лафлин (J. Laurence Laughlin) из университета Чикаго.

Конгрессмен Чарльз А. Линдберг-старший (Charles A. Lindbergh, Sr.), отмечает:

«Дж. Лоуренс Лафлин, председатель исполнительного комитета Национальной лиги граждан с момента ее основания, вернулся на своё место, как профессор политической экономики в университете Чикаго. В июне 1911 года, профессор Лафлин получил годичный отпуск от университета, чтобы он мог посвятить всё своё время образовательной кампании, предпринятой лигой...

Он работал без устали, и в значительной степени, благодаря его усилиям и настойчивости, эта кампания вступает в последнюю стадию с лестной перспективой успешных результатов... Читатель знает, что университет Чикаго является учреждением, получившим от Джона Д. Рокфеллера (John D. Rockefeller) капитал почти в пятьдесят миллионов долларов»[12].

В биографии Нельсона Олдрича, Стивенсон раскрывает, что Лига граждан тоже продукт острова Джекилл. В главе 24 мы находим, что: план Олдрича был представлен Конгрессу как результат трёх лет работы, исследований и поездок членов Национальной денежной комиссии, с расходами более чем в триста тысяч долларов. (В 1911 г. план Олдрича был включён в официальную программу республиканской партии).

Выступая перед комитетом по регламенту 15 декабря 1911 года, после того как план Олдрича был представлен Конгрессу, конгрессмен Линдберг (Lindbergh) заявил:

«Наша финансовая система фальшива и ложится тяжёлым бременем на людей... Я утверждал, что существует денежный трест. План Олдрича явно является происками в интересах треста... Почему трест так настойчиво проталкивает план Олдрича сейчас, прежде чем люди ознакомятся с деятельностью треста?»

Продолжая свою речь, Линдберг сказал:

«План Олдрича является планом Уолл-стрит. Это широкомасштабный вызов правительству денежного треста. Он означает очередную панику при необходимости запугать людей. Олдрич, оплачиваемый государством, чтобы представлять народ, вместо этого предлагает план треста.

Создание Национальной денежной комиссии было умным ходом,. В 1907 году природа была к нам добра и дала стране самый обильный урожай за все времена. Другие отрасли промышленности тоже работали на полный ход, так что с точки зрения природы налицо были все условия для наиболее успешного года.

Вместо этого, паника наносит нам огромные потери. Уолл-стрит знал, что американский народ требовал противоядия против повторения такого

неестественные явления. Большинство сенаторов и конгрессменов попали в ловушку Уолл-стрит и провели Чрезвычайный денежный закон Олдрича-Вриленда (Aldrich Vreeland Emergency Currency Bill). Но истинной целью было создать денежную комиссию, которая сформировала бы предложения по поправкам к нашему денежному и банковскому законодательству, которые устроили денежный трест.

Определённые силы в настоящее время заняты пропагандой народа в пользу плана Олдрича. Есть сведения, что большая сумма денег была задействована для этой цели. Спекуляции Уолл-стрит устроили панику 1907 года. Средства вкладчиков были розданы по займам игрокам и друзьям денежного треста. Потом, когда вкладчики хотели получить свои деньги, у банков денег не оказалось. Это создало панику».

Эдвард Вриленд (Edward Vreeland), соавтор законопроекта, пишет в публикации Independent ("Независимый") от 25 августа 1910 (которая принадлежала Олдричу):

«В соответствии с предлагаемым денежным планом сенатора Олдрича, исчезнут монополии, так как они не будут в состоянии зарабатывать больше четырёх процентов, а монополии не могут существовать при таких низких прибылях. Кроме того, это также положит конец участию правительства в банковском бизнесе».

Фантастические претензии Вриленда были характерны для потока пропаганды в пользу плана Олдрича. Исчезновение монополий и участия правительства в банковском бизнесе – бред сивой кобылы.

Журнал Нация, "Nation Magazine", от 19 января 1911 года, отметил:

«Термин "Центральный банк" тщательно избегался, однако Федеральная резервная ассоциация, как называли предлагаемую центральную организацию, наделена обычными полномочиями и обязанностями Европейского центрального банка».

После своего возвращения из Европы Национальная денежная комиссия не провела никаких официальных заседаний в течение почти двух лет. Не было представлено никаких записей или протоколов, могущих показать, кто был автором плана Олдрича.

Так как не было никаких официальных заседаний, члены комиссии вряд ли могли признавать план своим творением. Единственным ощутимым результатом расходов Комиссии в триста тысяч долларов была библиотека в тридцать массивных томов о европейской банковской системе.

Типичной среди этих работ была история Рейхсбанка в тысячу страниц, бывшего центральным банком, который контролировал деньги и кредит в Германии, а его главные акционеры были Ротшильды и семьи Пола Варбурга банкирского дома М. М. Варбург компании. Документы Комиссии показывают, что она никогда не функционировала в качестве совещательного органа.

Единственным её «заседанием» была тайная конференция, состоявшаяся на острове Джекилл, и эта конференция не упоминается ни в одной

публикации Комиссии. Сенатор Cummins внёс резолюцию, требующую, чтобы Комиссия представила доклад к 8 января 1912 года с конструктивными результатами своей трёхлетней работы. Столкнувшись с такой проблемой, Национальная денежная комиссия прекратила своё существование.

С боевым капиталом в пять миллионов долларов пропагандисты плана Олдрича повели войну без правил против оппозиции. Вот показания 1913 г. Андроу Фрейма (Andrew Frame) Комитету Конгресса по банкам и валюте в качестве члена Исполнительного комитета Ассоциации американских банкиров. Он представлял группу западных банкиров, которые выступали против плана Олдрича:

Председатель Картер Гласс: «Почему западные банкиры не протестовали, когда Ассоциация американских банкиров дала своё безоговорочное и, мы уверены, единогласное одобрение плану, предложенному Национальной денежной комиссией?»

Андроу Фрейм: «Я рад, что вы обратили моё внимание на этот момент. Когда денежный законопроект разошёлся по стране, это произошло всего лишь несколько дней до совещания Ассоциации американских банкиров в Новом Орлеане в 1911 г. Ни один банкир из ста не читал этот законопроект. У нас оказалось двенадцать адресов в его пользу.

Генерал Хамби (Hamby) из Остина, штат Техас (Austin, Texas), написал письмо президенту Уатсу (Watts) с просьбой провести слушания по законопроекту. Он получил не очень вежливый ответ. Я отказался голосовать о нём, и много других банкиров сделали то же самое».

Г-н Балкли (BULKLEY): «Вы имеете в виду, что ни один из членов Ассоциации не мог быть услышан в качестве оппозиции к законопроекту?»

Андроу Фрейм: «Они заткнули всем рот».

Г-н Кайндред (Kindred): «Но был представлен доклад, что он был поддержан единогласно».

Андроу Фрейм: «Законопроект был уже подготовлен сенатором Олдричем и представлен Исполнительному совету Ассоциации американских банкиров в мае 1911 г. Как член этого совета, я получил копию за день до того, как требовался ответ. Когда законопроект прибыл в Новый Орлеан, американские банкиры не читали его».

Г-н Кайндред: «Неужели председательствующий просто исключил тех, кто хотел бы обсудить это отрицательно?»

Андроу Фрейм : «Они не позволили принять участие в программе тем, которые были не в пользу законопроекта».

Председатель Картер Гласс: «Какое значение имеет тот факт, что на следующем ежегодном совещании Ассоциации американских банкиров, которая состоялась в Детройте в 1912 году, ассоциация не подтвердила своё одобрение плана Национальной денежной комиссии, известного как план Олдрича?»

Андрю Фрейм: «Одобрение не было повторено по той простой причине, что сторонники плана Олдрича знали, что Ассоциация не одобрит его, мы были готовы к сражению, но они не выставили его на голосование».

Андрю Фрейм изобличил заговор, который в 1911 году принёс одобрение плана Олдрича Ассоциацией американских банкиров, но в 1912 году заговорщики даже не осмелились подтвердить это одобрение, опасаясь честного и открытого обсуждения достоинств плана.

Председатель Гласс после этого вызвал в качестве свидетеля одного из десятки самых могущественных банкиров Соединённых штатов, Джорджа Блюменталья (George Blumenthal), партнёра международного банковского дома Лазард Фререс (Lazard Freres) и зятя Юджина Мейера, младшего (Eugene Meyer, Jr.). Картер Гласс горячо приветствовал Блюменталья, заявив, что «Сенатор О'горман (O'Gorman) из Нью-Йорка был настолько любезен, что предложил ваше имя как свидетеля».

Год спустя, О'горман не дал сенатскому комитету возможности задать его хозяину, Полу Варбургу, некоторые неудобные вопросы, во время обсуждений его кандидатуры на место первого гувернёра Федеральной резервной системы.

Джордж Блюменталь заявил, что «С 1893 года моя фирма Лазард Фререс (Lazard Freres) была одной из главных в импорте и экспорте золота и поэтому вступала в контакт со всеми, кто участвовал в этом бизнесе.»

Конгрессмен Тейлор (Taylor) спросил: «Можете ли вы рассказать о той роли, которую вы играли в импорте золота в Соединённые штаты?» Тейлор спросил это потому, что паника 1893 года, по сведениям экономистов, была классическим примером того, как денежная паника вызывается куплей и продажей золота.

«Нет, — ответил Джордж Блюменталь, — я вообще ничего не могу сказать об этом, так как это не имеет отношения к вопросу».

Банкир из Филадельфии, Лесли Шоу (Leslie Shaw), не согласился с другими свидетелями на этих слушаниях, критикуя хваленую «децентрализацию» системы. Он сказал: «По плану Олдрича банкиры должны состоять в местных ассоциациях и районных ассоциациях, а когда у вас есть местные организации, централизованный контроль будет наверняка.

Предположим, что у нас в Индианаполисе есть местная ассоциация; можете ли вы определить троих человек, которые будут верховодить в ассоциации? А после этого сможете ли вы указать имя одного человека в других местах. Когда все банки собраны в одно целое, они будут иметь самое большое влияние на ход дел в этой стране, за исключением прессы».

Для продвижения демократического денежного законопроекта валюты, Картер Гласс обнародовал отрицательный отчёт о республиканских потугах Национальной денежной комиссии сенатора Олдрича. Его доклад Конгрессу в 1913 году говорит: «Сенатор МакВей (MacVeagh) определяет расходы Национальной денежной комиссии на 12 мая 1911 года в 207.130 долл.

С тех пор они потратили еще сто тысяч долларов денег налогоплательщиков. Работа, на которую пошли такие деньги, не может быть проигнорирована; но, изучив обширную литературу, опубликованную Комиссией, Банковский и валютный Комитет нашёл довольно мало материала, имеющего отношение к современному состоянию кредитного рынка Соединённых штатов. Мы выступаем против проекта закона Олдрича по следующим соображениям:

Полное отсутствие соответствующего правительственного или общественного контроля за банковскими механизмами.

Его тенденция дать право голоса по управлению крупным банкам системы.

Исключительная опасность инфляции присущая системе.

Неискренность плана в вопросах финансирования, выражающаяся в наглом утверждении, что эта система ничего не будет стоить правительству.

Опасные монополистические аспекты законопроекта.

Наш комитет с самого начала своей работы столкнулся с явно выраженными настроениями в пользу центрального банка, который явился результатом работы, которая была проведена Национальной денежной комиссией».

Осуждение плана Олдрича председателем Глассом как центрального банка игнорирует тот факт, что его собственный закон о Федеральной резервной системе будет выполнять все функции центрального банка. Её акции будут принадлежать частным акционерам, которые могут использовать кредит правительства для собственной выгоды, он будет иметь контроль над деньгами и кредитом страны, и она будет эмиссионным банком, который будет финансировать правительство, «мобилизуя» кредит в военное время.

В «Обосновании централизованной банковской системы» Вера К. Смит (Vera C. Smith, Комитет исследований и образования по денежным вопросам, июнь, 1981) пишет: «Главным определением центрального банка является банковская система, в которой один банк имеет либо полную или остаточную монополию на выпуск банкнот. Централизованный банк не является естественным продуктом банковского развития. Он навязывается извне или возникает как результат правительственных льгот».

Таким образом центральный банк достигает командных позиций благодаря тому, что правительство предоставляет ему монополию на выпуск банкнот. Это ключ к его власти. Кроме того, установление центрального банка оказывает прямой инфляционный эффект из-за фракционной резервной системы, которая позволяет создание кредитов, основанных на записях в книгах банка и, таким образом, создавать деньги, в несколько раз превышающие фактические «деньги», которые банк имеет в виде вкладов или резервных фондов.

План Олдрича так и не был поставлен на голосование в Конгрессе, так как республиканцы потеряли контроль над палатой представителей в 1910 году, а впоследствии потеряли Сенат и президентство в 1912 году.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Закон о Федеральной резервной системе

«Наша финансовая система фальшива и ложится тяжёлым бременем на людей... Этот закон создаёт крупнейший трест в мире». Конгрессмен Чарльз Август Линдберг, старший.

Выступления сенатора Лафоллета (LaFollette) и конгрессмена Линдберга стали точкой опоры оппозиции против плана Олдрича в 1912 году. Они также вызвали народное настроение против денежного треста. Конгрессмен Линдберг заявил 15 декабря 1911 года: «правительство преследует другие тресты, но поддерживает денежный трест.

Я терпеливо ждал несколько лет возможности разоблачить фальшивые денежные стандарты, и показать, что величайший из всех фаворитизмов тот, который выдан правительством денежному тресту».

Сенатор Лафоллет публично заявил, что денежный трест в пятьдесят человек контролирует Соединённые штаты. Джордж Ф. Бейкер, партнёр Дж. П. Морган, которого журналисты спросили так ли это, ответил, что это было абсолютно ошибочно. Он сказал, что лично знает, что не более восьми человек управляют этой страной.

Журнал Nation ответил сенатору Лафоллету в своей передовице, что «Если денежный трест существует, практически будет невозможно установить осуществляет ли он своё либо хорошее либо плохое влияние».

Сенатор Лафоллет замечает в своих мемуарах, что его речь против денежного треста позже стоила ему президентства Соединённых штатов, так же как изначальная поддержка Вудро Уилсоном плана Олдрича привлекла к нему внимание как достойного этой должности.

Конгресс, наконец, сделал жест, чтобы успокоить народ, назначив комитет по расследованию контроля денег и кредита Соединённых штатов. Это был комитет Пужо (Pujo), подкомитет Банковского и денежного комитета Палаты представителей, который проводил известные слушания о «Денежном тресте» в 1912 году под руководством конгрессмена из Луизианы Арсена Пужо (Arsene Pujo), которого считали представителем нефтяных интересов.

Эти слушания были намеренно растянуты на пять месяцев, и выдали на гора шесть тысяч страниц печатных показаний в четырёх томах. Месяц за месяцем банкиры ездили на поезде из Нью-Йорка в Вашингтон, свидетельствовали перед комитетом и возвращались в Нью-Йорк. Слушания были очень скучные, и никакой сногшибательной информации на этих сессиях не проявилось.

Банкиры торжественно сознавались в том, что они действительно являлись банкирами, утверждали, что они всегда действовали в общественных интересах, и утверждали, что они были мотивированы

исключительно высокими идеалами государственной службы, как и конгрессмены, перед которыми они давали свои показания.

Парадоксальность слушаний Пужо о денежном тресте можно лучше понять, рассмотрев человека, который в одиночку верховодил на этих слушаниях, Сэмюэл Унтермейер (Samuel Untermyer). Он был одним из главных жертвователей в фонд президентской кампании Вудро Уилсона, и был одним из самых богатых корпорационных адвокатов в Нью-Йорке.

Он заявляет в своей автобиографии в «Кто есть кто» за 1926 год, что он однажды отхватил гонорар в 775.000 долл. за завершение только одной правовой сделки, успешного слияния Utah Copper Company и the Boston Consolidated and Nevada Company, фирмы с рыночной стоимостью в сто млн. долларов.

Он отказался приглашать сенатора Лафоллета или конгрессмена Линдберга для дачи показаний в расследовании, которое как раз они и заставили Конгресс провести. В качестве специального советника комитета Пужо, Унтермейер вёл слушания единолично. Конгрессмены члены комитета, в том числе его председатель, конгрессмен Арсен Пужо, казалось, были немыми от начала слушаний до их завершения.

Один из этих безмолвных слуг общественности был конгрессмен из штата Южная Каролина Джеймс Бёрнс (James Byrnes, of South Carolina), представляющий округ, где проживал Бернард Барух (Bernard Baruch), впоследствии получил известность как «человек Баруха», и был устроен Барухом в руководители Управления военной мобилизацией во время Первой мировой войны.

Хотя Унтермейер был специалистом в таких вопросах, он ни разу не спросил ни одного из банкиров о системе взаимосвязанных директорств, через которые они контролировали финансы. Он не стал вдаваться в международное передвижение золота, роль которого в денежной панике была известна, или о международных отношениях между американскими и европейскими банкирами.

Международные банкирские дома Eugene Meyer, Lazard Freres, J. & W. Seligman, Ladenburg Thalmann, Speyer Brothers, M. M. Warburg, and the Rothschild Brothers не вызвали любопытства Самуила Унтермейера, хотя в финансовом мире Нью-Йорка хорошо было известно, что все эти семейные банковские дома либо имели филиалы либо контролировали подчинённые дома на Уолл-стрит.

Когда Яков Шифф (Jacob Schiff) предстал перед комитетом Пужо, г-н Унтермейер ловким допросом позволил г-ну Шиффу говорить в течение многих минут, не раскрывая никакой информации о деятельности банковского дома Kuhn Loeb Company, в которой он был старшим партнёром, и которую сенатор Роберт Л. Оуэн (Robert L. Owen) определил как представителя европейских Ротшильдов в США.

Старик Дж. П. Морган, которому оставалось жить несколько месяцев, предстал перед Комитетом, чтобы оправдать десятилетия его международных финансовых сделок. Он заявил, в назидание г-ну Унтермейеру о том, что «деньги не сырьевые товары».

Это была любимая уловка творцов денег, так как они хотели, чтобы общественность считала, что создание денег – естественный процесс, сродни выращиванию кукурузы, хотя на самом деле это был щедрый дар правительства банкирам, над которым они получили контроль.

Дж. П. Морган также сообщил Комитету Пужо, что в принятии решений о выдаче займов, он серьезно учитывал только один фактор – его характер, так что даже способность человека уплатить долг или его залог имело мало значения. Это удивительное наблюдение поразило даже пассивных членов Комитета.

Фарс комитета Пужо завершился без того, чтобы единому известному противнику творцов денег было позволено появиться и давать показания. Что касается Сэмюэла Унтермейера, сенатора Лафоллета и конгрессмена Чарльза Августа Линдберга не было в природе. Тем не менее, этим конгрессменам удалось убедить народ Соединённых штатов в том, что нью-йоркские банкиры обладали монополией на деньги кредит страны.

По окончании слушаний банкиры и субсидируемые ими газеты утверждали, что единственный способ разрушить эту монополию был принять банковское и денежное законодательство, предлагаемое в данный момент Конгрессу, законопроект, который будет принят через год, как закон о Федеральной резервной системе. Пресса серьезно требовала, чтобы банковская нью-йоркская монополия была разрушена передачей управления новой банковской системой самому из них опытному банкиру, Полу Варбургу.

Президентская кампания 1912 года преподнесла одну из наиболее интересных политических неожиданностей в американской истории. Бывший президентом в данный момент Уильям Говард Тафт (William Howard Taft), был популярным президентом, и республиканцы, в период всеобщего благоденствия, полностью контролировали правительство через республиканское большинство в обеих палатах.

Демократический претендент, Вудро Уилсон, губернатор штата Нью-Джерси, не был известен по всей стране и был аскетическим, суровым человеком, не вызывающим общественную поддержку.

Обе стороны включили в свои программы законопроекты о денежной реформе: республиканцы включили план Олдрича, который был осуждён как план Уолл-стрит, а демократы – закон о Федеральном резерве. Ни одна из сторон не удосужилась проинформировать общественность, что проекты были почти идентичны, за исключением имён. Оглядываясь назад, кажется очевидным, что творцы денег решили «кинуть» Тафта и идти с Уилсоном.

Откуда это нам известно? Казалось, что Тафт наверняка выиграет, а Уилсон канет в неизвестность. Вдруг, Теодор Рузвельт «бросил и свою перчатку». Он объявил, что он выступит в качестве кандидата от третьей партии, «Лось-самец». Его кандидатура была бы смешной, если бы не тот факт, что она исключительно хорошо финансировалась. Кроме того, он получил неограниченные упоминания в прессе, более Тафта и Уилсона, вместе взятых.

Так как он был бывшим республиканским президентом, было очевидно, что Рузвельт отнимет много голосов у Тафта. Так и случилось и Уилсон победил на выборах. По сей день никто не может сказать какой программы придерживался Теодор Рузвельт, и почему он саботировал свою собственную партию. Поскольку банкиры финансировали всех трёх кандидатов, они были уверены в выигрыше независимо от исхода.

Позже исследования Конгресса показали, что в фирме Kuhn Loeb Company, Феликс Варбург (Felix Warburg) поддерживал Тафта, Пол Варбург и Яков Шифф поддерживали Уилсона, а Отто Кан (Otto Kahn) поддерживал Рузвельта. Результатом было то, что в 1912 году были избраны демократический Конгресс и президент-демократ, чтобы протолкнуть законодательство о центральном банке.

Кажется вероятным, что ярлык Уолл-стрит, привешенный к плану Олдрич затруднил бы его принятие Конгрессом, так как демократы твёрдо выступили бы против него, в то время как успешный кандидат от демократической партии, при поддержке демократического Конгресса, мог бы провести план о центральном банке.

Тафт был выброшен за борт, потому что банкиры сомневались, что он сможет провести план Олдрича и Рузвельт стал орудием его смерти. (Окончательный подсчёт голосов «выборщиков» в 1912 году был следующий: Уилсон – 409, Рузвельт – 167, Тафт – 15.)

Чтобы ещё больше сбить с толка американский народ и скрыть истинную цель предлагаемого закона о Федеральной резервной системе, архитекторы плана Олдрича, могущественный Нельсон Олдрич, хотя больше не сенатор, и Фрэнк Вандерлип, президент National City Bank, подняли шумиху против законопроекта.

Они давали интервью, когда могли найти слушателей, осуждая предлагаемый закон о Федеральной резервной системе, как несовместимый с банковским делом и хорошим правительством.

Был поднят жупел инфляции из-за положения этого закона о печатании банкнот федерального резерва. Журнал The Nation от 23 октября 1913 года отметил, что «г-н Олдрич сам поднял шумиху о правительственных “декретных деньгах”, то есть о деньгах, выпускаемых без золотого обеспечения, хотя законопроект делать точно то же был принят в 1908 году под его именем, и он знал, кроме этого, что “правительство” не будет иметь ничего общего этим, что Федеральная резервная система будет полностью заведовать эмиссией таких денежных средств».

Высказывания Фрэнка Вандерлипа были настолько странными, что сенатор Роберт Л. Оуэн, председатель новообразованного сенатского банковского и денежного комитета, который был сформирован 18 марта 1913 года, обвинил его в проведении открытой кампании искажения информации о законе.

Интересы общественности, как Картер Гласс утверждал в своей речи от 10 сентября 1913 г. в Конгрессе, будут защищены консультативным советом банкиров. «В делах совета не может быть ничего страшного. По крайней мере четыре раза в год банкиры консультативного совета будут проводить

встречи с представителями всех регионов системы. Каким ещё образом мы могли бы осуществить защиту общественных интересов?»

Гласс утверждал, что предлагаемый федеральный консультативный совет заставит губернёров ФРС действовать в интересах народа.

Сенатор Рут (Root) поднял вопрос об инфляции, утверждая, что, в соответствии с законом об ФРС, обращение банкнот будет увеличиваться до бесконечности, в результате чего произойдет большая инфляция. Однако, последующая история ФРС показала, что это вызывало не только инфляцию, но и ограничение выпуска банкнот, в результате чего происходила дефляции, как это случилось с 1929 по 1939 год.

Один из критиков предлагаемой «децентрализованной» системы был адвокат из г. Кливленд, штат Огайо, Альфред Крозье (Cleveland, Ohio, Alfred Crozier): Крозье был вызван для дачи показаний сенатскому комитету, потому что он написал провокационную книгу в 1912 году, «Деньги США визави корпорационной валюты». Он именовал закон Олдрича-Вриленда от 1908 года инструментом Уолл-стрит, и он указывал, что, когда наше правительство станет выпускать деньги на основе частных ценных бумаг, то мы перестаём быть свободной нацией.

Крозьер свидетельствовал перед сенатским комитетом о том, что «Следует запретить предоставление или востребование займов в целях воздействия на котировки ценных бумаг и контрактов на кредиты или повышения процентных ставок в группах банков, чтобы влиять на общественное мнение или действия любого законодательного органа.

В течение последних месяцев в прессе сообщалось, что Уильям Макаду (William McAdoo), министр казначейства Соединённых штатов, в частности заявлял, что существует заговор среди некоторых крупных банковских группировок произвести уменьшение денежной массы и повысить процентные ставки для того, чтобы общественные силы заставили бы Конгресс провести денежное законодательство, желаемое этими группировками.

Так называемый денежный законопроект администрации как раз даёт то, чего Уолл-стрит и крупные банки добиваются уже в течение двадцати пяти лет, т.е. ЧАСТНЫЙ, А НЕ ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ валюты. Это ими полностью достигается, как и законом Олдрича. Обе меры лишают правительство и народ эффективного контроля над общественными деньгами, и дают исключительно банкам опасную власть увеличивать или уменьшать количество денег, находящихся в обороте.

Закон Олдрича даёт эту власть единому центральному банку. Законопроект же администрации даёт эту власть двенадцати региональным центральным банкам, все из которых принадлежат исключительно тем же частным группировкам, которые владели бы и управляли банком Олдрича.

Президент Гарфилд (Garfield) незадолго до его убийства заявил, что тот, кто контролирует эмиссию денег будет контролировать бизнес и жизнь людей. Томас Джефферсон сто лет тому назад предупреждал нас, что частный центральный эмиссионный банк представляет из себя большую угрозу для свободы людей, чем целая армия».

Интересно отметить, как много убийств президентов США последовало за их заинтересованностью в эмиссии общественной валюты; Линкольн с его «зелёными», беспроцентными банкнотами и Гарфилд, выступавший с заявлениями о денежных проблемах, как раз перед его убийством.

Теперь мы начинаем понимать, почему была необходима такая длительная кампания спланированного обмана, начиная с тайной конференцией на острове Джекилл и кончая идентичными планами «реформы», предложенными демократической и республиканской партиями под разными названиями.

Банкиры не могли вырвать контроль эмиссии денег у граждан Соединённых штатов, которым он принадлежал в соответствии с Конституцией, до тех пор пока Конгресс не предоставил им монополию на центральный банк. Таким образом, большая часть влияния нужного для принятия закона об ФРС было закулисным, в основном двух тёмных, не выбранных [гражданами, Мор] лиц: немецким иммигрантом, Полом Варбургом, и полковником Эдуардом Манделлом Хаусом (Edward Mandell House) из Техаса.

Пол Варбург выступил перед Комитетом банковских и денежных дел в 1913 году и кратко изложил свою биографию: «Я член банковского дома Kuhn, Loeb Company. Я приехал в эту страну в 1902 году, родившись и получив образование в банковском бизнесе в Гамбурге, в Германии, и изучал банковское дело в Лондоне и Париже, а также во всём мире. Во время Паники 1907 года, я сразу же сделал предложение “Давайте создадим национальный координационный центр”.

План Олдрича содержит некоторые положения, которые являются просто-напросто основополагающими нормами банковского дела. Ваша цель в этом плане (законопроект Оуэн-Гласса) должна быть такая же – централизация резервов, мобилизация коммерческого кредита, а также установление гибкой эмиссионной системы».

Фраза Варбурга, «мобилизация кредита» была важна, так как Первая мировая война должна была начаться в ближайшее время, и первой задачей ФРС должно было стать финансирование мировой войны. Европейские страны были уже обанкрочены, так как они в течение почти пятидесяти лет содержали большие армии – положение, созданное их собственными центральными банками, и поэтому они не могли бы финансировать войну.

Центральный банк всегда накладывает огромное бремя на народ для «перевооружения» и «обороны», в целях создания неоплатного долга, одновременно создавая военную диктатуру и порабощение народа для выплаты «процентов» на долг, искусственно созданный банкирами.

В ходе обсуждения Сенатом закона об ФРС, сенатор Стоун (Stone) заявил 12 декабря 1913 года:

«Крупные банки в течение многих лет добивались того, чтобы агенты министерства финансов служили их целям. Позвольте мне процитировать статью из журнала World, “Как только г-н Макаду явился в Вашингтон, женщина, которую National City Bank устроил в казначейство получать

свежую информацию о состоянии банков, а также и по другим вопросам, представляющим интерес для большой группы банкиров Уолл стрит, была удалена. Сразу же министр и замминистра, Джон Скелтон Уильямс (John Skelton Williams), были подвергнуты жёсткой критике агентов группы Уолл-стрит”.

«Я сам не раз сталкивался с ситуациями, когда банкиры отказывали в кредите людям, которые выступали против их политических взглядов и целей. Когда сенатор Олдрич и другие ездили по стране, проталкивая свой план, крупные банки Нью-Йорка и Чикаго были заняты сбором средств в общак для укрепления пропаганды Олдрича.

Банкиры моего собственного штата говорили мне, что взносы в этот общак с них требовали и что они внесли свой вклад, так как боялись попасть в чёрный список или подвергнуться бойкоту. В нашей стране есть банкиры, являющиеся врагами общественного благосостояния. В прошлом несколько крупных банков проводили политику и проекты, которые парализовали промышленную энергию страны, чтобы увековечить свою огромную власть над финансово-хозяйственной жизнью Америки».

Картер Гласс рассказывает в своей автобиографии, что он был вызван Вудро Уилсоном в Белый дом, и что Уилсон сказал ему, что он намеревался сделать резервные банкноты облигациями Соединённых штатов.

Гласс говорит: «Я на мгновение потерял дар речи. Я стал ему возражать. Правительство не несёт здесь никаких обязательств, господин Президент. Уилсон сказал, что ему пришлось пойти на компромисс по этому вопросу для того, чтобы спасти законопроект».

Термин «компромисс» по этому вопросу был непосредственно заимствован от Пола Варбурга. Полковник Елиша Элай Гаррисон (Elisha Ely Garrison), в книге «Рузвельт [Теодор], Уилсон и закон о Федеральной резервной системе (“Roosevelt [Theodore], Wilson and the Federal Reserve Law”) пишет:

«В 1911 году Лоуренс Аббот (Lawrence Abbot), частный представитель г-на Рузвельта при журнале “The Outlook”, вручил мне копию так называемого плана денежной реформы Олдрича. Я сказал, что не мог поверить, что г-н Варбург был его автором. Этот план является ни чем иным как законодательством Олдрича-Вриленда, предусматривающим эмиссию денег на основании ценных бумаг. Варбург это знает так же как и я. Я повидаяюсь с ним и спрошу его об этом. Прекрасно, желаю вам успеха, рассмеялся Рузвельт.

Я отправился к Варбургу и потребовал, чтобы тот сказал правду. Да, я написал это, сказал он. Почему? спросил его. Это был компромисс, ответил Варбург[13].

Гаррисон говорит, что Варбург написал ему 8 февраля 1912 года:

«Я не сомневаюсь, что после тщательного обсуждения вы согласитесь со мной, или я соглашусь с вами – но я надеюсь, что вы согласитесь со мной».

Это был ещё один из знаменитых приёмов Варбурга, когда он закулисно лоббировал конгрессменов поддержать его интересы, скрытая угроза, что они должны «согласиться с ним». Те, кто не соглашались, замечали, что их противники на следующих выборах получали крупные суммы и, как правило, терпели поражение.

Полковник Гаррисон, агент банкиров Brown Brothers, позднее Brown Brothers Harriman, был вхож в финансовые круги. Он пишет о полковнике Хаусе, что тот полностью соглашался с ранними писаниями г-на Варбурга». На 337 стр., он цитирует полковника Хауса:

«Я также предлагаю, чтобы Центральный совет был увеличен с четырёх до пяти членов и сроки их членства были продлены с восьми до десяти лет. Это дало бы стабильность и отняло бы у президента власть изменять состав совета в течение одного срока президентства».

Фраза Хауса «отнять у президента власть» имеет важное значение, потому что позже президенты оказались не в силах изменять направление правительства, потому что они не имели власти изменять состав Совета гувернёров ФРС для достижения большинства в течение срока своего президентства. Гаррисон также пишет в этой книге,

«Пол Варбург является человеком, который слепил закон о Федеральной резервной системе после того как план Олдрича вызвал такое общенациональное негодование и оппозицию. Вдохновителем обоих планов был барон Альфред Ротшильд (Alfred Rothschild) из Лондона».

Полковник Эдуард Манделл Хаус (см. заметку о Хаусе в разделе биографий) был охарактеризован раввином Стивенем Уайзом (Stephen Wise) в своей автобиографии, «Непростые годы», «неофициальным госсекретарём». Хаус отметил, что он и Уилсон знали, что, создавая закон об ФРС, они создавали инструмент более могущественный, чем Верховный суд. Совет гувернёров ФРС на самом деле является Верховным судом по финансовым вопросам и обжаловать любое из его решений было невозможно.

В 1911 году, до вступления в должность Уилсона в должность президента, Хаус вернулся к себе домой в Техас и завершил книгу под названием «Филипп Дрю, Администратор» ("Philip Dru, Administrator"). Хотя книга преподносилась как роман, на самом деле это был подробный план будущего правительства Соединённых штатов, «которое организовало бы социализм по Карлу Марксу», по мнению Хауса.

Этот «роман» предсказал введение прогрессивного подоходного налога, налога на прибыль, страхование на случай безработицы, социального обеспечения, и гибкой денежной системы.

Короче говоря, это был чертёж, который впоследствии реализуют администрации Вудро Уилсона и Франклина Д. Рузвельта. Он был опубликован «анонимно» издательством В. W. Huebsch of New York и широко распространён среди правительственных чиновников, у которых не было никаких сомнений относительно его авторства.

Джордж Сильвестр Вьерек (George Sylvester Viereck, см. заметку о Вьерек в разделе биографий), который знал Хауса в течение многих лет, позже описал отношения Уилсон-Хауса, «Самая странная дружба в истории» (The Strangest Friendship in History)[14].

В 1955 году, Уэстбрук Пеглер (Westbrook Pegler), комментатор издательства Хёрста (Hearst) с 1932 по 1956 год, узнал о книге «Филипп Дрю» и попросил у Вьерека экземпляр. Вьерек послал Пеглеру свой экземпляр книги, и Пеглер написал о ней заметку, заявив:

«Одним из учреждений, описанных в Филипп Дрю является Федеральная резервная система. Шиффы, Варбурги, Каны, Рокфеллеры и Морганы (Schiffs, the Warburgs, the Kahns, the Rockefellers and Morgans) сделали ставку на Хауса. Интересы Шиффов, Варбургов, Канов, Рокфеллеров и Морганов были лично представлены на таинственной конференции на острове Джекил. Франкфуртера (Frankfurter) устроили в юридический факультет Гарвардского университета, благодаря финансовому пожертвованию Гарвардскому университету Феликсом Варбургом и Павлом Варбургом, да ещё мы получили Алджера и Дональда Гисса (Alger and Donald Hiss), Ли Прессмана (Lee Pressman), Гарри Декстера Уайта и многих других ставленников избранного меньшинства (Little Weenie)»[14a].

Хаус откровенно выразил свои социалистические взгляды в «Филипп Дрю, Администратор»; на страницах 57-58, Хаус пишет:

«В прямых и сильных выражениях он отметил, что наша цивилизация была построена принципиально неверно, так как, среди прочего, она ограничивает эффективность; что, если бы общество было организовано правильно, то не было бы ни одного человека, кто не был бы достаточно одет и сыт.

Что это было результатом существующих законов, обычаев и этического воспитания, которые все были одинаково ответственны за неравенство возможностей и последующую огромную разницу между немногими и многими; что результатом таких условий было то, что большая часть населения оказывалась неэффективной, процент которой в каждой стране определялся соотношением образования, просвещения и бескорыстных законов к невежеству, фанатизму и эгоистичным законам»[15].

В своей книге (Дрю) Хаус предполагает сам стать диктатором и заставить людей жить по его радикальным взглядам, стр. 148: «Они признали тот факт, что Дрю доминирует ситуацию и что наконец-то, в республике проявился “Верховный разум”» (Master Mind). После этого он возводит себя в звание генерала. «Генерал Дрю объявил о своём решении взять на себя полномочия диктатора... их заверили, что он был свободен от любых личных амбиций... Он провозгласил себя “Администратором Республики”»[15a].

Этому задумчивому мечтателю, возмнившему себя диктатором, на самом деле удалось достичь положения конфиденциального советника президента Соединённых штатов, а затем добиться реализации многих своих мечтаний в качестве закона! На стр. 227, он перечисляет некоторые из законов, которые он хотел бы ввести в качестве диктатора.

Среди них закон о пенсиях для пожилых, страховка рабочих, кооперативные рынки, федеральная резервная система, кооперативные займы, национальная биржа труда и другие «социальные законы», некоторые из которых были приняты администрацией Уилсона, а другие – во время администрации Франклина Д. Рузвельта. Последний был фактически продолжением администрации Уилсона, со многими теми же самыми сотрудниками, и с Хаусом, руководящим администрацией закулисно.

Как и большинство закулисных дельцов в этой книге, полковник Эдуард Манделл Хаус поддерживал обязательную «лондонскую смычку». Происходя из голландской семьи «Хьюис» ("Huis"), его предки жили в Англии триста лет, после чего его отец поселился в штате Техас, где он сделал состояние на контрабанде во время междоусобной войны, доставляя хлопок и другую контрабанду своим британским партнёрам, в том числе Ротшильдам, и ввозя товары для осаждённых техасцев.

Старший Хаус, не доверяя нестабильной ситуации в Техасе, предусмотрительно перебросил все свои прибыли от контрабанды в золоте в банкирский дом Varing в Лондоне[15b]. По окончании междоусобной войны он стал одним из богатейших людей в Техасе. Он назвал своего сына «Манделл» в честь одного из своих соратников-купцов.

По словам Артура Хаудена Смита (Arthur Howden Smith), когда отец Хауса умер в 1880 году, его имущество было распределено между его сыновьями следующим образом: Томас Уильям (Thomas William) получил банковский бизнес, Джон – сахарную плантацию, а Эдвард М. – хлопковые плантации, которые приносили ему ежегодный доход 20.000 долл.[16].

В возрасте двенадцати лет, у молодого Эдуарда Манделла Хауса случилось воспаление мозга, а затем он был парализован солнечным ударом. Он был полу инвалидом, и его болезни при дали ему странный восточный внешний вид.

Он не занялся никакой профессией, а использовал деньги своего отца, чтобы влиять на политику Техаса, где он добился последовательного избрания пяти губернаторов с 1893 по 1911 год. В 1911 году он стал поддерживать Уилсона на пост президента и привлёк на его сторону важную техасскую делегацию, что обеспечило выдвижение его кандидатуры. Хаус впервые познакомился с Уилсоном в гостинице Gotham, 31 мая 1912 года.

В книге «Самая странная дружба в истории, Вудро Уилсон и полковник Хаус» («The Strangest Friendship In History, Woodrow Wilson and Col. House») Джордж Сильвестр Вьерек пишет: Шиффы, Варбургги, Каны, Рокфеллеры и Морганы (Schiffs, the Warburgs, the Kahns, the Rockefellers and Morgans) сделали ставку на Хауса.

«Что», – я спросил Хауса, «укрепило вашу дружбу?» «Совпадение наших темпераментов и взгляды на государственную политику», ответил Хаус. «Какие цели преследовали вы и он»? «Реализовать в законодательстве определенные либеральные и прогрессивные идеи»[17].

Хаус рассказывал Вьереку, что, когда он отправился в Белый Дом к Уилсону, он вручил ему 35.000 долл. Эта сумма была превышена только 50.000 долл., которые дал Уилсону Бернард Барух.

Успешное принятие программ Хауса не осталось незамеченным партнёрами Уилсона. В томе 1, стр. 157, «Откровенные записки полковника Хауса» (The Intimate Papers of Col. House), Хаус отмечает, что «члены кабинета [министров], как г-н Лейн (Lane) и г-н Брайан (Bryan) прокомментировали влияние Дрю на президента. “Всё, что книга говорит, должно быть”, пишет Лейн, “происходит. В конце концов президент приходит к “Филипп Дрю”»[18].

Хаус описал некоторые из его действий по проталкиванию закона о Федеральной резервной системе в «Откровенные записки полковника Хауса»:

«19 декабря 1912. Я разговаривал с Полом Варбургом по телефону о денежной реформе. Я рассказал о своей поездке в Вашингтон и что я сделал там, чтобы довести реформу до рабочего состояния. Я сказал ему, что Сенат и конгрессмены, как будто, готовы делать то, что он хотел, и что выбранный в президенты Уилсон мыслит как следует по данному вопросу»[19].

Тут мы видим как агент Варбурга в Вашингтоне, полковник Хаус, заверяет его, что Сенат и конгрессмены будут делать то, что он хочет, и что «выбранный в президенты мыслит как следует по данному вопросу» В этом контексте представительное правительство, похоже, прекратило своё существование. Хаус продолжает в своих «Записках»:

«13 марта 1913. Варбург и я доверительно обсудили вопрос о денежной реформе.

27 марта 1913. Г-н Дж. П. Морган -младший (J. P. Morgan, Jr.) и его сотрудник г-н Денни (Denny) пришли ровно в пять. Макаду (McAdoo) пришёл около десяти минут после этого. Морган уже отпечатал денежный план. Я посоветовал ему изготвить его в машинописной форме, чтобы он не казался слишком заранее подготовленным, и сегодня же переслать его Уилсону и мне.

23 июля 1913. Я попытался доказать мэру Бостона Куинси (Quincy) глупость банкиров восточного побережья, занимающих антагонистическую позицию по отношению к денежному закону. Я объяснил майору Генри Хиггинсону (Henry Higginson), ведущему бостонскому банкиру, насколько тщательно этот закон был разработан.

Незадолго до его приезда я закончил рассмотрение гарвардским профессором Спрагом критики Пола Варбурга закона Гласса-Оуэна и перешлю его в Вашингтон завтра. Каждый банкир известный Варбургу, знающий предмет практически, был извещён о разработке законопроекта.

13 октября 1913. Пол Варбург был мой первый посетитель сегодня. Он приехал, чтобы обсудить денежное мероприятие. В законе Оуэн-Гласса

есть много аспектов, которые он не одобряет. Я обещал связать его с Макаду и сенатором Оуэном, чтобы он мог обсудить это с ними.

17 ноября 1913. Пол Варбург позвонил мне о своей поездке в Вашингтон. Позже он и г-н Якоб Шифф зашли на несколько минут. Говорил больше Варбург. Он внёс новое предложение в отношении группирования регулярных резервных банков с тем, чтобы крепче их связать друг с другом и дать возможность проще связываться с ФРС».

В книге «Самая странная дружба в истории, Вудро Уилсон и полковник Хаус» («The Strangest Friendship In History, Woodrow Wilson and Col. House») Джордж Сильвестр Вьерек пишет: Шиффы, Варбурги, Каны, Рокфеллеры и Морганы (Schiffs, the Warburgs, the Kahns, the Rockefellers and Morgans) сделали ставку на Хауса.

Когда законодательство о Федеральной резервной системе, наконец, приобрело определённую форму, Хаус стал посредником между Белым домом и финансистами»[20].

На странице 45, Вьерек отмечает, что «полковник Хаус смотрит на реформу денежной системы, как венчающее достижение администрации Уилсона»[21]. Закон Гласса (версия Хауса окончательного закон о Федеральной резервной системе) был принят палатой представителей 18 сентября 1913 г., 287 голосов за, 85 против. 19 декабря 1913 года Сенат принял их версию со счётом 54 к 34.

Более сорока важных расхождений между версиями Палаты представителей и Сената должны были быть согласованы, и у противников законопроекта в обеих палатах Конгресса были основания надеяться, что пройдёт ещё много недель в совещаниях пока законопроект будет готов для рассмотрения.

Конгрессмены были готовы уехать из Вашингтона на ежегодные рождественские каникулы, будучи уверены, что совещания по законопроекту не будут закончены до следующего года. Но творцы денег подготовили и сделали самый блестящий ход их плана. В один день они согласовали все сорок спорных пунктов в законопроекте и быстро представили его на голосование. В понедельник 22 декабря 1913 года законопроект был принят Палатой 282-60 и Сенатом 43-23.

21 декабря 1913 г. The New York Times в редакционном комментарии о законе написал: «Нью-Йорк станет на более прочную основу финансового роста, и мы скоро увидим город денежным центром мира».

Первая страница Нью-Йорк Таймс в понедельник 22 декабря 1913 пестрела заголовками: ДЕНЕЖНЫЙ ЗАКОНОПРОЕКТ МОЖЕТ СЕГОДНЯ СТАТЬ ЗАКОНОМ, УЧАСТНИКИ СОВЕЩАНИЙ СОГЛАСОВАЛИ ПОЧТИ ВСЕ РАСХОЖДЕНИЯ В 01:30 СЕГОДНЯ УТРОМ, НЕТ ГАРАНТИИ ВКЛАДОВ – СЕНАТ УСТУПИЛ ПО ЭТОМУ ПУНКТУ, НО ОСТАВИЛ ПОЧТИ ВСЕ ДРУГИЕ ИЗМЕНЕНИЯ. «Почти с беспрецедентной скоростью совещание по согласованию разногласий между Палатой представителей и Сенатом по денежному закону практически завершило свой труд рано утром.

В субботу участники конференции разделились с разными мелочами, оставив сорок существенных различий для тщательного обсуждения в воскресенье.... Никакое важное законодательство не будет рассматриваться ни в одной палате Конгресса на этой неделе. Члены обеих палат уже готовятся покинуть Вашингтон».

С «беспрецедентной скоростью», говорит New York Times. В этом окончательном варианте стратегии прекрасно видна рука Пол Варбурга. Некоторые из самых ярких критиков законопроекта уже покинули Вашингтон. Уже давно политическая вежливость требовала, чтобы важные законопроекты не рассматривались в течение недели перед Рождеством, но эта традиция была грубо нарушена в целях закабаления американского народа законом о Федеральной резервной системе.

The Times похоронил [на последних страницах] краткие цитаты из заявлений конгрессмена Линдберга о том, что «законопроект создаст самый гигантский трест на земле», и процитировал представителя от штата Мэна Гернси (Guernsey), республиканца в Комитете по банковским и денежным вопросам при Палате представителей, что «Это инфляционный законопроект, вопрос только о степени инфляции».

Конгрессмен Линдберг заявил в тот исторический день в Палате представителей:

«Этот закон создаст самый гигантский трест на земле. Когда Президент подпишет этот законопроект, будет легализовано невидимое правительство денежной власти. Народ может не осознать это сразу, но час расплаты удалён только на несколько лет. Тресты скоро поймут, что они зарвались с вредом для их же собственного блага.

Народ должен сделать заявление о независимости, чтобы избавиться от власти денег. Они смогут это сделать, взяв Конгресс под свой контроль. Уоллстритовцы не смогли бы обмануть нас, если бы ваши сенаторы и представители не превратили бы Конгресс посмешище...

Если бы у нас был народный Конгресс, у нас была бы стабильность. Величайшим преступлением Конгресса является его денежная система. Этот банковский закон является наихудшим законодательным преступлением всех времён. Снова сработали партийные междусобойчики и партийные боссы снова сработали и не дали людям получить пользу от их собственного правительства».

23 декабря 1913 Нью-Йорк Таймс в редакционном комментарии написал, в отличие от критики законопроекта конгрессмена Линдберга, что «Банковский и денежный законопроект становится лучше и обоснованней каждый раз, когда он совершал путешествие из одного конца Капитолия в другой. Конгресс работал под общественным надзором при разработке законопроекта».

Под «общественным надзором», Times по-видимому подразумевал Пола Варбурга, который на несколько дней открыл небольшую канцелярию в здании Капитолия, откуда он руководил успешной предрождественской кампанией протолкивания законопроекта, и куда конгрессмены и сенаторы приходили по его приказу каждый час осуществлять его стратегию.

«Беспрецедентная скорость», с которой закон о Федеральной резервной системе был принят Конгрессом, стала известна как «рождественская бойня», осложнилась одним непредвиденным аспектом. Вудро Уилсон был захвачен врасплох, так как и его, как и многих других, заверяли, что законопроект вынесут на голосование только после Рождества.

Теперь он отказался подписать его, потому что он возражал против положений для выбора директоров класса Б. Уильям Л. Уайт (William L. Whit) рассказывает в своей биографии, что Бернард Барух, тот самый Барух, который сделал основной вклад в фонд кампании Уилсона, был ошеломлён, когда ему сообщили, что Уилсон отказался подписать законопроект.

Он поспешил в Белый дом и заверил Уилсона, что это был незначительный вопрос, который может быть урегулирован позже при помощи «административных процедур». Важно было, чтобы закон о Федеральной резервной системе был подписан сразу. В этой уверенности Уилсон подписал закон о Федеральной резервной системе 23 декабря 1913 года. История показала, что в тот день, Конституция перестала быть руководящим заветом американского народа, и наши права и свободы были переданы небольшой группе международных банкиров.

На первой странице Нью-Йорк Таймс от 24 декабря 1913 красовался заголовок: «УИЛСОН ПОДПИСАЛ ДЕНЕЖНЫЙ ЗАКОНОПРОЕКТ»! Ниже, также прописными буквами, были ещё две новости, «БЛАГОСОСТОЯНИЕ СТАНЕТ БЕСПЛАТНЫМ» и «ПОМОЩЬ ВСЕМ КЛАССАМ». Кто смог бы возражать против любого закона, который облагодетельствовал всех? The Times описал праздничную атмосферу, а семья Уилсона и правительственные чиновники смотрели как он подписал законопроект. «Рождественское настроение царило над собравшимися», ликовал Times.

В биографии Картера Гласса Риксей Смит (Rixey Smit) утверждает, что присутствующие на церемонии подписания законопроекта включали вице-президента Маршалла, гос секретаря Брайана, Картера Гласса, сенатора Оуэна, министра финансов Макаду, спикера Чэмп Кларка (Champ Clark) и других должностных лиц казначейства.

Ни одного из реальных авторов законопроекта, призывников Jekyll Island, не присутствовало. Они благоразумно не присоединились к сцене об их победе. Риксей Смит также пишет: «Чувствовалось, что как будто Рождество пришло на два дня раньше». 24 декабря 1913 года Яков Шифф написал полковнику Хаусу:

«Мой дорогой полковник Хаус! Я только хочу сказать вам слово о вашей бесшумной, но, вне всяких сомнений, эффективной работе проделанной вами в интересах денежного законодательства и поздравить вас с тем, что мероприятие наконец-то принято в качестве закона. Остаюсь с добрыми пожеланиями, с уважением, Яков Шифф».

Представитель штата Канзас Мур (Moore of Kansas), комментируя принятие закона, заявил в Палате представителей :

«Президент Соединённых штатов в настоящее время становится абсолютным диктатором всех финансов страны. Он назначает контрольный совет из семи человек, все из которых принадлежат к его политической партии, даже если это меньшинство. Министр казначейства оставляет за собой последнее слово в случае расхождений во мнениях между ним и советом директоров Федеральной резервной системы. И только один член Совета может быть сменён в течение президентского срока».

Десятилетние сроки полномочий членов Совета были удлинены законом о банковской деятельности 1935 года до четырнадцати лет, а это означает, что эти хозяева финансов страны, хотя и не избираются народом, занимают эту должность более трёх президентов.

Хотя полковник Хаус, Яков Шифф и Пол Варбург купались в лучах хорошо выполненной работы, другие участники этой драмы позже пересмотрели своё отношение к ней. Вудро Уилсон писал в 1916 году, в публикации *National Economy and the Banking System*, Sen. Doc. No. 3, No. 223, 76th Congress, 1st session, 1939: «Наша система кредита сосредоточена (в Федеральной резервной системе). Рост нации и, следовательно, вся наша деятельность, находятся в руках нескольких человек».

Когда Кларенс В. Баррон (Clarence W. Barron) спросил Варбурга доволен ли он законопроектом в его окончательной формулировке, тот заметил: «Ну, в нём не совсем всё, чего мы хотели, но этот недостаток можно отрегулировать позже при помощи административных процессов».

Большинство современных историков считают, что закон был принят благодаря Вудро Уилсону и Картеру Глассу. Но среди всех имеющих отношение к этому делу лиц Уилсон сыграл наименьшую роль в решении Конгресса по законопроекту. Джордж Крил (George Creel), ветеран Вашингтонских корреспондентов, пишет в еженедельнике *Harper's*, от 26 июня 1915 г.:

«Что касается демократической партии, Вудро Уилсон не имел в ней никакого влияния, за исключением тех, кому он покровительствовал. Таким был Брайан, организовавший поддержку Конгресса законопроекта о тарифах, отмены пошлин на Панамский канал и денежного законопроекта. Г-н Брайан позже писал: «Одна вещь в моей общественной карьере, о которой я сожалею – моя работа по проталкиванию Федеральной резервной системы».

25 декабря 1913 года, журнал *The Nation* отметил, что «Нью-йоркский фондовый рынок уверенно пошёл вверх в ответ на новость, что Сенат был готов принять закон об ФРС» .

Это опровергает утверждение, что закон об ФРС был законом о денежной реформе. Нью-йоркская фондовая биржа, как правило, считается точным барометром истинного смысла любого финансового законодательства, принятого в Вашингтоне. Сенатор Олдрич также решил, что ему больше нечего беспокоиться о законе об ФРС.

В журнале, которым он владел и который он именовал «Независимый» (*The Independent*), он писал в июле 1914 года: «До принятия этого закона

нью-йоркские банкиры могли доминировать только резервы Нью-Йорка. Теперь мы в состоянии доминировать банковские резервы всей страны».

Х. В. Лоакс (H. W. Loucks) осудил закон об ФРС как Великой заговор дома Моргана: «При помощи закона об ФРС они вырвали у народа и захватили конституционные полномочия по эмиссии денег и регулирования их стоимости». На стр. 31 Лоакс пишет:

«Дом Моргана в настоящее время верховодит нашей промышленностью, торговлей и политикой. Они полностью контролируют политику демократической, республиканской и прогрессивной партий. Теперешняя усиленная пропаганда "готовности" планируется больше для внутреннего принуждения, чем для защиты от внешней агрессии»[22].

Подписание закона об ФРС Вудро Уилсоном стало кульминацией многолетнего сговора близких приятелей, полковником Хаусом и Полом Варбургом. Одно из лиц, с которым Хаус познакомился в администрации Уилсона был Франклин Д. Рузвельт, заместитель министра флота. Как только он был выдвинут от демократической партии на пост президента, в 1932 году, Франклин Д. Рузвельт совершил «паломничество» к полковнику Хаусу в Магнолию, штат Массачусетс (Magnolia, Mass.).

Рузвельт, во время отставки от дел республиканской партии в 1920-х годах, дополнил реализацию целей Филиппа Дрю, Администратора[23], которые Уилсон не был в состоянии выполнить. Последние достижения Рузвельта включают принятие программы социального обеспечения, налог на сверхприбыль и увеличение прогрессивного подоходного налога до 90% от заработанных доходов.

Биограф Хауса, Чарльз Сеймур (Charles Seymour), пишет: «Он не терпел партийных разборок и назначений. Его даже не удовлетворяла роль, которую он взял на себя в конструктивном внутреннем законодательстве (закон об ФРС, пересмотр тарифов, а также поправки к закону о подоходном налоге). С начала 1914 года он уделял всё больше и больше своего времени тому, что он считал самым важным в политике и тому, к чему он лучше всего подходил – международным делам»[24].

В 1938 году, незадолго до своей смерти, Хаус сказал Чарльзу Сеймуру, «Н а протяжении последних пятнадцати лет я был близок к центру событий, хотя мало кто подозревал это. Ни один важный иностранец не приезжал в Соединённые штаты, не посоветовавшись со мной. Я был близок к движению, выдвинувшему Рузвельта. Он дал мне свободу действий в моих советах ему. Все послы частенько меня навещали».

Сравнение распечатки закона об ФРС 1913 года принятого Палатой представителей с поправками, внесенными сенатом, показывает следующее поразительное изменение:

Сенат вычеркнул слова «Временно отстранять от должности сотрудников федеральных резервных банков по причинам, изложенным в письменной форме с возможностью слушаний, требовать увольнения указанных сотрудников из-за некомпетентности, халатности, мошенничества или обмана, при условии утверждения президентом Соединённых штатов». Это было изменено Сенатом следующим образом:

«Чтобы отстранить или уволить любого сотрудника или директора любого Федерального резервного банка, такой сотрудник или директор, равно как и соответствующий банк, должны быть немедленно извещены в письменной форме о причине такого увольнения».

Это полностью изменило условия, при которых сотрудники или директора могли быть уволены. Нам больше неизвестно при каких условиях или по каким причинам может состояться увольнение. Видимо некомпетентность, халатность, мошенничество или обман не имеют никакого значения для Совета гувернёров Федеральной резервной системы.

Кроме того, уволенный сотрудник не имеет возможности обжаловать к президенту. В ответ на письменный запрос, помощник секретаря Совета гувернёров ФРС ответил, что в течение тридцати шести лет «за дело» был уволен только один сотрудник, но его имя и подробности этого события были «частным делом» индивидуума, соответствующего резервного банка и ФРС.

Работа ФРС началась в 1914 году с организации Комитета, назначенного Вудро Уилсоном, и состоящего из министра казначейства Уильяма Макаду, который был его зятем, министра сельского хозяйства Хьюстона (Houston) и контролёра денежного обращения Джона Уильямса Скелтона.

6 января 1914 года Дж. П. Морган встретился с Оргкомитетом в Нью-Йорке. Он сообщил им, что в новой системе не должно быть более семи региональных отделов.

Оргкомитет должен был выбрать места расположений «децентрализованных» резервных банков. Они были уполномочены выбрать от восьми до двенадцати резервных банков, хотя и Дж. П. Морган, давая показания, считал, что следует выбрать не более четырёх. В выборе этих мест играло роль немало политиканства, так как двенадцать избранных таким образом точек стали бы чрезвычайно важными в качестве центров финансирования.

Нью-Йорк, конечно, был предreshён. Ричмонд был следующим выбором, как награда Картеру Глассу и Вудро Уилсону, двум туземцам Вирджинии, которые заслужили политическую награду за проталкивание Федерального резервного закона. Другие выборы Комитета пали на Бостон, Филадельфию, Кливленд, Чикаго, Сент-Луис, Атланту, Даллас, Миннеаполис, Канзас-Сити и Сан-Франциско. Все эти города позже развились в важные «финансовые районы», как результат этого выбора.

Эти бои местного значения, бледнели, однако ввиду полного доминирования в Федеральной резервной системе банка Нью-Йорка. Фердинанд Лундберг (Ferdinand Lundberg) отметил в книге «Шестьдесят семейств Америки» (America's Sixty Families), что, «На практике, Федеральный резервный банк Нью-Йорка стал первоисточником системы из двенадцати региональных банков, так как денежным рынком страны стал Нью-Йорк.

Другие одиннадцать банков играли роль дорогих мавзолеев, возведенных льстить местной гордости и подавить джексоновские опасения глубинки. Бенджамин Стронг, президент Bankers Trust (Дж. П. Морган) был выбран в

качестве первого гувернёра Федерального резервного банка Нью-Йорка. Знарок крупных финансовых операций, Стронг в течение многих лет манипулировал денежной системой страны по усмотрению директоров, представляющих ведущие нью-йоркские банки.

Во время правления Стронга резервная система наладила тесные рабочие отношения с Банками Англии и Франции. Бенджамин Стронг занимал должность гувернёра Федерального резервного банка Нью-Йорка до его внезапной смерти в 1928 году, во время расследования Конгресса тайных встреч гувернёров резерва с руководителями европейских центральных банков, которые привели к Великой депрессии 1929-31»[25].

Стронг был женат на дочери президента Bankers Trust, что дало ему место в линии наследования в династических интригах, которые играют такую важную роль в мире высоких финансов. Он также был членом оригинальной группы Jekyll Island, названной «Клуб первых», и, таким образом, право на высокое положение в Федеральной резервной системе, как гувернёр Федерального резервного банка Нью-Йорка, который доминировал над всей системой.

Пол Варбург также упоминается в авторитетном труде Дж. Лоренса Лафлина, «Закон о Федеральной резервной системе, его происхождение и цели»:

«Г-н Пол Варбург из Kuhn, Loeb Company в марте 1910 предложил достаточно хорошо продуманный план, ставший известным под названием “Соединённый резервный банк США”. Это было опубликовано в Нью-Йорк Таймс от 24 марта 1910 года. Группа, заинтересованная в задачах Национальной денежной комиссии, тайно встретилась на острове Джекилл в течение двух недель в декабре 1910 года и сосредоточилась на подготовке законопроекта, который был бы представлен в Конгресс Национальной денежной Комиссией.

Лица, которые присутствовали на острове Джекилл, были сенатор Олдрич, Н. Р. Дэвисон из компании J. P. Morgan, Пол Варбург из Кун, Лёб компании, Фрэнк Вандерлип из Национального городского банка, и Чарльз Д. Нортон из Первого Национального банка (Senator Aldrich, H. P. Davison of J. P. Morgan Company, Paul Warburg of Kuhn, Loeb Company, Frank Vanderlip of the National City Bank, and Charles D. Norton of the First National Bank).

Без сомнения, самым талантливым банковским умом в группе был г-н Warburg, который прошёл обучение банковскому делу в Европе. У сенатора Олдрича не было специальной подготовки в банковской сфере»[26].

Упоминание Пола Варбурга, написанное Гарольдом Келлохом (Harold Kelloch) и под названием «Варбург-революционер» (Warburg the Revolutionist) появилось в журнале Century Magazine за май 1915 года. Келлох пишет:

«Он подчинил своим идеям нацию в сто миллионов человек... Без г-на Варбурга не было бы закона о Федеральной резервной системе. Банковский дом Warburg and Warburg в Гамбурге всегда был

исключительно семейный бизнес. Никто, кроме Варбургов не имел право участвовать в нём, и все Варбурги входили в него по праву рождения.

В 1895 году Варбург женился на дочери покойного Соломона Лёба из Kuhn Loeb Company. Он стал членом Kuhn Loeb Company в 1902 году. Зарплата г-на Варбурга в его частном бизнесе составляла около полутора миллионов в год. Мотивы, подвигающие г-на Варбурга, были чисто патриотическим самопожертвованием».

Истинные цели закона об ФРС вскоре принесли разочарование многим, кто на первых порах верил в её претензии. В. Г. Аллен (W. H. Allen) пишет в журнале Moody's, в 1916 году, «Целью закона о Федеральной резервной системе было предотвратить концентрацию денег в нью-йоркских банках, сделав более выгодным для банкиров страны использовать свои средства на местах, но движение валюты показывает, что нью-йоркские банки остались в выигрыше во всех месяцах, кроме декабря 1915 года, после вступления закона в силу. Стабилизация ставок произошла только в Нью-Йорке.

В других частях страны сохранились высокие ставки. Закон, который должен был лишить Уолл-стрит её спекулятивных фондов, в действительности дал “быкам и медведям” такой источник средств, которого они никогда не имели раньше. На деле оказалось, что, вместо того, чтобы обременить канал [потока денег, MoP] на Уолл-стрит, о чём так уверенно хвастался г-н Гласс, фактически расширились старые каналы и открылись два новых.

Первый из них ведёт прямо в Вашингтон и Уолл-стрит получает доступ ко всем излишкам наличности казначейства Соединённых штатов. Кроме того, полномочие на эмиссию банкнот, даёт неисчерпаемый источник кредитных денег; второй канал ведёт к большим центральным банкам Европы, в которых, через продажу акцептов, практически гарантированных правительством США, Уолл-стриту предоставлен иммунитет от иностранных требований на золото, сопровождающих все крупные кризисы в нашей истории».

На протяжении многих лет фактические владельцы акций федеральных резервных банков были покрыты мраком неизвестности. Конгрессмен Райт Патман (Wright Patman), ведущий критик системы, пытался выяснить, кто были акционерами. Акции первоначальных двенадцати региональных Федеральных резервных банков были куплены национальными банками в этих двенадцати регионах.

Так как Федеральному резервному банку Нью-Йорка было поручено устанавливать процентные ставки и руководить прямыми операциями на открытом рынке, контролируя таким образом ежедневные поставки и стоимость денег на всей территории Соединённых штатов, именно акционеры этого банка являются реальными директорами всей системы. Впервые может быть выявлено кто эти акционеры.

У данного автора есть оригинал свидетельства организации двенадцати Федеральных резервных банков, указывающий владельцев акций национальных банков в каждом районе. Федеральный резервный банк Нью-Йорка выпустил 203 053 акций и, в соответствии с отчётом

контролёра денежного обращения от 19 мая 1914, крупные нью-йоркские банки раскупили более половины акций. Контролируемый Рокфеллером и Кун, Лёб National City Bank купил наибольшее количество акций, 30.000 акций. Первый Национальный банк Дж. П. Морган купил 15.000 акций.

Когда эти два банка слились в 1955 году, они имели в одном блоке почти четверть акций Федерального резервного банка Нью-Йорка, который контролировал всю систему, и, таким образом они могли бы назвать Пола Волкера (Paul Volcker) или кого-либо другого, которого они решили бы назначить председателем Совета гувернёров Федеральной резервной системы. Чейз Нэшнл Банк (Chase National Bank) купил 6000 акций. Marine National Bank Буффало, штат Нью-Йорк, позже известный как Marine Midland, купил 6000 акций.

Этот банк принадлежал семейству Скилкопф (Schoellkopf), которое контролировало ниагарскую электрическую компанию и другие крупные предприятия. National Bank of Commerce Нью-Йорка купил 21.000 акций. Акционеры этих банков, которые владеют акциями Федерального резервного банка Нью-Йорка, являются людьми, которые контролируют наши политические и экономической судьбы с 1914 года. Это европейские Ротшильды, Lazard Freres (Юджин Мейер), Kuhn Loeb Company, Warburg Company, Lehman Brothers, Goldman Sachs, семейство Рокфеллеров и интересы Дж. П. Моргана.

В последние годы эти интересы слились и сведены воедино, так что контроль является гораздо более концентрированным. National Bank of Commerce теперь Morgan Guaranty Trust Company; Lehman Brothers слился с Kuhn Loeb Company; First National Bank слился с National City Bank, а в остальных одиннадцати районах Федеральной резервной системы эти же акционеры косвенно владеют или контролируют акции в этих банках, через другие акции, принадлежащие ведущим семействам в тех районах, которые владеют или контролируют главные отрасли промышленности в этих регионах (см. [таблицы V - IX](#)).

«Местные» семейства создают региональные советы по приказу из Нью-Йорка, по подобию таких групп, как «Совет по международным отношениям» (Council on Foreign Relations), Трёхсторонняя комиссия (The Trilateral Commission) и других рычагов управления, изобретенных их хозяевами. Они финансируют и контролируют политические события в своих районах, выдвигают кандидатов, и редко сталкиваются с попытками успешно противостоять их планам.

Создание двенадцати «финансовых районов» через федеральные резервные банки покончило с традиционным разделением Соединённых штатов на сорок восемь штатов, и мы вошли в эпоху «регионализма», или двенадцати регионов, которые не имели никакого отношения к традиционным штатным границам.

Такое развитие событий после принятия закона о Федеральной резервной системе подтвердило каждое из утверждений Томаса Джефферсона, которые он высказал против центрального банка в 1791 году: что владельцы акций Федерального резервного банка создадут корпорацию, акциями которой могут и будут владеть иностранцы; что эти акции будут передаваться по определённой линии наследников; что они будут

ограждены от конфискации и выморочных правил; что они получают монополию на банковский бизнес, в нарушение законов о монополиях; и что теперь они получили власть издавать законы, превосходящую штатные законы.

Никакие штатные правительства не могут отменять законы, установленные советом гувернёров Федеральной резервной системы в интересах своих частных акционеров. Этот совет издаёт законы о размерах процентных ставок, о количестве денег в обороте и об их стоимости. Все эти полномочия аннулируют полномочия законодательных собраний штатов и их ответственности перед гражданами этих штатов.

The New York Times заявил, что Федеральная резервная система будет готова к работе с 1 августа 1914 года, но фактически она начала свою деятельность 16 ноября 1914 года. В то время их активы исчислялись в 143 млн. долл., полученных от продажи акций федеральных резервных банков акционерам национальных банков, которые подписались на них.

Часть этих 143 млн. долл., которые были получены за эти акции, остаётся в тайне. Некоторые историки считают, что акционеры выплатили только около половины суммы наличными; другие считают, что они вообще наличными не платили, а лишь послали чеки, выписанные на национальные банки, которыми они владели. Это кажется наиболее вероятным, потому что с самого начала Федеральная резервная система оперировала «ценными бумагами, выпущенными в бумаге», т.е., что из рук в руки передавались лишь бухгалтерские записи.

Лица, которых президент Вудро Уилсон решил сделать членами первого Совета гувернёров Федеральной резервной системы, вышли из банковской среды. Он был выдвинут кандидатом в президенты от демократической партии, которая утверждала, что представляет «простой народ» против «корпоративных интересов». По словам Уилсона, ему было разрешено выбирать только одного человека в Совет гувернёров Федеральной резервной системы. Другие выбирались нью-йоркскими банкирами. Выбор Уилсона пал на Томаса Д. Джонса (Thomas D. Jones), попечителя Принстона и директора International Harvester и других корпораций.

Другими членами стали Адольф С. Миллер (Adolph C. Miller), экономист из университета Рокфеллера в Чикаго и Гарвардского университета Моргана, а также служащим в качестве заместителя министра внутренних дел; Чарльз С. Хамлин (Charles S. Hamlin), служивший ранее в качестве заместителя министра казначейства в течение восьми лет; Ф. А. Делано (F. A. Delano), родственник Рузвельта, и управляющего железнодорожными дорогами, который взял на себя управления ряда железных дорог Kuhn, Loeb Company; В. П. Г. Хардинг (W. P. G. Harding), президент First National Bank Атланты; и Пол Варбург из Kuhn, Loeb Company.

В соответствии с “The Intimate Papers of Col. House”, Варбург был назначен потому, что «президент принял предложение Хауса назначить Пола Варбурга в Нью-Йорк из-за его интереса и опыта в денежных проблемах в качестве служащего как республиканских, так и демократических администраций»[27]. Как Варбург, Делано также родился за пределами континентальных Соединённых штатов, хотя он и был американским гражданином. Отец Делано, Уоррен Делано, по словам доктора

Джозефсона (Josephson) и других официальных лиц, принимал активное участие в Гонконге в китайской торговле опиумом, и Фредерик Делано родился в Гонконге в 1863 году.

В книге «The Money Power of Europe» Пол Эмден (Paul Emden) пишет, что «Варбурги достигли выдающегося положения в течение последних двадцати лет прошлого века, одновременно с ростом Kuhn, Loeb Company в Нью-Йорке, с которыми они состояли в личной связи и семейных отношениях. Пол Варбург в 1913 году замечательно успешно осуществил реорганизацию американской банковской системы, над чем он с сенатором Олдричем работал с 1911 года, и, таким образом, наиболее полно упорядочил валюту и финансы Соединённых штатов»[28].

Нью-Йорк Таймс 30 апреля 1914 года сообщил, что 12 регионов подписались на 74.740.800 долл. и что банки-подписчики собирались выплатить половину этой суммы в течение шести месяцев.

6 мая 1914 Нью-Йорк Таймс отметил, что Пол Варбург «вышел на пенсию» из Kuhn, Loeb Company для того, чтобы работать в Совете гувернёров Федеральной резервной системы, хотя он не подавал в отставку в American Surety Company, Baltimore and Ohio Railroad, National Railways of Mexico, Wells Fargo, or Westinghouse Electric Corporation, но будет продолжать работать в этих советах директоров.

В списке «Кто есть кто» он числится в этих директоратах и, кроме того, в American I. G. Chemical Company (branch of I. G. Farben), Agfa AnSCO Corporation, Westinghouse Acceptance Company, Warburg Company of Amsterdam, chairman of the Board of International Acceptance Bank, а также в многочисленных других банках, железных дорогах и корпорациях. «Kuhn Loeb & Co. с Варбургом имеют четыре голоса или большинство в Совете гувернёров Федеральной резервной системы»[29].

Несмотря на его уход из Kuhn, Loeb Company в мае 1914, чтобы служить в Совете гувернёров Федеральной резервной системы, Варбурга попросили выступить перед подкомитетом Сената в июне 1914 года и ответить на несколько вопросов о своей закулисной роли в проталкивании закона о Федеральной резервной системе в Конгрессе.

Так как это могло означать несколько вопросов о секретном совещании в Jekyll Island, то Варбург отказался явиться. 7 июля 1914 года он написал письмо Г. М. Хичкоку (G. M. Hitchcock), председателю сенатского банковского и денежного комитета, заявив, что это может негативно отразиться на его полезности в Совете гувернёров, если он будет обязан отвечать на различные вопросы, и что он, таким образом, должен снять свою кандидатуру.

По-видимому, Варбург был готов блефовать сенатский комитет, чтобы те утвердили его кандидатуру без каких-либо опросов. 10 июля 1914 года, Нью-Йорк Таймс защитил Варбурга в своей передовице и осудил «сенатскую инквизицию». Так как Варбургу ещё не задавали никаких вопросов, то термин «инквизиция», казался удивительно неуместным, так как не было никакой реальной опасности, что сенаторы готовятся к использованию орудий пыток против г-на Варбурга.

Запутанная ситуация была решена, когда сенатский комитет, фактически капитулировав, постановил, что г-ну Варбургу выдадут список вопросов, до его появления перед Комитетом, чтобы он мог изучить их, и что он может быть освобождён от ответов на любые вопросы, которые могут пойти во вред его службе в Совете губернёров.

Журнал The Nation от 23 июля 1914 сообщил, что «г-н Варбург, наконец, провёл совещание с сенатором О'Горманом и согласился встретиться с членами подкомитета Сената неформально, с целью достичь понимания и дать им любую разумную информацию, которую они желали бы получить».

В Вашингтоне бытует мнение о том, что утверждение г-на Варбурга состоится». The Nation оказался прав. Г-н Варбург был утверждён, не без помощи фиксажа сенатора О'Гормана из Нью-Йорка, более фамильярно известного как «сенатор от Уолл-стрит». Сенатор Роберт Л. Оуэн ранее заявлял, что Варбург был американский представитель семейства Ротшильдов, но расспрашивать его об этом будет действительно отдавать средневековой «инквизицией», и его коллеги-сенаторы были слишком цивилизованными, чтобы заниматься таким варварством[29a].

В ходе слушаний в сенатском банковском и денежном комитете 1 августа 1914 года сенатор Бристоу (Bristow) спросил Пола Варбурга: «Сколько из этих партнёров (из Kuhn, Loeb Company) являются американскими гражданами?» Warburg: «Они все американские граждане, за исключением г-н Кана, который является британским подданным». Бристоу: «Он был в своё время кандидатом в парламент, не так ли?» Warburg: «Об этом был разговор, было такое предложение, и он подумывал об этом» .

Пол Варбург также заявил комитету «Я отправился в Англию, где я пробыл два года, сначала в банковской и дисконтной фирме Самуил Монтегю и компания (Samuel Montague & Company). После этого я отправился во Францию, где я служил во французском банке» .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: «Какой это был французский банк?» Варбург: «Это был русский банк для внешней торговли, который имеет представительство в Париже».

Бристоу: «Как я понимаю, вы были республиканцем, но, когда г-н Теодор Рузвельт решил баллотироваться, вы стали сторонником с г-на Уилсона и его поддержали». Варбург: «Да». Бристоу: «В то время как ваш брат (Феликс Варбург) поддерживал Тафта?» Варбург: «Да». Таким образом, три партнёра Kuhn, Loeb Company поддерживали трёх разных кандидатов на пост президента Соединённых штатов.

Пол Варбург поддерживал Уилсона, Феликс Варбург – Тафта, а Отто Кан – Теодора Рузвельта. Пол Варбург объяснил эту любопытную ситуацию, говоря комитету, что они не влияли на политические убеждения друг друга, так как «финансы и политика не совместимы».

Вопросы о назначении Варбурга исчезли в шуме и крике по поводу единственного назначения Уилсона в Совет губернёров, Томаса Д. Джонса. Журналисты обнаружили, что Джонсу, на момент его назначения, было предъявлено обвинение генерального прокурора Соединённых штатов. Уилсон бросился защищать своего избранника, рассказывая журналистам,

что «большинство лиц, связанных с тем, что мы именуем “большой бизнес”, являются честными, неподкупными и патриотическими».

Несмотря на протесты Уилсона, сенатский банковский и денежный комитет запланировал слушания о пригодности Томаса Д. Джонса быть членом Совета губернёров. Тогда Уилсон затем написал письмо сенатору Роберту Л. Оуэн, председателю этого комитета:

«18 июня 1914
Уважаемый сенатор Оуэн!

Г-н Джонс всегда выступал за права народа против права по блату. Его связи с Harvester Company служили общественным, а не частным интересам. Он является единственным человеком из числа тех, кто вызвал своеобразное чувство моего личного выбора.
С уважением,
Вудро Уилсон»

Вудро Уилсон сказал: «Нет никаких оснований полагать, что неблагоприятный отчёт представляет собой отношение самого Сената». После нескольких недель Томас Д. Джонс снял свою кандидатуру, и страна должна была обойтись без его услуг.

В составе первого Совета губернёров были министр финансов, Уильям Макаду, зять Уилсона и президент железной дороги Hudson-Manhattan, контролируемой Kuhn, Loeb Company, и контролёр денежного обращения Джон Скелтон Уильямс).

Когда Федеральные резервные банки открылись для бизнеса 16 ноября 1914 года, Пол Варбург заявил: «Эта дата может рассматриваться в качестве четвёртого июля в экономической истории США»[29b].

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Федеральный консультативный совет

Во время непреодолимого проталкивания закона о Федеральной резервной системе через палату представителей конгрессмен Картер Гласс заявил 30 сентября 1913 года в прениях, что интересы общества будут защищаться консультативным советом банкиров. «В его действиях не будет ничего зловещего. Проводя встречи по крайней мере четыре раза в год, консультативный совет банкиров будет представлять все регионы системы. Каким образом мы могли бы проявлять ещё большую осторожность в защите общественных интересов?»

Ни тогда, ни позже Картер Гласс не дал никакого обоснования для его убеждения в том, что группа банкиров будет защищать интересы общественности, как и не существует никаких доказательств в истории Соединённых штатов, что какая-либо группа банкиров когда-то делала это.

На самом же деле, Федеральный консультативный совет стал тем «административным процессом», который Пол Варбург вставил в Федеральный резервной закон обеспечить тот удалённый, но невидимый контроль над системой, которого он добивался.

Когда, сразу после принятия Федерального резервного закона в качестве закона Конгрессом, финансовый репортер Си. В. Баррон спросил его одобряет ли он законопроект в том виде как он был окончательно принят, Варбург ответил: «Ну, в нём не совсем всё, чего мы хотели, но этот недостаток можно отрегулировать позже при помощи административных процессов».

Совет оказался идеальным инструментом для целей Варбурга, как он функционирует на протяжении семидесяти лет в условиях почти полной анонимности, а его члены и их деловые связи незаметны и неизвестны общественности.

Сенатор Роберт Оуэн, председатель сенатского банковского и денежного комитета, сказал, как цитируется в Нью-Йорк Таймсе 3 августа 1913 до принятия закона:

«Закон о Федеральной резервной системе предоставит банковским и промышленным и коммерческим интересам дисконт на ограниченные коммерческие бумаги и тем самым стабилизирует коммерческую и промышленную жизнь.

Банки Федеральной резервной системы не будут служить источником заработка денег для банков, но будут служить великой национальной цели обслуживания торговли, предпринимателей и банков, обеспечивать фиксированный рынок промышленных товаров, сельскохозяйственной продукции и труда.

Не существует никаких оснований, почему банки должны контролировать Федеральную резервную систему. Стабильность обеспечит здоровый рост нашей торговли во всех направлениях».

Оптимизм сенатора Оуэна был обречён доминированием толкачей острова Джекилл первоначального состава Федеральной резервной системы. Мало того, что Морган-Кун, Лёб альянс закупили доминирующий контроль акций в Федеральном резервном банке Нью-Йорка, при том, что почти половина акций принадлежит пяти нью-йоркским банкам под их контролем, First National Bank, National City Bank, National Bank of Commerce, Chase National Bank and Hanover National Bank, но убедили президента Вудро Уилсона назначить одного из группы Jekyll Island, Пола Варбурга, членом Совета гувернёров Федеральной резервной системы.

Каждый из двенадцати Федеральных резервных банков должен был избрать одного члена Федерального консультативного совета, который проводил бы встречи с Советом гувернёров Федеральной резервной системы четыре раза в год в Вашингтоне для того, чтобы «советовать» Совету по вопросам будущей денежно-кредитной политики.

Это, казалось бы, обеспечит абсолютную демократию, так как каждый из двенадцати «советников», представляющих различные области Соединённых штатов, как можно было бы ожидать, будет выступать за экономические интересы своей области, и каждый из двенадцати членов имел бы равный голос.

Теория, возможно, была замечательной по своей концепции, но жёсткие факты хозяйственной жизни привели к совершенно иной картине. Президент небольшого банка в Сент-Луисе или Синсиннати, участвуя в заседании с Полом Варбургом и Дж. П. Морганом, чтобы «рекомендовать» им по вопросам денежно-кредитной политики, вряд ли будет противоречить двум самым могущественным международным финансистам в мире, так как маленькой записки от одного из них было бы достаточно, чтобы привести его маленький банк к банкротству.

В реальной жизни небольшие банки двенадцати федеральных округов существовали только как сателлиты больших нью-йоркских финансовых интересов, и были полностью в их власти. Мартин Майер (Martin Mayer) в публикации *The Bankers* указывает, что «Дж. П. Морган состоит в корреспондентских отношениях со многими мелкими банками по всей стране»[\[30\]](#).

Большие нью-йоркские банки не ограничиваются многомиллионными сделками с другими крупными финансовыми интересами, но поддерживают множество мелких и более рутинных отношений со своими «корреспондентскими» банками по всей территории Соединённых штатов.

Видимо будучи уверены, что их деятельность никогда не станет достоянием общественности, Морган-Кун, Лёб смело отбирали в члены Федерального консультативного совета сотрудников своих банков-корреспондентов и банков, в которых они владели акциями. Никто в финансовых кругах ничего не замечал, так как об этом ничего не было сказано в течение семидесяти лет работы Федеральной резервной системы.

Чтобы избежать подозрений, что нью-йоркские интересы могут контролировать Федеральный консультативный совет, её первым президентом, избранным в 1914 году другими членами, стал Дж. Б. Форган (J. B. Forgan), президент First National Bank в Чикаго. Банковский справочник Rand McNally за 1914 год приводит основных корреспондентов крупных банков.

Главный банк-корреспондент Первого Национального банка Нью-Йорка, контролируемого Бейкер-Морганом (Baker-Morgan), указан Первый Национальный Банк Чикаго. Главный корреспондент, указываемый Первым Национальным Банком Чикаго, оказался Bank of Manhattan в Нью-Йорке, контролируемый Яковом Шиффом и Полом Варбургом из Kuhn, Loeb Company.

Джеймс Б. Форган также был указан в качестве директора Equitable Life Insurance Company, также контролируемой Морганом. Однако отношения между Первым Национальным Банком Чикаго и этими нью-йоркскими банками были даже ближе, чем эти списки указывают.

На стр. 701 книги Ф. Кирилла Джеймса (F. Cyril James), *The Growth of Chicago Banks*, мы находим упоминание о «выгодных связях Первого Национального банка Чикаго с интересами Моргана. Посол доброй воли был спешно отправлен в Нью-Йорк, чтобы пригласить Джорджа Ф. Бейкера стать директором Первого Национального Банка Чикаго»[\[31\]](#). (Дж. Б. Форган Риму, 7 января 1903 года.)

По сути, Бейкер и Морган лично выбрали первого президента Федерального консультативного совета.

Джеймс Б. Форган (1852-1924) также замазан обязательной «лондонской смывкой» в работе Федеральной резервной системы. Родившись в Санкт-Эндрю в Шотландии (St. Andrew's, Scotland), он начал свою банковскую карьеру в Королевском банке Шотландии, корреспонденте Банка Англии. Он приехал в Канаду по просьбе банка Британской Северной Америки и работал в Bank of Nova Scotia, который послал его в Чикаго в 1880-х годах, а к 1900 году он стал президентом Первого Национального Банка Чикаго.

Он служил в течение шести лет в качестве президента Федерального консультативного совета, а когда он оставил Совет, он был заменен Франком О. Уэтмор (Frank O. Wetmore), который также заменил его на посту президента Первого Национального Банка Чикаго, когда Форган был назначен председателем совета директоров.

Нью-йоркский округ Федеральной резервной системы в первом Федеральном консультативном совете был представлен Дж. П. Морганом. Он был назначен председателем Исполнительного комитета. Таким образом, Пол Варбург и Дж. П. Морган участвовали в заседаниях Совета гувернёров Федеральной резервной системы в течение первых четырёх лет её деятельности, в окружении других гувернёров и членов совета, которые вряд ли могли не знать, что их будущее будет зависеть от этих двух могущественных банкиров.

Другой член Федерального консультативного совета в 1914 году был Леви Л. Рю (Levi L. Rue), представляющий округ Филадельфии. Рю был президентом Национального банка Филадельфии. Справочник Rand McNally за 1914 год в качестве главного корреспондента Первого национального банка Нью-Йорка указывает Национальный банк Филадельфии. Первый Национальный Банк Чикаго также указывает Национальный банк Филадельфии в качестве своего главного корреспондента в Филадельфии.

Другими членами Федерального консультативного совета стали Даниэль С. Уинг (Daniel S. Wing), президент Первого Национального банка Бостона, В. С. Роу (W. S. Rowe), президент Первого Национального Банка Цинциннати, и К. Т. Джефрей (K. T. Jaffray), президент Первого Национального банка Миннеаполиса. Все они были банками-корреспондентами в нью-йоркских банках «большой пятёрки», которые контролировали денежный рынок США.

Джефрей поддерживал даже более тесную связь с группой Бейкер-Морган. В 1908 году, чтобы реинвестировать крупные годовые дивиденды акций своего Первого Национального банка Нью-Йорка, Бейкер и Морган создали холдинговую компания, First Security Corporation, которая купила 500 акций Первого Национального банка Миннеаполиса.

Таким образом Джефрей был немного больше, чем наёмный сотрудник Бейкера и Моргана, хотя он был «выбран» акционерами Федерального резервного банка Миннеаполиса, чтобы представлять их интересы.

First Security Corporation также владеет 50.000 акций Chase National Bank, 5400 акций National Bank of Commerce, 2500 акций Bankers Trust, 928 акций Liberty National Bank, президентом которого был Генри П. Дэвисон, когда он был приглашён присоединиться к фирме Дж. П. Морган, а также акции New York Trust, Atlantic Trust and Brooklyn Trust. First Security Corporation предпочитала акции банков, которые быстро росли в цене, и выплачивала крупные годовые дивиденды.

В 1927 году она заработала пять миллионов долларов, но заплатила акционерам восемь, взяв недостающее из резервов.

Другой член первоначального Федерального консультативного совета был Е. Ф. Суинни (E. F. Swinney), президент First National Bank Канзас-Сити. Он также был директором Южной железной дороги, и описывает себя в «Кто есть кто» в качестве «независимого в политике».

Арчибальд Кайнс (Archibald Kains) представлял в Федеральном консультативном совете округ Сан-Франциско, хотя вёл канцелярию в Нью-Йорке в качестве президента American Foreign Banking Corporation.

Прослужив в качестве гувернёра Федеральной резервной системы от 1914-1918 г., Пол Варбург не просил остаться на новый срок. Однако он не был готов порвать свою связь с Федеральной резервной системой, для которой он так много сделал, чтобы её наладить и запустить в эксплуатацию. Дж. П. Морган услужливо отказался от своего места в Федеральном консультативном совете и в течение следующих десяти лет Пол Варбург продолжал представлять округ Федеральной резервной системы Нью-Йорка в Совете.

Он был вице-президентом Совета 1922-25, и президентом 1926-27. Таким образом Варбург остаётся доминирующим влиянием на заседаниях Совета гувернёров Федеральной резервной системы на протяжении 1920-х годов, когда европейские центральные банки планируют большое сокращение кредита, который вызовет кризис 1929 года и Великую депрессию.

Хотя большинство «советов» Федерального консультативного совета Совету гувернёров Федеральной резервной системы никогда не освещалось в прессе, в редких случаях короткие заметки в New York Times давали некое понятие о его работе. 21 ноября 1916 г. The Times сообщил, что Федеральный консультативный совет собрался в Вашингтоне на своё ежеквартальное заседание.

«Был разговор о поглощении расширения европейских кредитов Южной Америке и другим странам. Руководство Федеральной резервной системы заявило, что, для поддержания позиции в качестве одного из банкиров мира, Соединённые штаты должны рассчитывать, что к ним будут обращаться с просьбой предоставлять услуги, в прошлом в значительной мере предоставлявшимися Англией, в продлении краткосрочных кредитов необходимых для производства и транспортировки товаров всех видов в мировой торговле, и что акцепты в международной торговле требуют меньших дисконтов и максимально свободных и самых надёжных рынков золота». (Первая мировая война была в зените в 1916 году.)

В дополнение к своей службе в Совете гувернёров и Федеральном консультативном совете Пол Варбург продолжал выступать перед группами банкиров относительно денежно-кредитной политики, которой они должны были следовать. 22 октября 1915 года, он выступил в Twin City Bankers Club, Сент-Пол, штат Миннесота, где, в числе прочего, заявил:

«Это в ваших интересах добиваться, чтобы банки Федеральной резервной системы были так сильны, как они только могут. Поражает воображение, когда думаешь, каким может быть будущее развитие американского банковского дела.

В условиях, когда ведущие европейские силы ограничены в своей области, а Соединённые штаты Америки превратились в страну-кредитора всего мира, границы поля действий, лежащего перед нами, определяется только нашей властью над безопасным ростом. Размах нашего банковского будущего в конечном итоге будет ограничен количеством золота, которое мы можем заложить в основу нашей банковской и кредитной структуры».

Состав Совета гувернёров Федеральной резервной системы и Федерального консультативного совета, начиная с первоначального членства и до наших дней, показывает связь с конференцией Jekyll Island и банковского сообщества Лондона, что даёт неопровержимые доказательства, приемлемые в любом суде, того, что был план, чтобы получить контроль над деньгами и кредитом народа Соединённых штатов, и использовать его для обогащения его авторов.

Ветеранами Jekyll Island были Фрэнк Вандерлип, президент National City Bank, который приобрёл большую часть акций Федерального резервного банка Нью-Йорка в 1914 году; Пол Варбург из Kuhn, Loeb Company; Генри П. Дэвисон, правая рука Дж. П. Моргана, и директор Первого Национального банка Нью-Йорка и Национального банка торговли, которые купили большую часть акций Федерального резервного банка Нью-Йорка; и Бенджамин Стронг, также известный как лейтенант Моргана, который был гувернёром Федерального резервного банка Нью-Йорка в 1920-х годах[30a].

Выбор региональных членов Федерального консультативного совета из списка банкиров, работающих в наиболее тесном контакте с «большой пятеркой» банков Нью-Йорка и кто были их главными банками-корреспондентами, доказывает, что широко разрекламированная «региональная защита общественных интересов» Картером Глассом и другими вашингтонскими сторонниками закона о Федеральной резервной системе, была с самого начала преднамеренным обманом.

Тот факт, что за семьдесят лет этот совет имел возможность встречаться с Советом гувернёров Федеральной резервной системы и «советовать» гувернёрам по вопросам решений денежной политики, которые влияли на повседневную жизнь каждого человека в Соединённых штатах, без того, чтобы общественность знала об их существовании, показывает, что планировщики операций центральной банковской системы точно знали, как достичь своих целей с помощью «административных процессов», о которых общественность будет оставаться в неведении.

Утверждение, что «советы» членов совета не являются обязательными для губернёров или что они не имеют никакого веса, равносильно утверждению, что четыре раза в год, двенадцать самых влиятельных банкиров в США урывают время от своей работы, чтобы поехать в Вашингтон, встретиться с Советом губернёров Федеральной резервной системы просто попить кофе и обменяться любезностями. Это утверждение, которое любой человек, знакомый с работой деловых людей, не найдёт возможным принять всерьёз.

В 1914 году для банкиров с Дальнего Запада это была четырёхдневная поездка в один конец, чтобы приехать в Вашингтон для встречи с Советом губернёров Федеральной резервной системы. У этих людей были обширные деловые интересы, которые требовали их времени. Дж. П. Морган был директором шестидесяти трёх корпораций, которые проводили годовые заседания, и вряд ли можно было ожидать, чтобы он ехал в Вашингтон для участия в заседаниях Совета губернёров Федеральной резервной системы, если его совет должен был рассматриваться как не имеющий важного значения[30b].

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дом Ротшильдов

Успех заговора Федерального резерва вызовет много вопросов в умах читателей, кто не знаком с историей Соединённых штатов и финансового капитала. Как мог альянс Kuhn, Loeb-Morgan, несмотря на всё его могущество, считать, что он способен, во-первых, разработать план, который передаст все деньги и кредит народа Соединённых штатов в их руки, и во-вторых, добиться принятия такого плана в качестве закона?

Возможность разработки и принятия «Национального Резервного плана», как именовали непосредственный результат экспедиции Jekyll Island, была вполне в пределах ресурсов альянса Kuhn, Loeb-Morgan, согласно следующей выдержке из статьи журнала McClure's Magazine за август 1911 г., «Семь человек» Джона Муди (John Moody):

«Семь человек на Уолл-стрит в настоящее время контролируют большую долю основной промышленности и ресурсов Соединённых штатов. Три из семи человек, Дж. П. Морган, Джеймс Дж. Хилл (James J. Hill) и Джордж Ф. Бейкер, руководитель Первого Национального банка Нью-Йорка, принадлежат к так называемой группе Моргана; а четверо из них, Джон Д. и Уильям Рокфеллеры, Джеймс Стиллман, глава National City Bank, и Яков Н. Шифф из частной банковской фирмы Kuhn, Loeb Company, к так называемой группе Standard Oil City Bank... Центральная машина капитала расширяет свой контроль над Соединёнными штатами... Процесс этот не только экономически логичен; сейчас он практически автоматичен»[32].

Таким образом, мы видим, что в 1910 году заговор с целью захватить контроль над деньгами и кредитом народа Соединённых штатов был запланирован людьми, которые уже контролировали большую часть ресурсов страны. Джону Муди казалось, что они должны продолжать свою деятельность «практически автоматически».

Чего Джон Муди не знал, или не сказал своим читателям, было то, что наиболее влиятельные люди в Соединённых штатах сами подчинились

другой власти, иностранной державе, и силе, которая непоколебимо стремилась расширить свой контроль над молодой республикой Соединённых штатов с момента её создания. Эта сила была финансовая мощь Англии, с центром в Лондоне филиала дома Ротшильдов. Дело в том, что в 1910 году, Соединённые штаты практически управлялись из Англии, что происходит и сегодня.

Десяток крупнейших банковских холдинговых компаний в Соединённых штатах твёрдо держат в руках определённые банковские дома, все из которых имеют филиалы в Лондоне. Вот они: J. P. Morgan Company, Brown Brothers Harriman, Warburg, Kuhn Loeb and J. Henry Schroder. Все они поддерживают тесные отношения с домом Ротшильдов, главным образом через контроль Ротшильда международных финансовых рынков посредством своих манипуляций с ценой золота. Каждый день мировые цены на золото устанавливаются в лондонской канцелярии N. M. Rothschild and Company.

Хотя эти фирмы являются якобы американскими фирмами, с филиалами в Лондоне, на самом деле эти банковские дома получают директивы из Лондона. Их история весьма увлекательна и неизвестна американской общественности, беря своё происхождение в международном трафике золота, рабов, алмазов и других контрабандных товаров. В решениях, принимаемых этими фирмами, нет никаких моральных соображений. Они заинтересованы только в деньгах и власти.

Туристы сегодня любят поглазеть на великолепные особняки очень богатых в Ньюпорте, штат Род-Айленд (Newport, Rhode Island), не понимая, что не только эти «коттеджи» стоят как памятники баронских замашек наших викторианских миллионеров, но и что их постройка в Ньюпорте представляет ностальгическое увековечивание великих американских состояний, которые имели свои истоки в Ньюпорте, когда он был столицей работорговли.

Штаб-квартирой работорговли на протяжении веков была Венеция, пока Англия семнадцатого века, новый хозяин морей, не использовала свой контроль над океанами, чтобы получить монополию. Когда американские колонии были заселены, его неистово независимые люди, большинство из которых не хотели рабов, обнаружили к своему удивлению, что рабы в больших количествах привозились в их порты.

На протяжении многих лет Ньюпорт был столицей этой отвратительной торговли. Уильям Эллери (William Ellery), сборщик таможенной пошлины порта Ньюпорт, заявил в 1791 году:

«...Скорее эфиоп изменит [цвет] его кожи, чем ньюпортский купец может быть уговорен сменить настолько прибыльную торговлю... на медленные заработки любого производства».

Джон Куинси Адамс (John Quincy Adams) отметил в своем «Дневнике», стр. 459:

«Былое процветание Ньюпорта главным образом происходило из-за своей обширной занятости в торговле африканскими рабами».

Преобладание Дж. П. Моргана и фирмы Брауна в американских финансах можно отнести к развитию Балтимора в девятнадцатом веке как столице работоторговли. Обе эти фирмы возникли в Балтиморе, открыли филиалы в Лондоне, устроились под эгидой Дома Ротшильдов, и вернулись в Соединённые штаты, чтобы открыть филиалы в Нью-Йорке и стать доминирующей силой, не только в области финансов, но и в правительстве.

В последние годы на такие ключевые посты, как министр обороны, были устроены Роберт Ловетт (Robert Lovett), партнёр Brown Brothers Harriman, и Томас С. Гейтс (Thomas S. Gates), партнёр Drexel and Company, филиалы Дж. П. Моргана. Теперешний вице-президент, Джорджа Буша (George Bush), является сыном Прескотт Буш (Prescott Bush), партнёр Brown Brothers Harriman, на протяжении многих лет бывший сенатором из штата Коннектикут, и финансовый организатор Columbia Broadcasting System, директором которого он также был на протяжении многих лет.

Для того, чтобы понять, почему эти фирмы работают так, как они работают, необходимо дать краткую историю их происхождения. Мало кто из американцев знает, что J. P. Morgan Company начала как George Peabody and Company. Джордж Пибоди (George Peabody, 1795-1869), родился в Южном Денверсе, штат Массачусетс (South Danvers, Massachusetts), начал бизнес в Джорджтауне, округ Колумбия (Georgetown, D. C.), в 1814 году как Peabody, Riggs and Company, занимающийся оптовой торговлей сухими грузами, а также руководя невольничьим рынком Джорджтауна.

В 1815 году, чтобы быть ближе к своим источникам снабжения, они переехали в Балтимору, где они вели бизнес как Пибоди и Риггс (Peabody and Riggs) с 1815 по 1835. Пибоди стал всё более активно участвовать в бизнесе с Лондоном, и в 1835 году он основал фирму George Peabody and Company в Лондоне.

Он стал весьма вхож в деловые круги Лондона через другую балтиморскую фирму, основанную в Ливерпуле, Brown Brothers. Александр Браун (Alexander Brown) приехал в Балтимору в 1801 году и основал то, что сейчас известно как старейший банкирский дом в Соединённых штатах, который до сих пор работает как Brown Brothers Harriman в Нью-Йорке; Brown, Shipley and Company of England; and Alex Brown and Son of Baltimore.

О закулисной роли этой фирмы свидетельствует тот факт, что Сэр Монтегю Норман (Sir Montagu Norman), гувернёр Банка Англии, на протяжении многих лет был партнёром Brown, Shipley and Company[32a]. Считавшийся одним из самых влиятельных банкиров в мире, Сэр Монтегю Норман был организатором «неформальных переговоров» между главами центральных банков в 1927 году, которые непосредственно привели к Великому Биржевому краху 1929 года.

Вскоре после своего приезда в Лондон, Джордж Пибоди был удивлён, что его вызвал к себе грубоватый барон Натан Майер Ротшильд (Nathan Mayer Rothschild). Без обиняков, Ротшильд поделился с Пибоди, что значительная часть аристократии Лондона открыто не любила его и отказывалась от его приглашений.

Он предложил Пибоди, человеку со скромным достатком, взять на себя роль щедрого хозяина, о гостеприимстве которого скоро заговорил бы весь Лондон. Ротшильд, естественно, оплатит все счета. Пибоди принял предложение и вскоре стал известен как самый популярный хлебосол в Лондоне.

Его ежегодный приём Четвертого июля празднования дня Независимости США, стал чрезвычайно популярен у английской аристократии, многие из которых, распивая вино Пибоди, угощали друг друга шутками о хамстве и плохих манерах Ротшильда, не понимая, что каждая капля вина, которое они пили, оплачивалась Ротшильдом.

Не удивительно, что наиболее популярный хозяин Лондона также стал очень успешным бизнесменом, особенно учитывая, что Дом Ротшильда закулисно поддерживал его. Пибоди часто оперировал капиталом в 500.000 фунтов в руках, и стал очень удачным в его покупках и продажах по обеим сторонам Атлантического океана. Его американским агентом была бостонская фирма Beebe, Morgan and Company, возглавляемая Юнием С. Морганом (Junius S. Morgan), отцом Джона Моргана.

У Пибоди, который не был женат, не было преемников, и он был очень благоприятно впечатлён высоким, красивым Юнием Морганом.

Он уговорил Моргана присоединиться к нему в Лондоне в качестве партнёра в George Peabody and Company в 1854 году. В 1860 году Джон Морган был принят в качестве ученика фирмой Duncan, Sherman в Нью-Йорке.

Он был не очень внимателен к бизнесу, и в 1864 году, отец Моргана был возмущён, когда Duncan, Sherman отказался сделать его сына партнёром. Он быстренько устроил так, что один из главных сотрудников Duncan, Sherman, Чарльз Х. Дабни (Charles H. Dabney), принял Джона Моргана в новую фирму, Dabney, Morgan and Company. Журнал Bankers Magazine в декабре 1864 года отметил, что Пибоди закрыл свой счёт в Duncan, Sherman, и что ожидалось, что и другие фирмы последуют этому примеру. Счёт Пибоди, естественно, перешёл к Dabney, Morgan and Company .

Джон Морган родился в 1837 году, во время первой денежной паники в Соединённых штатах. Примечательно, что это было вызвано Домом Ротшильда, с которым Морган позже стал ассоциироваться.

В 1836 году президент Эндрю Джексон, взбешенный тактикой банкиров, которые пытались уговорить его возобновить чартер Второго Банка Соединённых штатов, заявил: «Вы логово змей. Я намерен разгромить вас и клянусь вечным Богом, я разгромяю вас. Если люди только бы поняли степень несправедливости нашей денежной и банковской системы, то в один день произошла бы революция».

Хотя президентом банка Соединённых штатов был Николай Бидл, было хорошо известно, что барон Джеймс де Ротшильд из Парижа был основным инвестором в этом центральном банке. Хотя Джексон наложил вето на продление Устава Банка Соединённых штатов, он, вероятно, не знал, что несколькими месяцами ранее, в 1835 году, Дом Ротшильда укрепил отношения с правительством Соединённых штатов, заменив

фирму Baring в качестве финансового агента Госдепартамента с 1 января 1835 года.

Генри Кльюс (Henry Clews), известный банкир, в своей книге, «Двадцать восемь лет на Уолл-стрит» (Twenty eight Years in Wall Street)[\[33\]](#), говорит, что паника 1837 года была спроектирована из-за того, что срок действия чартера Второго Банка США закончился в 1836 году. Президент Джексон не только оперативно отозвал государственные средства из Второго банка Соединённых штатов, но и разместил эти средства, 10 млн. долл., по штатным банкам. Непосредственным результатом этого шага, говорит нам Кльюс, было то, что экономика страны бурно расцвела.

Этот внезапный поток денежных вкладов вызвал немедленное расширение национальной экономики, и правительство выплатило весь государственный долг, да ещё с излишком в размере 50 млн. для казначейства.

Но у европейских финансистов был ответ на эту ситуацию. Кльюс далее говорит, «Паника 1837 года усугубляется Банком Англии, когда тот в один день выпустил на рынок все бумаги, связанные с Соединёнными штатами».

Банк Англии, конечно, был синонимом имени барона Натана Майера Ротшильда. Почему Банк Англии в один день «выбросил» все бумаги связанные с Соединёнными штатами, то есть, отказался от акцептов или дисконтов на любые ценные бумаги, облигации или другие финансовые бумаги, базирующиеся в Соединённых штатах?

Цель этой акции заключалась в создании немедленной финансовой паники в США, сокращении кредитования, остановке дальнейшей эмиссии акций и облигаций, и гибель тех, кто пытался превратить ценные бумаги Соединённых штатов в наличные деньги.

Джон Морган пришёл в мир в этой атмосфере финансовой паники. Его дедушка, Джозеф Морган (Joseph Morgan), был богатым фермером, который владел 106 акрами в Хартфорде, штат Коннектикут (Hartford, Connecticut). Позже он открыл City Hotel, и Exchange Coffee Shop, а в 1819 году был одним из учредителей страховой компании Aetna Insurance Company.

Джордж Пибоди обнаружил, что он не ошибся и в выборе Юния С. Моргана в качестве своего преемника. Морган решил продолжить закулисные отношения с N. M. Rothschild Company, и вскоре расширил деятельность фирмы по доставке больших объёмов железнодорожного железа в Соединённые штаты.

Железо Пибоди стало основой для большей части рельс американских железных дорог с 1860 по 1890 год. В 1864 году, согласившись уйти в отставку и покинуть свою фирму в руках Моргана, Пибоди позволил изменить имя фирмы на Junius S. Morgan Company. С тех пор и по сей день фирма Моргана управлялась из Лондона. John Pierpont Morgan проводил большую часть своего времени в его великолепном особняке в Лондоне, Prince's Gate.

Одним из больших достижений успешного Ротшильд-Пибоди-Морган бизнеса была Паника 1857 года. Прошло двадцать лет после Паники 1837 года: её уроки были забыты ордами нетерпеливых инвесторов, которые стремились вкладывать прибыли в развивающуюся Америку. Пришло время стричь овец снова.

Фондовый рынок ведёт себя как прибой. Он приносит с собой многие малюсенькие организмы, которые получают всё их жизнеобеспечение из кислорода и воды волны. Они плывут на гребне «волны процветания».

Вдруг волна, достигнув отметки высокого уровня воды на пляже, отступает, оставляя все существа задыхаться на песке. Ещё одна волна может прийти вовремя, чтобы спасти их, но, по всей вероятности, она не дойдёт так далеко, и некоторые морские существа обречены. Таким же образом волна процветания, подпитываемая вновь созданными деньгами, через искусственное сжатие кредита, отступает, оставляя тех, кого она вынесла на высоту, задыхаться и умирать без надежды на спасение.

«Corsair, the Life of J. P. Morgan»[\[34\]](#) («Корсар, жизнь Дж. П. Моргана») говорит нам, что паника 1857 года была вызвана крахом рынка зерна и внезапным крахом Ohio Life and Trust, потерявшей пять миллионов долларов. Вслед за этим крахом прогорели девятьсот других американских компаний.

Примечательно, что один не только выжил, но заработал на крахе. Из «Corsair» мы узнаем, что Банк Англии одолжил George Peabody and Company пять миллионов фунтов во время паники 1857 года. Уинклер (Winkler) в «Morgan Magnificent»[\[35\]](#) («Морган великолепный») говорит, что Банк Англии выдал Пибоди один миллион фунтов, огромную сумму в то время, эквивалент сто миллионов долларов сегодня, чтобы спасти фирму.

Однако, никакая другая фирма не была так благодетельствована во время этой паники. Причину этого открывает, Мэтью Джозефсон (Matthew Josephson) в «Баронах-разбойниках» (The Robber Barons). Он говорит на стр. 60:

«Джордж Пибоди и Компания, старое дерево, из которого вырос Дом Моргана, была известна такими качествами как консерватизм и чистота. В панике 1857 года, когда обесцененные ценные бумаги выбрасывались на рынок отчаявшимися инвесторами в Америке, Пибоди и старший Морган, будучи владельцами наличных денег, направо и налево с купали облигации, которые имели реальную стоимость, а затем перепродали их с большой прибылью, когда всё вернулось в норму[\[36\]](#).

Таким образом, из разных биографий Моргана может быть получена следующая история. После устроенной паники одна фирма пришла на рынок с одним миллионом фунтов наличными, скупил ценные бумаги у прогорающих инвесторов по паническим ценам, а затем перепродала их с огромной прибылью.

Эта фирма была фирма Моргана, а за ней стоял умный манёвр барона Натана Майера Ротшильда. Эта связь остаётся в тайне от самых знающих

финансовых умов Лондона и Нью-Йорка, хотя иногда Морган фигурировал в качестве финансового агента в операциях Ротшильда.

По мере того как фирма Моргана быстро росла в конце девятнадцатого века пока она не стала доминировать финансы нации, многие наблюдатели были озадачены тем, что Ротшильды, казалось, так мало были заинтересованы в прибыли путём инвестирования в быстро развивающуюся американскую экономику.

Джон Муди отмечает в *The Masters of Capital*, стр. 27, «Ротшильдам было достаточно оставаться близким союзником Моргана ... что касается американского поля действий»[37]. Скрытность была более выгодна, чем доблесть.

Причина того, что европейские Ротшильды предпочитали работать анонимно в Соединённых штатах за фасадом J. P. Morgan and Company, объясняется Джорджем Уилером (George Wheeler), в «Морган и его друзья, анатомия мифа» (*Pierpont Morgan and Friends, the Anatomy of a Myth*), стр. 17:

«Но были и меры, принимаемые сейчас, чтобы вывести его из финансового застоя – но они не были приняты самим Pierpont Morgan. Первое предложение дать ему роль в перезарядке резерва возникло в лондонском отделении Дома Ротшильда, работодателей Бельмонта»[38].

Уилер рассказывает о том, что значительное антиротшильдовское движение возникло в Европе и Соединённых штатах, сосредоточенное на банковской деятельности семьи Ротшильдов. Даже хотя он был зарегистрирован агентом в Соединённых штатах, Август Шенберг (August Schoenberg), который изменил своё имя на Бельмонт, когда он приехал в Соединённые штаты в качестве представителя Ротшильдов в 1837 году, для них было чрезвычайно выгодно, чтобы существовал американский представитель, который не был бы известен как агент Ротшильдов.

Хотя лондонский дом Junius S. Morgan and Company по-прежнему являлся доминирующим филиалом предприятий Моргана, со смертью старшего Моргана в 1890 году в дорожной аварии на Ривьере, Джон Пирпонт Морган стал главой фирмы.

После своей роли в качестве американского представителя лондонской фирмы с 1864-1871 Dabney Morgan Company, Морган взял нового партнёра в 1871 году, Антони Дрексела (Anthony Drexel), из Филадельфии, и работал как Drexel Morgan and Company до 1895 года. Дрексел умер в этом году, и Морган изменил название американского отделения на J. P. Morgan and Company.

Ларуш (LaRouche)[39] говорит нам, что 5 февраля 1891 года в Лондоне появилось тайное объединение, ставшее известным как «Группа круглого стола» (the Round Table Group). Группа была сформирована Сесилем Родсом (Cecil Rhodes), его банкиром, лордом Ротшильдом, зятем Ротшильда, лордом Розбери (Lord Rosebery) и лордом Керзоном (Lord Curzon). Он утверждает, что в Соединённых штатах Круглый стол был представлен группой Моргана.

Д-р Кэрролл Квигли (Carrol Quigley) называет эту группу как «Британско-американское тайное общество» (The British - American Secret Society) в книге «Трагедия и надежда» (Tragedy and Hope), заявив, что «хребет этой организации вырос по линии уже существующего финансового сотрудничества, соединяющей Morgan Bank в Нью-Йорке с группой международных финансистов в Лондоне во главе с Lazard Brothers (в 1901)»[40].

Уильям Гай Карр (William Guy Carr), в книге «Pawns In The Game» заявляет, что «в 1899 году, J. P. Morgan и Drexel отправились в Англию для участия в Конвенции международных банкиров. Когда они вернулись, Дж. П. Морган был назначен главным представителем интересов Ротшильдов в США. В результате лондонской конференции J. P. Morgan and Company of New York, Drexel and Company of Philadelphia, Grenfell and Company of London, and Morgan Harjes Cie of Paris, M. M. Warburg Company of Germany and America, and the House of Rothschild были все аффилированы»[41].

Видимо не зная о связи Пибоди с Ротшильдами и о факте, что Морганы всегда были связаны с Домом Ротшильдов, Карр предполагает, что он обнаружил эти отношения с 1899 года, тогда как на самом деле они начались в 1835 г.[41a].

После Первой мировой войны Круглый стол стал известен как Совет по международным отношениям в Соединённых штатах и Королевский институт международных дел в Лондоне. Ведущие чиновники правительств Англии и США выбирались из числа их членов.

В 1960-е годы, по мере того, как всё больше внимания сосредотачивалось на тайной правительственной деятельности Совета по международным отношениям, вспомогательные группы, известные как Трёхсторонняя комиссия и Бильдербергский клуб, представляющие идентичные финансовые интересы, начали свою работу с более важными должностными лицами, такими как Роберт Руза (Robert Roosa), будучи членами всех трёх групп.

По словам Уильяма Гая Карра, в «Pawns In The Game»[42], «первое собрание этих “плановиков” состоялось в ювелирном магазине Майера Амшеля Бауэра в Франкфурте в 1773 году. Бауэру, который принял имя “Ротшильд” или “красный щит”, так как над дверями своего магазина он повесил красный щит для рекламы своего бизнеса (красный щит сегодня является официальным гербом города Франкфурт) (см. обложку книги), “было всего тридцать лет, когда он пригласил двенадцать других богатых и влиятельных людей встретиться с ним в Франкфурте.

Его целью было убедить их, что, если они согласятся объединить свои ресурсы, то они смогли бы финансировать и управлять мировым революционным движением и использовать его в качестве руководства к действию, чтобы добиться полного контроля богатств, природных ресурсов и рабочей силы во всём мире. Заручившись их согласием, Майер представил им свой революционный план. Проект поддерживался бы всеми силами, которые могут быть приобретены на их объединённые ресурсы.

Умно манипулируя их совокупное состояние, можно будет создать такие неблагоприятные экономические условия, которые довели бы массы до состояния, близкого к голоду вследствие безработицы... Оплачиваемые ими пропагандисты вызвали бы чувства ненависти и мести против господствующих классов, выявляя все реальные и предполагаемые случаи расточительности, распущенного поведения, несправедливости, угнетения и преследования.

Они также изобретали бы клевету, чтобы принести дурную славу тем, кто мог, если их оставить в покое, вмешиваться в их общие планы... Тут Ротшильд заглянул в рукопись и приступил к чтению тщательно подготовленного плана действий:

1. Он утверждал, что ЗАКОН был замаскированной СИЛОЙ. Он доказывал, что логично было заключить что «По законам природы право находится в силе».
2. Политическая свобода есть идея, а не факт. Для того, чтобы узурпировать политическую власть всё, что нужно делать – проповедовать «либерализм», чтобы избиратели, ради идеи, передали некоторые из их прав и прерогатив заговорщикам, чтобы те взяли их в свои руки.
3. Он утверждал, что власть золота узурпировала власть либеральных правителей Он указал, для успеха его плана безразлично, кто уничтожит законное правительство, внешние или внутренние враги, так как победитель, по необходимости, будет просить помощи у «капитала», который будет полностью в наших руках.
4. Он доказывал, что использование любых средств для достижения своей конечной цели было оправдано на том основании, что правитель, управляющий на основании морали, не был бы опытным политиком, так как он оставил себя уязвимым и в неустойчивом положении.
5. Он утверждал, что «Наше право находится в силе». Слово ПРАВО – абстрактная мысль и ничего не доказывает. Я выдвигаю новое право... нападать по Праву Сильного, переделать все существующие институты, и стать суверенным Господином всех тех, кто дал нам права к их власти, передав их нам из-за их либерализма.
6. Наше могущество должно оставаться невидимым, до того момента, когда оно приобретёт такую силу, которую не сможет подорвать ни хитрость, ни сила.
7. Далее он представил наброски двадцати пяти пунктов.
8. Номер 8 рассматривает употребление алкогольных напитков, наркотиков, морального разложения, и все грехи систематически коррумпированной молодежи всех стран.
9. Они имели право налагать арест на имущество любыми способами, и без колебаний, если при этом они добивались подчинения и власти.
10. Мы были первыми, кто вложил лозунги Свободы, Равенства и Братства в уста масс, что создало новую аристократию – аристократию богатства, которое зависит от нас.
11. Войны должны направляться так, чтобы обе стороны увеличивали бы свой долг нам.
12. Кандидаты на государственные должности должны быть рабами и послушны нашим командам, чтобы их можно было легко использовать.
13. Пропаганда – их совокупное богатство будет контролировать все издания общественной информации.

14. Паники и финансовые депрессии, в конечном счете, должны привести к мировому правительству, новый порядок единого мирового правительства».

Семейство Ротшильдов играло решающую роль в сфере международных финансов на протяжении двух веков, как пишет Фредерик Мортон (Frederick Morton) в «The Rothschilds» («Ротшильды»):

«За последние сто пятьдесят лет история Дома Ротшильдов в удивительной степени находилась за кулисами истории Западной Европы»[38]. (Предисловие) ... «Из-за их успехов в предоставлении займов не отдельным лицам, но правительствам, они получали огромную прибыль, хотя, как пишет Мортон, стр. 36, «Кто-то однажды сказал, что богатство Ротшильдов состоит из банкротств стран»[43].

Е. С. Кнут (E. S. Knuth) пишет в «The Empire of the City», «Тот факт, что Дом Ротшильдов сделал свои деньги в больших крахах истории и великих войнах истории, именно в те периоды, когда другие теряли свои деньги, не вызывает сомнений»[44].

Большая Советская энциклопедия заявляет: «Ярким примером личной стыковки (международных директоратов) в западноевропейских масштабах является семья Ротшильдов. Лондонский и парижский филиалы Ротшильдов связаны не только семейными узами, но и через личную связь в совместно контролируемых компаниях»[45]. Энциклопедия далее описывает эти компании как международные монополии.

Отец семейства, Майер Амшель Ротшильд, основал небольшое дело продажи монет во Франкфурте в 1743 году. Хотя ранее известный как Бауэр[45a], он рекламировал свой бизнес путём вывешивания знака с изображением орла на красном щите, адаптации герба города Франкфурт, к которому он добавил пять золотых стрел, зажатых в когтях, означающих пять его сыновей.

Из-за этого знака, он принял имя «Ротшильд» или «красный щит». Когда курфюрст Гессена заработал большое состояние на аренде гессенских наёмников Британии для подавления восстания в американских колониях, Ротшильду было поручено эти деньги вкладывать. Он заработал отличную прибыль как для себя так и для курфюрста, и получает других клиентов.

В 1785 году он переехал в больший дом, 148 Юденгассе, пятиэтажный дом известный как «Зелёный щит», который он делил с семьёй Шиффа.

Пять сыновей открыли филиалы в основных городах Европы и самыми успешными стали Джеймс в Париже и Натан Майер в Лондоне. Игнатий Балла (Ignatius Balla) в «The Romance of the Rothschilds»[46] рассказывает нам, как лондонский Ротшильд создал своё состояние. Он поехал в Ватерлоо, где решалась судьба Европы, увидел, что Наполеон проигрывает битву, и бросился обратно в Брюссель.

В Остенде он пытался взять на прокат лодку в Англию, но из-за бушующего шторма никто не хотел выходить в море. Ротшильд предложил 500 франков, потом 700, и, наконец, тысячу франков за лодку. Один моряк наконец сказал: «Я возьму с тебя 2000 франков. Тогда, по крайней мере,

моя вдова будет что-то иметь, если мы утонем». Несмотря на шторм, они переправились через Ла-Манш.

На следующее утро, Ротшильд был на своём обычном месте на Лондонской бирже. Все заметили, что он был бледный и истощённый. Вдруг он начал продавать, избавляясь от большого количества ценных бумаг. Паника сразу охватила биржу.

Ротшильд продаёт, он знает, что мы проиграли битву при Ватерлоо. Ротшильд и все его известные агенты продолжали продавать ценные бумаги на рынке. Балла говорит: «Ничто не могло остановить катастрофу. В то же время он спокойно скупал все ценные бумаги с помощью секретных агентов, которых никто не знал. В один день он заработал почти миллион стерлингов, что создало поговорку, «Союзники выиграли битву при Ватерлоо, но по-настоящему победил Ротшильд»[46a].

В книге «The Profits of War», Ричард Левинсон (Richard Lewinsohn) говорит: «Прибыли Ротшильда от наполеоновских войн финансировали позже их спекуляции акциями. При Меттернихе Австрия, после долгих колебаний, наконец, согласилась принять финансовые указания от Дома Ротшильдов»[47].

После его успеха в похождениях в Ватерлоо Натан Майер Ротшильд получил контроль над Банком Англии через его монополию «Consols» и других акций. В Европе открылось несколько «центральных» банков или банков, которые имели право на эмиссию валюты: Банк Швеции в 1656 году, который начал выпускать банкноты в 1661 году, а ранее его Банк Амстердама, который открылся в 1609 году и банк Гамбурга в 1619 году.

Основание Банка Англии стало возможным благодаря Банку Амстердама, который финансировал захват власти Оливером Кромвелем в Англии в 1649 году, якобы из-за религиозных различий. Кромвель умер в 1657 году и престол Англии был восстановлен, когда Карл II был коронован в 1660 году.

Он умер в 1685 году. В 1689 году та же группа банкиров вновь пришла к власти в Англии, возведя короля Вильгельма Оранского на трон. Вскоре он отблагодарил своих покровителей, приказав британскому казначейству занять 1250000 фунтов у этих банкиров. Он также выдал Королевскую хартию Банку Англии, что позволило им консолидировать национальный долг (который был только что создан этим кредитом) и обеспечить выплату процентов и основной суммы путём прямого налогообложения населения.

Хартия запретила частным ювелирам хранить золото и выдавать квитанции, что дало акционерам Банка Англии монополию на деньги. Ювелиры также должны были хранить своё золото в сейфах Банка Англии. Мало того, что их привилегии выдачи средств обращения (квитанций за золото) были отняты у них постановлением правительства, но их богатства теперь были переданы тем, кто заменил их[47a].

В его «Песнях», 46;27, Эзра Паунд говорит об уникальной привилегии, которую Уильям Патерсон (William Paterson) рекламирует в его проспекте Хартии Банка Англии:

«Заявил Патерсон
получать проценты на все деньги,
которые он, банк, создаёт из ничего».

«Ничто», которое упоминается, конечно, бухгалтерские операции банка, которые «создают» деньги, введя запись, что он «одолжил» вам тысячу долларов, деньги, которые не существовали до того как банк составил запись.

К 1698 г. британское казначейство задолжало 16 миллионов фунтов стерлингов Банку Англии. К 1815 году, главным образом из-за сложных процентов, долг вырос до 885 миллионов фунтов стерлингов. Отчасти это увеличение было связано с войнами, которые вспыхнули в течение этого периода, в том числе наполеоновские войны и войны, которые Англия вела, чтобы сохранить свои американские колонии.

Сам Уильям Патерсон (1658-1719) извлёк немного выгоды от «денег, которые банк создаёт из ничего», так как он ушёл из Банка Англии из-за разногласий по вопросам политики через год после его основания. Позже Уильям Патерсон стал одним из творцов Конституции Соединённых штатов, в то время как его имя живёт, как и пагубный центральный банк.

Патерсон не смог работать с акционерами Банка Англии. Многие из них остались анонимными, но ранние описания Банка Англии говорят, что они были «Обществом около 1330 человек, включая короля и королеву Англии, которые имели акции на 10000 фунтов, герцог Лидс (Duke of Leeds), герцог Девоншир (Duke of Devonshire), Граф Пембрук (Earl of Pembroke) и граф Брэдфорд (Earl of Bradford)».

Из-за успехов в его спекуляциях, барон Натан Майер Ротшильд, как он теперь называл себя, царил в качестве высшей финансовой власти в Лондоне. Он высокомерно воскликнул, во время вечеринки в своём особняке, «Меня не беспокоит какая марионетка находится на престоле Англии править империей, над которой никогда не заходит солнце. Человек, который управляет денежной массой Великобритании, управляет Британской империей, и я управляю Британской денежной массой».

Его брат Джеймс в Париже также достиг господства над французскими финансами. В книге «Baron Edmond de Rothschild», Дэвид Друк (David Druck) пишет, «Состояние (Джеймса) Ротшильда достигло 600-миллионной отметки. Только один человек во Франции имел больше. Это был король, чьё состояние было 800 миллионов».

Совокупное богатство всех банкиров Франции было на 150 млн. меньше, чем у Джеймса Ротшильда. Это, естественно, дало ему бессчётные права, вплоть до свержения правительства, когда он решал так сделать. Хорошо известно, например, что он сверг кабинет премьер-министра Тьера»[48].

Рост Германии при Бисмарке сопровождался его зависимостью от Самуила Блейхродера (Samuel Bleichroder), банкиров двора прусского императора, который был известен как агент Ротшильдов с 1828 года. Ставший позже канцлером Германии, д-р фон Бетман Гольвег (Dr. von Bethmann Hollweg), был сыном Морица Бетмана из Франкфурта (Moritz Bethmann of Frankfurt), который породнился с Ротшильдами через брак.

Император Вильгельм I также во многом полагался на Бишофсгейма (Bischoffsheim), Гольдшмидта (Goldschmidt), и сэра Эрнеста Касселя Франкфуртовского (Sir Ernest Cassel of Frankfurt), который эмигрировал в Англию и стал личным банкиром принца Уэльского, позже Эдуарда VII. Дочь Касселя вышла замуж за лорда Маунтбаттена (Mountbatten), давая семье прямую связь с теперешней британской короной.

Josephson[49] утверждает, что Филипп Маунтбаттен состоял в родстве через Касселя с Мейером Ротшильдом из Франкфурта. Таким образом, английский королевский дом Виндзоров имеет прямое родство с семьёй Ротшильдов. В 1901 году, когда сын королевы Виктории, Эдуард, стал королём Эдуардом VII, он укрепил связь Ротшильдом.

Пол Эмден в книге «Behind The Throne» говорит:

«Подготовка Эдуарда к его профессии намного отличалась от подготовки его матери, и поэтому, он “правил” меньше, чем она. На счастье, он сохранил вокруг себя людей, которые были с ним во время строительства железной дороги в Багдаде ... к штату его советников были добавлены Леопольд и Альфред де Ротшильд, различные члены семьи Сассун (Sassoon), и, прежде всего, его личный финансовый консультант сэр Эрнест Кассель»[50].

Громадное состояние, которое Кассель нажил в относительно короткий период времени, дало ему огромную силу, которой он никогда не злоупотреблял. Он объединил фирму Vickers Sons с Naval Construction Company и Maxim-Nordenfeldt Guns and Ammunition Company, слияние, из которого возникла фирма мирового масштаба Vickers Sons and Maxim.

Резко отличаясь от Касселя работали такие бизнесмены, как Ротшильды. Фирма работала на демократических принципах, и различные партнёры все должны были быть членами семьи. Они вели жизнь крупных сеньоров, с большим гостеприимством и княжескими манерами, что делало естественным, что Эдуард VII относился к ним по-дружески.

Благодаря международным связям их семьи и ещё более обширным деловым связям, они знали весь мир, были хорошо информированы о всех, и имели надёжные сведения о вопросах, которые не являются предметом общего достояния. Такое сочетание финансов и политики были товарным знаком Ротшильдов с самого начала.

Дом Ротшильдов всегда знал больше, чем можно было найти в газетах и даже больше, чем можно было бы прочитать в докладах, прибывавших в министерство иностранных дел. В других странах связи Ротшильдов также достигали трона.

Только после того как в годы после войны появились многочисленные дипломатические публикации широкой общественности довелось узнать, насколько рука Альфреда де Ротшильда влияла на политику Центральной Европы в течение двадцати лет до войны (Первой мировой войны)».

С контролем денег пришёл контроль средств массовой информации. Кент Купер (Kent Cooper), глава Associated Press, пишет в своей автобиографии, «Barriers Down»:

«Международные банкиры, подчиняющиеся Дому Ротшильдов, приобрели интерес в трёх ведущих европейских агентствах»[51].

Таким образом Ротшильды купили контроль Reuters International News Agency, базирующегося в Лондоне, Navas во Франции, и Wolf в Германии, которые контролировали распространение всех новостей в Европе.

В книге «Inside Europe»[52] Джон Гюнтер (John Gunther) писал в 1936 году, что любой премьер-министр Франции, в конце 1935 года, был творением финансовой олигархии, и что эта финансовая олигархия доминировалась двенадцатью регентами, шестеро из которых были банкиры, и возглавлялась бароном Эдмондом де Ротшильдом.

Железные тиски «лондонской смычки» на средства массовой информации были разоблачены в недавно вышедшей книге Бена Дж. Багдикиана (Ben J. Bagdikian) «The Media Monopoly», описанной как «Поразительный доклад о 50 корпорациях, которые контролируют то, что Америка видит, слышит, читает»[53].

Багдикиан, который редактировал самый влиятельный журнал страны «Saturday Evening Post», пока монополия вдруг не закрыла его, раскрывает переплетения директоратов среди пятидесяти корпораций, которые контролируют новости, но не раскрывает их связь с пятью лондонскими банковскими домами, которые контролируют их.

Он упоминает, что CBS связана с Washington Post, Allied Chemical, Wells Fargo Bank, и другими, но не сообщает читателю, что Brown Brothers Harriman управляет CBS, или, что семья Юджин Мейер (Lazard Freres) контролирует Allied Chemical и «Вашингтон пост», а Kuhn Loeb Co. – банк Wells Fargo.

Он показывает, что Нью-Йорк Таймс связан с Morgan Guaranty Trust, American Express, First Boston Corporation и другими, но не показывает, как повязано всё банковское дело. Он не упоминает Федеральную резервную систему во всей его книге, что обращает внимание фактом своего отсутствия.

Багдикиан документально показывает, что монополия СМИ неуклонно закрывает всё больше газет и журналов. Вашингтон, с только одной газетой, «The Post», является уникальным среди мировых столиц. Лондон имеет одиннадцать ежедневных газет, Париж четырнадцать, Рим восемнадцать, Токио семнадцать и Москва девять. Он ссылается на исследование 1982 года World Press Encyclopaedia, что Соединённые штаты находятся в хвосте промышленно развитых стран по количеству ежедневных газет, продаваемых на 1000 населения.

Швеция впереди списка с 572 газетами, Соединённые штаты в конце с 287. В Америке налицо универсальное недоверие к СМИ, из-за их пресловутой монополии и предвзятости. СМИ единодушно призывают к более высоким налогам на трудящихся, к более высоким государственным расходам, социальное государство с тоталитарными полномочиями, близкие отношения с СССР, и оголтелое преследование всех, кто выступает против коммунизма.

Это программа «лондонской смычки». Они выставляют напоказ маниакальный расизм, и их девизом является изречение их верховной жрицы, Сьюзен Зонтаг (Susan Sontag), что «Белая раса является раком истории».

Все, естественно, должны быть против рака. Монополия СМИ расправляется со своими оппонентами одним из двух способов: либо открытое наступление путём клеветы, из-за которой средний человек не может позволить себе судиться, или железный занавес замалчивания, стандартный приём для любой работы, которая выявляет их закулисную деятельность.

Хотя план Ротшильда не совпадает ни с одной политической или экономической программой с момента его формулировки в 1773 году, жизненно важные части его можно разглядеть во всей политической эволюции начиная с этой даты. Ларуш[54] отмечает, что Круглый стол поддерживал авторов

Фабианского социализма в Англии, в то время как нацистский режим поддерживался членом Круглого стола в Германии, д-ром Ялмаром Шахтом (Hjalmar Schacht), и что они использовали нацистское правительство в течение всей Второй мировой войны через члена Круглого стола адмирала Канариса (Canaris), в то время как Аллен Даллес (Allen Dulles) заведовал работой дружественной разведки в Швейцарии для союзников.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Лондонская смычка

«Таким образом, вы видите, мой дорогой Конингсби (Coningsby), что мир управляется совсем другими лицами, вовсе не теми, кого себе воображают те, кто не за кулисами»[55]. Дизраэли (Disraeli), премьер-министр Англии во времена правления королевы Виктории.

В 1775 году колонисты Америки объявили о своей независимости от Великобритании, и впоследствии завоевали свою свободу в Американской революции. Хотя они добились политической свободы, получение финансовой независимости оказалось более трудным делом. В 1791 году, Александр Гамильтон, по просьбе европейских банкиров, формирует первый банк Соединённых штатов, центральный банк с такими же полномочиями, что и Банк Англии.

Иностранное влияние за спиной этого банка, более чем столетие спустя, было в состоянии провести через Конгресс закон о Федеральной резервной системе, давая им, наконец, центральный эмиссионный банк для нашей экономики.

Хотя Федеральный резервный банк не был ни федеральным, как принадлежащим частным акционерам, ни резервом, так как он был предназначен создавать деньги вместо того, чтобы держать их в резерве, он достиг огромной финансовой мощи, такой, что он постепенно вытеснил избранное народом правительство Соединённых штатов.

Независимость США незаметно, но непреодолимо, снова оказывается в британской сфере влияния через Федеральную резервную систему. Таким образом, лондонская смычка стала арбитром политики Соединённых штатов.

Из-за потери Англией её колониальной империи после Второй мировой войны, казалось, что её влияние в качестве мировой политической силы пошло на убыль. По существу, это было так. Англия 1980 года уже не была Англией 1880 года.

Она больше не правит морями; она является второстепенной, возможно, третьестепенной военной силой, но, как это ни парадоксально, в то время как её политическая и военная мощь слабела, её финансовая мощь росла. В книге «Capital City» мы читаем: «По любым мерилам Лондон является ведущим финансовым центром мира... В 1960-х годах доминирование Лондона увеличилось...»[56].

Частичное объяснение этого факта дано здесь:

«Даниэль Дэвисон (Daniel Davison), глава лондонского Morgan Grenfell, заявил: «Американские банки дали необходимые деньги, клиентов, капитал и знания, которые создали нынешнее превосходство Лондона... Только американские банки имеют заимодавца последней инстанции.

Федеральная резервная система Соединённых штатов может, и делает, сотворение долларов, когда это необходимо. Крупных долларовых сделок не может быть без американцев. Без них Лондон не был бы надёжным международным финансовым центром»[57].

Таким образом Лондон является мировым финансовым центром потому, что может распоряжаться огромными суммами, созданными им по его команде Федеральной резервной системой Соединённых штатов. Но как это возможно?

Мы уже установили, что денежно-кредитная политика США, процентные ставки, объём и стоимость денег и продажа облигаций, определяются не марионетками Совета гувернёров Федеральной резервной системы, а Федеральным резервным банком Нью-Йорка.

Кажущаяся децентрализация Федеральной резервной системы и её двенадцати, в равной степени автономных «региональных» банков, была обманом с момента вступления в силу закона о Федеральной резервной системе в 1913 году.

То, что денежно-кредитная политика Соединённых штатов зависит исключительно от Федерального резервного банка Нью-Йорка, является ещё одним заблуждением. Как и то, что Федеральный резервный банк Нью-Йорка является самым автономным и свободным в смысле определения денежно-кредитной политики на всей территории Соединённых штатов без какого-либо вмешательства извне, особенно не соответствует действительности.

Мы могли бы верить в эту автономию, если бы мы не знали, что большинство акций Федерального резервного банка Нью-Йорка были

приобретены тремя нью-йоркскими банками: First National Bank, National City Bank, и National Bank of Commerce. Рассмотрение основных акционеров этих банков в 1914 году и сегодня показывает прямую связь с Лондоном.

В 1812 году National City Bank начал бизнес, как City Bank, в том же помещении, в котором почивший банк Соединённых штатов, чартер которого истёк, вёл свой бизнес. Он представлял многих из тех же акционеров, которые в настоящее время функционируют с законным американским чартером.

В начале 1800-х годов самым известным именем, связанным с City Bank, был Моисей Тейлор (Moses Taylor, 1806-1882). Отец Тейлора был доверенным агентом, занятым покупкой недвижимости для Астора (Astor), скрывая тот факт, что Астор был покупателем. Благодаря этой тактике, Асторе удалось купить многие фермы, а также много потенциально ценной недвижимости в Манхэттене.

Хотя, по слухам, капитал Астора был создан его торговлей мехами, ряд источников указывает, что он также представлял иностранные интересы. Ларуш[58] говорит, что Астор, в обмен на представление разведочных данных Британии в течение времени до и после Войны за независимость, а также за подстрекательство индейцев атаковать и убивать американских поселенцев вдоль границ, был щедро вознаграждён.

Ему платили не наличными, а процентами от британской торговли опиумом с Китаем. Доходы от этой прибыльной концессии легли в основу состояния Астора.

Благодаря связям своего отца с Асторами, у молодого Моисея Тейлора не было трудностей в получении местечка в качестве ученика в банковском доме в возрасте 15 лет. Как и многие другие, фигурирующие на этих страницах, ему представились большие возможности тогда, когда многие другие американцы терпели банкротство во время резкого сокращения кредитов.

Во время паники 1837 года, когда более половины коммерческих фирм в Нью-Йорке обанкротились, он удвоил своё состояние. В 1855 году он стал президентом City Bank.

Во время паники 1857 года, City Bank воспользовался банкротством многих своих конкурентов. Как у Джорджа Пибоди и Юния Моргана, у Тейлора оказалось достаточно денежных средств для скупки проблемных акций. Он приобрёл почти все акции Delaware Lackawanna Railroad за 5 долл. за штуку. Семь лет спустя они продавались по 240 долл. Моисей Тейлор «стоил» теперь пятьдесят миллионов долларов.

В августе 1861 года Тейлор был назначен председателем кредитного комитета для финансирования союзного правительства в междуособной войне. Комитет шокировал Линкольна, предложив правительству 5.000.000 долл. с 12% для финансирования войны. Линкольн отказался и финансировал войну путём выпуска известных «зелёных» Министерством финансов США, которые были обеспечены золотом.

Тейлор продолжал растить своё состояние в течение всей войны, и в последние годы своей жизни, молодой Джеймс Стиллман стал его протеже. В 1882 году, когда Моисей Тейлор умер, он оставил наследство в семьдесят млн. долл. [58a]. Его зять, Перси Пайн (Percy Pyne), сменил его на посту президента City Bank, который теперь стал National City Bank.

Пайн был парализован, и был едва в состоянии вести банк. В течение девяти лет банк пребывал в состоянии застоя, почти весь его капитал состоял из недвижимости Моисея Тейлора. Уильям Рокфеллер (William Rockefeller), брат Джона Д. Рокфеллера, купил долю в банке, и ему очень хотелось увидеть прогресс.

Он убедил Пайна уйти в отставку в 1891 году, чтобы освободить место для Джеймса Стиллмана, и вскоре National City Bank стал главным хранилищем нефтяных доходов Рокфеллера. Сын Уильяма Рокфеллера, Уильям, женился на Элси (Elsie), а его другой сын, Перси (Percy), женился на дочери Джеймса Стиллмана, Изабель (Isabel).

Как и многие другие в банковском Нью-Йорке, у Джеймса Стиллмана также были британские связи. Его отец, дон Карлос Стилман (Don Carlos Stillman), приехал в Браунсвилл, штат Техас (Brownsville, Texas), в качестве британского агента и контрабандиста во время междоусобной войны.

Благодаря его банковским связям в Нью-Йорке, Дон Карлос смог устроить своего сына учеником в банкирский дом. В 1914 году, когда National City Bank приобрёл почти десять процентов акций вновь организованного Федерального резервного банка Нью-Йорка, двое из внуков Моисея Тейлора, Моисей Тейлор Пайн и Перси Пайн, владели 15000 акций компании National City.

Сын Моисея Тейлора, Х. А. С. Тейлор (H. A. S. Taylor) имел 7699 акций National City Bank. Адвокат банка, Джон В. Стерлинг (John W. Sterling), из фирмы Shearman and Sterling, также имел 6000 акций National City Bank. Тем не менее, Джеймс Стиллман владел 47498 акциями, или почти двадцатью процентами от общего числа акций банка 250.000. [См. [таблицу I](#)]

Второй по величине покупатель акций Федерального резервного банка Нью-Йорка в 1914 году, Первый Национальный банк, как правило, известный как «Банк Моргана», из-за участия Моргана в совете директоров, хотя основатель банка Джордж Ф. Бейкер имел 20000 акций, а его сын, Джордж Ф. Бейкер-младший, имел 5000 акций, т.е. вместе у них было двадцать пять процентов от общего числа акций банка в 100.000 акций. Дочь Джорджа Ф. Бейкера-старшего вышла замуж за George F. St. George в Лондоне.

St. George позже поселился в Соединённых штатах, где их дочь, Katherine St. George, стала известным конгрессменом в течение ряда лет. Д-р Е. М. Josephson пишет о ней, «Г-жа St. George, двоюродная сестра и сторонница Рузвельта, заявила: «Демократия безнадежна» [59]. На дочери Джорджа Бейкера младшего, Эдит Бревоорт Бейкер (Edith Brevoort Baker), женился внук Якова Шиффа, Джон М. Шифф, в 1934 году. Джон М. Шифф в

настоящее время почётный председатель Lehman Brothers Kuhn Loeb Company.

Третьим крупным покупателем акций Федерального резервного банка Нью-Йорка в 1914 году был National Bank of Commerce с 250.000 акций. Дж. П. Морган, через его контрольный пакет акций в Equitable Life, у которой было 24.700 акций и Mutual Life, имевшая 17294 акций National Bank of Commerce, а также имел ещё 10.000 акций National Bank of Commerce через J. P. Morgan and Company (7800 акций), Дж. П. Морган-младший (1100 акций), и партнёр Моргана Н. Р. Davison (1100 акций).

Пол Варбург, губернёр Совета губернёров Федеральной резервной системы, тоже имел 3000 акций National Bank of Commerce. Его партнёр, Яков Шифф, имел 1000 акций National Bank of Commerce. Этот банк чётко контролируется Морганом, будучи в действительности филиалом Junius S. Morgan Company в Лондоне и N.M. Rothschild Company в Лондоне, и Kuhn, Loeb Company, также известной как главный агент Ротшильдов.

Финансист Томас Форчун Райан (Thomas Fortune Ryan) также имел 5100 акций National Bank of Commerce в 1914 году. Его сын, Джон Бэрри Райан (John Barry Ryan), женился на дочери Отто Кана, партнёра Варбурга и Шиффа в Kuhn, Loeb Company. Внучка Райана, Виржиния Форчун Райан (Virginia Fortune Ryan), вышла замуж за лорда Эйрли (Airlie), нынешнего главу J. Henry Schroder Banking Corporation в Лондоне и Нью-Йорке.

Другой директор National Bank of Commerce в 1914 году, А. Д. Джульярд (A. D. Juillard), был президентом A. D. Juillard Company, попечителем New York Life, и Guaranty Trust, все из которых находились под контролем Дж. П. Моргана. Juillard также имел британские связи, будучи директором North British and Mercantile Insurance Company. Juillard владел 2000 акций National Bank of Commerce, а также был директором Chemical Bank.

В книге «The Robber Barons», Мэтью Джозефсона, Джозефсон говорит нам, что к 1900 году Морган доминировал New York Life, Equitable Life and Mutual Life, активы которых составляли один миллиард долларов в активах и у которых было пятьдесят миллионов долларов в год для инвестиций. Он говорит:

«В ходе этой кампании тайных союзов он (Морган) приобрёл непосредственный контроль над National Bank of Commerce; а потом долю в First National Bank, вступая в союз с очень сильным и консервативным финансистом Джорджем Ф. Бейкером, который возглавлял его; затем, с помощью владения акциями и переплетения директоратов он подключил к вначале названным банкам другие ведущие банки: Hanover, the Liberty, and Chase»[\[60\]](#).

Мэри В. Гарриман (Mary W. Harriman), вдова Е. Х. Гарримана (E. H. Harriman), также владела 5000 акций National Bank of Commerce в 1914 году. Железнодорожная империя Е. Х. Гарримана полностью финансировалась Яковом Шиффом из Kuhn, Loeb Company. Леви П. Мортон также имел 1500 акций National Bank of Commerce в 1914 году.

Он был двадцать вторым вице-президентом Соединённых штатов, бывшим послом США во Франции и президентом L. P. Morton Company, New York,

Morton-Rose and Company and Morton Chaplin of London. Он был директором Equitable Life Insurance Company, Home Insurance Company, Guaranty Trust, and Newport Trust.

Ошеломляющая мысль, что Федеральная резервная система Соединённых штатов на самом деле управляется из Лондона, вероятно, будет отброшена в первом чтении большинством американцев. Тем не менее, Минский стал известен своей теорией «доминирующей рамки».

Он утверждает, что в любой конкретной ситуации, есть «доминирующая рамка», к которой относится всё, что с данной ситуацией связано и с помощью которой она может быть интерпретирована. «Доминирующей рамкой» в решениях денежно-кредитной политики Федеральной резервной системы является то, что эти решения принимаются теми, кто больше всего от них выигрывает.

На первый взгляд, это, казалось бы, главные акционеры Федерального резервного банка Нью-Йорка. Однако, мы видели, что все эти акционеры имеют «лондонскую смычку». «Лондонская смычка» становится всё более очевидной в качестве доминирующей силы, когда мы находим в книге Capital City [61], что только семнадцати фирмам разрешается работать в качестве коммерческих банков в лондонском Сити, финансовом районе Англии.

Все они должны быть одобрены Банком Англии. Более того, большинство из гувернёров Банка Англии выбираются из партнёров этих семнадцати фирм. Кларк (Clarke) выстраивает эту семнадцатку в порядке их капитализации. Номер 2 – Schroder Bank.

Номером 6 является Morgan Grenfell, лондонский филиал дома Морганов и на деле его доминирующая ветвь. Lazard Brothers – номер 8. N. M. Rothschild – номер 9. Brown Shipley Company, филиал лондонского Brown Brothers Harriman, – 14. Эти пять коммерческих банковских фирм Лондона на самом деле управляют нью-йоркскими банками, которые владеют контрольным пакетом акций Федерального резервного банка Нью-Йорка.

Контроль над решениями Федеральной резервной системой также заключается в ещё одной уникальной ситуации. Каждый день представители четырёх других банковских фирм Лондона встречаются в офисах N. M. Rothschild Company в Лондоне, чтобы определить цену золота на данный день. Остальные четыре банкира представляют Samuel Montagu Company, которая занимает номер 5 в списке из семнадцати лондонских коммерческих банковских фирм, Sharps Pixley, Johnson Matheson, and Mocatta and Goldsmid.

Несмотря на огромный поток бумажной дутой валюты и банкнот, которые в настоящее время наводняют мир, в какой-то момент, каждое предоставление кредита должно быть основано, хотя бы в незначительной мере, на неких вкладах золота в некоем банке, где-то в мире.

Из-за этого фактора, коммерческие банкиры Лондона, с их властью каждый день определять цену золота, становятся конечными арбитрами объёмов денег и их стоимости в тех странах, которые должны признать их власть. Не последней из них является США.

Никакие служащие Федерального резервного банка Нью-Йорка, или Совета гувернёров Федеральной резервной системы, не могут управлять деньгами мира, которые управляются этими коммерческими банкирами Лондона. Хотя политическая и военная мощь Великобритании убывает, она сегодня имеет наибольшую финансовую власть. Именно по этой причине Лондон является нынешним финансовым центром мира.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Смычка с Гитлером

J. Henry Schroder Banking Company стоит на 2-м месте по капитализации в книге «Capital City»[\[62\]](#) в списке из семнадцати коммерческих банков, которые входят в эксклюзивный комитет домов, оформляющих акцепты в Лондоне. Хотя он почти неизвестен в Соединённых штатах, он сыграл большую роль в нашей истории.

Как и другие в этом списке, он прежде всего должен был быть одобрен Банком Англии. И, как семья Warburg, фон Schroder начал свои банковские операции в Гамбурге, Германия. На рубеже веков, в 1900 году, барон Бруно фон Шредер создал филиал лондонской фирмы. К нему вскоре присоединился Франк Кирилл Тиаркс (Frank Cyril Tiarks), в 1902 году. Тиаркс женился на Эмме Франциска (Emma Franziska) из Гамбурга, и был директором Банка Англии с 1912 по 1945 год.

Во время Первой мировой войны J. Henry Schroder Banking Company играет важную роль за кулисами. Ни один историк не способен дать разумное объяснение того, как мировая война началась. Эрцгерцог Фердинанд был убит в Сараево Гаврилом Принципом (Gavrilo Princip), Австрия потребовала извинений от Сербии, Сербия послала ноту с извинениями.

Несмотря на это, Австрия объявила войну, и вскоре другие государства Европы вступили в бой. После того как война началась, стало ясно, что её было не просто продолжать.

Главная проблема состояла в том, что Германия испытывала острую нехватку продовольствия и угля, а без Германии война не могла продолжаться. Джон Хэмилл (John Hamill) в книге «Странная карьера г-на Гувера»[\[63\]](#) объясняет, как эта проблема была решена[\[63a\]](#). Он цитирует из газеты *Nordeutsche Allgemeine Zeitung* от 4 марта 1915 года: «Справедливость, однако, требует, чтобы роль, которую сыграли немецкие представители в Бельгии в решении этой проблемы, стала достоянием общественности.

Инициатива исходила от них, и этот вопрос был решён только из-за их непрерывных отношений с американским комитетом помощи (American Relief Committee)». Хэмилл отмечает: «Целью бельгийского комитета помощи было снабжать Германию продуктами питания».

Бельгийская комиссия помощи была организована Эмилем Франки (Emile Francqui), директором крупного бельгийского банка, Societe Generale, и лондонским толкачом горного дела, американцем по имени Герберт Гувер (Herbert Hoover), который был связан с Франки в ряде скандальных судебных дел, в частности, скандал с угольной фирмой Kaiping Coal

Сопрану в Китае, который, по некоторым мнениям, развязал Боксерское восстание, которое имело своей целью изгнание всех иностранных бизнесменов из Китая.

Гуверу было запрещено проводить сделки на Лондонской фондовой бирже из-за одного судебного решения в отношении его и его партнёра, Стэнли Роу, которого посадили в тюрьму на десять лет. С таким прошлым Гувера посчитали идеальным выбором для карьеры в гуманитарной деятельности.

Хотя его имя неизвестно в Соединённых штатах, Эмиль Франки был добрым ангелом в деле продвижения Герберта Гувера в сколачивании состояния. Хэмилл (на стр. 156) определяет Франки как инициатора многочисленных зверств, совершённых против туземцев в Конго. «За каждый израсходованный патрон, ему должны были принести человеческую руку».

Ужасная репутация Франки возможно стала источником обвинений, позже выдвинутых против немецких солдат в Бельгии, что они рубили руки женщин и детей, претензии, которые оказались безосновательными. Хэмилл также говорит, что Франки «обдул американцев на железнодорожной концессии Ханькоу-Кантон в Китае в 1901 году, и в то же время “был начеку” в случае необходимости дальнейшей помощи Гуверу “взять” угольные шахты Кайпинга.

Таким был гуманитарий, который стал безраздельным заведующим по распределению бельгийской “помощи” во время Первой мировой войны, для которых Гувер делал закупки и доставки. Франки вместе с Гувером был директором в Chinese Engineering and Mining Company (шахты Кайпинга), через которую Гувер перевёз 200.000 китайских рабочих рабов в Конго работать на медных рудниках Франки».

Хэмилл говорит на стр. 311, что «Франки открыл офисы помощи в Бельгии в своём банке, Societe Generale, с штатом сотрудников из одного человека, с письменным разрешением от немецкого генерал-губернатора фон дер Гольца (von der Goltz) от 16 октября 1914 года.

Цитируя газету The New York Herald Tribune от 18 февраля 1930 года, конгрессмен Луис Макфаддена (Louis McFadden), в своём выступлении 26 февраля 1930 года сказал: «Одним из двух директоров Бельгии в Банке международных расчётов будет Эмиль Франки из Societe Generale, член обоих комитетов Young и Dawes Plan.

В Совете директоров Международного банка не будет более красочного типа чем Эмиль Франки, бывший министр финансов, ветеран Конго и Китая... его считают самым богатым человеком в Бельгии, и он входит в число двенадцати самых богатых людей в Европе».

Несмотря на известность Франки, Нью-Йорк Таймс Индекс упоминает его только несколько раз в течение двух десятилетий до его смерти. 3 октября 1931 г. Нью-Йорк Таймс цитирует Le Peuple в Брюсселе, что Франки собирается посетить Соединённые штаты. «Как друг президента Гувера, господин Франки не преминёт посетить президента».

30 октября 1931 года Нью-Йорк Таймс сообщил об этом визите под заголовком «Разговор Гувера-Франки был неофициальный». «Было заявлено, что г-н Франки провёл вторник вечером в качестве личного гостя президента, и что они говорили о мировых финансовых проблемы в общих чертах, строго неофициально.

Г-н Франки был сподвижником президента Гувера во время служение того в Бельгии во время войны. Их визит не имел официального значения. Г-н Франки является частным лицом и не занимается никакой официальной миссией».

Нью-Йорк Таймс не упоминает деловые отношения Гувера-Франки, которые были предметом огромных исков в Лондоне. Визит Франки, вероятно, касался моратория Гувера на немецкие военные долги, который ошеломил финансовый мир. 15 декабря 1931 года, председатель Макфадден проинформировал Конгресс о сообщении в Public Ledger в Филадельфии от 24 октября 1931 года, «Немец раскрывает секрет Гувера.

Американский президент провёл интимные переговоры с германским правительством в отношении годовичного моратория на долг ещё в декабре 1930 года». Макфадден продолжил: «Заявление Гувера стало следствием многих месяцев поспешных и скрытых переговоров в Германии и на Уолл-стрит представительств германских банкиров.

Германия, как губка, должны была быть насыщена американскими деньгами. Гуверу пришлось избираться в президенты, потому что эта комбинация началась, прежде чем он стал президентом. Если бы немецкие международные банкиры Уолл-стрит – то есть Kuhn Loeb Company, J. & W. Seligman, Paul Warburg, J. Henry Schroder – и их сателлиты не надеялись повернуть эту афёру, Герберт Гувер никогда не был бы избран президентом Соединённых штатов.

Избрание Гувера на пост президента состоялось благодаря влиянию братьев Варбургов, директоров великого банка Kuhn Loeb Company, которые оплатили расходы по его выборам. В обмен на это сотрудничество Гувер обещал наложить мораторий на немецкие долги.

Гувер стремился исключить заём Крюгера (Kreuger) Германии в размере 125 млн. долл. из моратория. Суть мошенничества Крюгера была известна здесь в январе, когда он посетил своего друга, мистера Гувера, в Белом доме».

Мало того, что Гувер развлекал в Белом доме Франки, но также и Ивара Крюгера, самого знаменитого жулика XX века.

Когда Франки умер 13 ноября 1935 года, Нью-Йорк Таймс увековечил его как «короля меди Конго... Г-н Франки, в прошлом году получивший диктаторские полномочия над бельгой, во время кризиса удержал её на золотом стандарте.

В 1891 году он возглавил экспедицию в Конго и покорила его для короля Леопольда. Будучи человеком с огромным состоянием, вошедшим в двенадцать самых богатых людей Европы, он захватил громадные месторождения меди.

Он был министром иностранных дел в 1926 году и министром финансов в 1934 году. Предметом его гордости было то, что он никогда не принял ни сантима вознаграждения за свои услуги правительству.

Будучи генеральным консулом в Шанхае, он получил ценные концессии, особенно угольные шахты Кайпинга и железнодорожные концессии железной дороги Тяньцзинь. Он был губернёром Societe Generale de Belgique, Lloyd Royal Belge, и регентом La Banque Nationale de Belgique».

Нью-Йорк Таймс не упоминает бизнес-партнерства Франки с Гувером. Как Франки, Гувер также отказывался от вознаграждения за «государственную службу», и как министр торговли и в качестве президента Соединённых штатов, он возвращал своё жалованье правительству.

13 декабря 1932 года председатель Макфадден представил резолюцию об импичменте против президента Гувера за серьёзные преступления и проступки, содержащую много страниц, в том числе нарушение контрактов, незаконной растраты финансовых ресурсов Соединённых штатов, и его назначение Юджина Мейера (Eugene Meyer) в Совет губернёров Федеральной резервной системы. Резолюция была замечена под ковёр и осталась без действия Конгресса.

В критике моратория немецких военных долгов Гувера, Макфадден ссылался на «немецких» покровителей Гувера. Хотя все главы «лондонской смычки» происходили из Германии, большинство из них из Франкфурта, в то время, когда они поддерживали кандидатуру Гувера на пост президента Соединённых штатов, они действовали из Лондона, как и сам Гувер в течение большей части своей карьеры.

Кроме того, мораторий Гувера не был предназначен, чтобы «помочь» Германии, так как Гувер никогда не был «прогерманским». Мораторий на военные долги Германии был необходим для того, чтобы Германия обзавелась бы средствами на перевооружение. В 1931 году, по-настоящему вперёд-смотрящие дипломаты ожидали Второй мировой войны, а войны не может быть без «агрессора».

Гувер также осуществляет ряд горнорудных операций в различных частях мира в качестве секретного агента Ротшильдов, и был вознаграждён за это директорством в одном из главных предприятий Ротшильда, Rio Tinto Mines в Испании и Боливии. Франки и Гувер взяли за, казалось бы, невыполнимую задачу обеспечения Германии во время Первой мировой войны.

Их успех был отмечен в *Nordeutsche Allgemeine Zeitung* от 13 марта 1915 года, в котором отмечалось, что большое количество продуктов питания в настоящее время прибывает из Бельгии по железной дороге.

Ежегодник *Schmoller's Yearbook for Legislation, Administration and Political Economy* за 1916 год показывает, что один миллиард фунтов мяса, полтора миллиарда фунтов картофеля, полтора миллиарда фунтов хлеба, и сто двадцать один миллион фунтов масла было поставлено из Бельгии в Германию в этом году.

Патриотическая британская женщина, которая заведовала небольшой больницей в Бельгии в течение нескольких лет, Эдит Кавелл (Edith Cavell), написала в *Nursing Mirror* в Лондоне 15 апреля 1915 года, жалуясь, что товары «бельгийской помощи» отправлялись в Германию, чтобы кормить немецкую армию.

Немцы не считали Мисс Кавелл важной и не обращали на неё внимания, но английская разведка в Лондоне была потрясена открытием Мисс Кавелл и потребовала, чтобы немцы арестовали её как шпионку.

Сэр Уильям Уайзман (William Wiseman), глава британской разведки и партнер Kuhn, Loeb Company, опасался, что продолжение войны было поставлено на карту, и тайно уведомил немцев, что мисс Кавелл должна быть казнена. Немцы неохотно её арестовали и обвинили её в пособничестве военнопленным бежать.

Обычное наказание за это преступление составляет три месяца тюремного заключения, но немцы учли требования сэра Уильяма Уайзмана, и застрелили Эдит Кавелл, создав таким образом одного из главных мучеников Первой мировой войны.

Отделавшись от Эдит Кавелл, Операция «Бельгийская помощь» продолжалась, хотя в 1916 году, немецкие эмиссары снова известили должностных лиц в Лондоне, что они не верят, что Германия сможет продолжать военные операции не только из-за нехватки продовольствия, но и из-за финансовых проблем.

Было отправлено больше «экстренной помощи», и Германия продолжала войну до ноября 1918 года. Двумя главными помощниками Гувера были бывший клерк по транспортировке пиломатериалов с Западного побережья, Прентисс Грей (Prentiss Gray), и Юлий Х. Барнс (Julius H. Barnes), продавец зерна из Дулута (Duluth).

После войны оба они стали партнёрами в J. Henry Schroder Banking Corporation в Нью-Йорке, и создали себе крупные состояния, главным образом, на зерне и сахаре.

После вступления США в войну Барнс и Грей получили важные посты во вновь созданной Администрации США по продовольствию (U.S. Food Administration), которая также была отдана под руководство Герберта Гувера. Барнс стал президентом Grain Corporation в Администрации США по продовольствию с 1917 по 1918 год, а Грей был начальником морских перевозок.

Другой партнёр J. Henry Schroder, Г. А. Забриски (G. A. Zabriskie), был назначен главой U.S. Sugar Equalization Board.

Таким образом, лондонская смычка контролировала все продукты Соединённых штатов через его «царей» зерна и сахара во время Первой мировой войны. Несмотря на многочисленные жалобы о коррупции и скандалах в Администрации США по продовольствию, никто не попал под суд. После войны партнёры J. Henry Schroder Company обнаружили, что им в настоящее время принадлежит большая часть сахарной промышленности Кубы.

Один из партнёров, М. Е. Рионда (M. E. Rionda), был президентом Cuba Cane Corporation, и директором Manati Sugar Company, American British and Continental Corporation и других фирм. Барон Bruno von Schroder, старший партнёр фирмы, был директором North British and Mercantile Insurance Company. Его отец, барон Rudolph von Schroder из Гамбурга, был директором Sao Paulo Coffee Ltd., одной из крупнейших бразильских компаний кофе, с Ф. К. Тиарксом, также из фирмы Шредер[63b].

После войны Забриски, который был сахарным царём Соединённых штатов, председательствуя в U.S. Sugar Equalization Board, стал президентом нескольких крупнейших корпораций по выпечке в Соединённых штатах: Empire Biscuit, Southern Baking Corporation, Columbia Baking, и других фирм.

В качестве главного помощника в Администрации США по продовольствию Гувер избрал Льюиса Лихтенштейна Штрауса (Lewis Lichtenstein Strauss), который в скором времени стал партнёром в Kuhn Loeb Company, женившись на дочери Джерома Ханануера (Jerome Hanauer) из Kuhn Loeb Company.

На протяжении своей выдающейся гуманитарной службы с бельгийской Комиссией помощи, в Администрации США по продовольствию, а после войны в Американской администрации помощи, ближайшим сподвижником Гувера был некто Эдгар Рикард (Edgar Rickard), родившийся в Pontgibaud, Франция.

В «Кто есть кто» он заявляет, что он был «административным помощником Герберта Гувера во всех военных и послевоенных организациях, включая Комиссию по оказанию помощи в Бельгии. Он также работал в Администрации США по продовольствию от 1914 по 1924 г.».

Он оставался одним из ближайших друзей Гувера, и, как правило, Рикарды и Гуверы проводили свои отпуска вместе. Став министром торговли в администрации Кулиджа (Coolidge), Гувер наградил, своего друга патентом на Hazeltine Radio, который приносил ему миллион долларов в год в виде роялти.

В 1928 году «лондонская смычка» решила выдвинуть Герберта Гувера на пост президента Соединённых штатов. Существовала только одна проблема; хотя Герберт Гувер был рождён в США и, таким образом, имел право на должность президента, в соответствии с Конституцией, он никогда не имел юридического или домашнего адреса в Соединённых штатах, так как он уехал за границу сразу после окончания колледжа в Стэнфорде.

В результате этого, во время своей предвыборной кампании на пост президента, Герберт Гувер давал свой американский адрес Suite 2000, 42 Broadway, New York, который был служебным адресом Эдгара Рикарда. Он также делил Suite 2000 с магнатом зерна и партнёром J. Henry Schroder Banking Corporation, Юлием Х. Барнсом.

После избрания Герберта Гувера президентом Соединённых штатов, он настаивал на назначении одного из старой шайки-лейки Лондона, Юджина Мейера, в качестве гувернёра Федеральной резервной системы.

Отец Мейера был одним из партнёров компании Lazard Freres из Парижа и Lazard Brothers в Лондоне. Мейер с Барухом был одним из самых влиятельных людей в Соединённых штатах во время Первой мировой войны, член известного Триумvirата, который обладал непревзойденным могуществом; Мейер в качестве председателя War Finance Corporation, Барнард Барух в качестве председателя Военно-промышленного Совета, и Пол Варбург, как гувернёр Федеральной резервной системы.

Давний критик Юджина Мейера, председатель банковского и денежного комитета палаты представителей Луи Макфадден, цитируется в Нью-Йорк Таймс от 17 декабря 1930 года, что он атаковал назначение Гувером Мейера, обвиняя того, что «Он представляет интересы Ротшильда и является офицером связи между французским правительством и Дж. П. Морганом». 18 декабря Таймс сообщил, что «Герберт Гувер глубоко обеспокоен» и что речь Макфаддена была «несчастливым случаем».

20 декабря Таймс комментирует на страницах газеты под заголовком «Снова Макфадден», что «речь должна обеспечить ратификацию Сенатом г-на Мейера, как главы Федеральной резервной системы. Речь была бессвязной, какими выступления г-на Макфаддена, как правило, являются». Как Таймс предсказал, Мейер был должным образом одобрен Сенатом.

Не довольствуясь другом в Белом доме, J. Henry Schroder Corporation вскоре приступила к дальнейшим международным афёрам, не менее, чем план развязать Вторую мировую войну. Это должно было быть сделано путём предоставления, в решающий момент, финансирования Адольфа Гитлера для прихода к власти в Германии.

Хотя многим магнатам приписывается заслуга за финансирование Гитлера, в том числе Fritz Thyssen, Henry Ford, и Дж. П. Морган, они, как и другие, дали-таки миллионы долларов на его политические кампании в течение 1920-х годов, как и для других, которые также имели шансы на победу, но кто бесследно исчез.

В декабре 1932 года для многих наблюдателей немецких событий казалось неизбежным, что Гитлер был также готов к поездке на тобоггане в Лету. Несмотря на то, что он многого добился в национальных [предвыборных] кампаниях, он истратил все деньги, полученные из его обычных источников, и в настоящий момент столкнулся с большими долгами.

В своей книге «Aggression» Отто Леманн-Руссбельдт (Otto Lehmann-Russbeltdt) говорит нам, что «Гитлер был приглашён на встречу в банк Шредера в Берлине 4 января 1933 года.

Ведущие промышленники и банкиры Германии помогли Гитлеру с его финансовыми трудностями и дали ему возможность оплатить его огромный долг, который он понёс в связи с содержанием его частной армии. В свою очередь, он пообещал сломить власть профсоюзов. 2 мая 1933 года, он выполнил своё обещание»[64].

На совещании 4 января 1933 были братья Даллес, Джон Фостер Даллес (John Foster Dulles) и Аллен В. Даллес (Allen W. Dulles), из адвокатской нью-йоркской фирмы, Sullivan and Cromwell, которая представляла банк Шредера. Братья Даллес часто оказывались на важных совещаниях. Они представляли США на Парижской мирной конференции (1919);

Джон Фостер Даллес умер на своём посту в качестве министра иностранных дел Эйзенхауэра, в то время как Аллен Даллес возглавлял Центральное разведывательное управление в течение многих лет.

Их апологеты редко пытались защитить появление братьев Даллес на совещании, которое сделало Гитлера канцлером Германии, предпочитая делать вид, что этого не произошло. Обликели (Obliquely), один биограф Леонарда Мосли (Leonard Mosley), обходит этот момент в книге «Dulles», когда он заявляет:

«Оба брата провели много времени в Германии, где в начале 1930-х годов у Sullivan and Cromwell были значительные интересы, представляя несколько провинциальных правительств, некоторые крупные промышленные комбинаты, ряд крупных американских компаний, имеющих интересы в рейхе, а также некоторых богатых лиц»[65].

Аллен Даллес позднее стал директором J. Henry Schroder Company. Ни он, ни Дж. Генри Шредер не должны были быть подозреваемы в пронацистских или прогитлеровских взглядах; неизбежным фактом является то, что если бы Гитлер не стал канцлером Германии, мало было вероятности развязать Вторую мировую войну, война, которая удвоила их прибыль[65a].

В Большой советской энциклопедии говорится: «Банкирский дом Schroder Bros. (он был банкиром Гитлера) был создан в 1846 году; его партнёры сегодня бароны фон Шредеры, связанные с филиалами в США и Англии[66][66a].

Финансовый редактор газеты «The Daily Herald» из Лондона пишет 30 сентября 1933 г. о «Решении г-на Нормана обеспечить нацистам поддержку Банка (Англии)». Джон Харгрейв (John Hargrave), в своей биографии Монтегю Нормана говорит:

«Можно быть полностью уверенным, что Норман сделал всё возможное, чтобы помочь гитлеризму, чтобы завоевать и сохранить политическую власть, работая в финансовой плоскости из своей крепости на Threadneedle Street. [т.е. Банк Англии - Ред.]. Барон Вильгельм де Ропп (Wilhelm de Ropp), журналист, чьим близким другом был майор Ф. В. Винтерботам (F. W. Winterbotham).

Начальник воздушной разведки Британской Секретной Службы, привёз нацистского философа, Альфреда Розенберга (Alfred Rosenberg), в Лондон и познакомил его с лордом Хейлшем (Hailsham), министром обороны, Джеффри Доусоном (Geoffrey Dawson), редактором Таймса и Норманом, гувернёром Банка Англии.

После разговора с Норманом, Розенберг встретился с представителем Schroder Bank в Лондоне. Управляющий директор банка Шредера, Ф. К. Тиаркс (F. C. Tiarks), был также директором Банка Англии.

Харгрейв говорит (стр. 217), «В начале 1934 отборная группа финансистов города собралась в комнате Нормана за стенами без окон: сэр Роберт Киндерсли (Robert Kindersley), партнёр Lazard Brothers, Чарльз Хамбро (Charles Hambro), Ф. К. Тиаркс, сэр Иосия Стамп (Josiah Stamp), (также директор Банка Англии). Гувернёр Норман говорил о политической ситуации в Европе.

Утвердилась новая сила, великая «стабилизационная сила», а именно, нацистская Германия. Норман советовал своим коллегам включить Гитлера в свои планы для финансирования Европы. Никто не возражал».

В книге «Wall Street and the Rise of Hitler», Энтони С. Саттон (Antony C. Sutton) пишет «Нацистский барон Курт фон Шредер служил в качестве канала денег для I.T.T., переведенных для организации СС Генриха Гимmlера в 1944 году, во время Второй мировой войны, и Соединённые штаты были в состоянии войны с Германией»[67]. Курт фон Шредер (Kurt von Schroeder), родившийся в 1889 году, был партнёром в кельнском банке (Cologne Bankhaus, J. H. Stein & Co.), который был основан в 1788 году.

После того как нацисты пришли к власти в 1933 году Шредер был назначен представителем Германии в Банке международных расчетов (Bank of International Settlements). Комитет Килгора (Kilgore Committee) в 1940 году заявил, что влияние Шредера в администрации Гитлера было настолько велико, что он смог устроить назначение Пьера Лавала (Pierre Laval) главой французского правительства во время немецкой оккупации.

Комитет Килгора привёл более десятка важных титулов, которые носил Курт фон Шредер в 1940-х годах, в том числе президент Deutsche Reichsbahn, Совет рейха по экономическим вопросам, звание СС старший руководитель группы, Совет почтового отделения рейха, и других ведущих банков и промышленных групп. Шредер был членом совета директоров всех филиалов International Telephone and Telegraph в Германии.

В 1938 году лондонский Банк Шредера стал немецким финансовым агентом в Великобритании. Нью-йоркское отделение Шредера в 1936 году объединилось с Рокфеллерами, как Schroder, Rockefeller, Inc. на 48 Уолл-стрит. Карлтон П. Фуллер (Carlton P. Fuller) из Шредера был президентом этой фирмы, а Эйвери Рокфеллер (Avery Rockefeller) – вице-президентом.

В течение многих лет он был закулисным партнёром Дж. Генри Шредера, и создал строительную фирму Bechtel Corporation, сотрудники которой (в отпуске) в настоящее время играют ведущую роль в администрации Рейгана, в качестве министра обороны и министра иностранных дел.

Владислав Фараго, в книге «The Game of the Foxes»[68] сообщает, что барон Вильгельм де Ропп, двойной агент, проник в высшие эшелоны до Второй мировой войны, и Гитлер опирался на де Роппа как на своего конфиденциального консультанта по британским делам. Это был совет де Роппа, по которому Гитлер отказался вторгнуться в Англию.

Виктор Перло (Victor Perlo) пишет в «The Empire of High Finance»:

«Правительство Гитлера сделало банк Шредера в Лондоне их финансовым агентом в Англии и Америке. Личный банковский счёт Гитлера был в М. Штейн Банкхаус (J. M. Stein Bankhaus), немецком филиале банка Шредера. Ф. К. Тиаркс британской J. Henry Schroder Company был членом Англо-германской дружбы (Anglo-German Fellowship) с двумя другими партнёрами в качестве членов, а фирма была корпоративным членом[69].

Эта история гораздо глубже, чем Перло подозревает. Дж. Генри Шредер как раз и был обществом англо-германский дружбы, английский эквивалент движения «Америка на первом месте» (America First), а также инструмент привлечения патриотов, которые не хотели видеть свою нацию, участвующую в ненужной войне с Германией.

В течение 1930-х годов, до начала Второй мировой войны, Шредер вкладывал деньги в Англо-германскую дружбу, в результате чего Гитлер был убеждён, что у него есть большая прогерманская пятая колонна в Англии, состоящая из многих известных политиков и финансистов.

В 1930-х годах в Англии были две различные политические группы – партия войны во главе с Уинстоном Черчиллем, который яростно требовал от Англии вступить в войну против Германии, и партия умиротворения во главе с Невиллом Чемберленом (Neville Chamberlain).

После Мюнхена Гитлер считал группу Чемберлена доминирующей партией в Англии, а Черчилля – незначительным демагогом. Из-за того, что его собственные финансовые покровители, Шредеры, покровительствовали партии умиротворения, Гитлер полагал, что войны не будет.

Он не подозревал, что покровители стороны Умиротворения, теперь, когда Чемберлен сделал своё дело в обмане Гитлера, Чемберлена бросят в сторону и сделают Черчилля премьер-министром. Не только Чемберлен, но и Гитлер уехал из Мюнхена в надежде, что это будет «Мир в наше время».

Успех Шредеров в создании у Гитлера этой веры объясняет некоторые из самых загадочных вопросов Второй мировой войны. Почему Гитлер позволяет британской армии сбежать из Дюнкерка и вернуться домой, когда он мог бы их уничтожить?

Против отчаянных советов своих генералов, которые хотели нанести смертельный удар английской армии, Гитлер удержал их, потому что он не хотел, чтобы оттолкнуть его якобы многочисленных последователей в Англии.

По этой же причине он отказался вторгнуться в Англию в период, когда у него было военное превосходство, полагая, что это не будет необходимо, так как группа Англо-германской дружбы готова была заключить с ним мир. Полёт Рудольфа Гесса (Rudolf Hess) в Англию был попыткой подтвердить, что группа Шредера готова заключить мир и создать общий фронт против Советов.

Сегодня Рудольф Гесс продолжает томиться в тюрьме, спустя много лет после войны, потому что он, в случае освобождения, мог бы свидетельствовать, что он отправился в Англию связаться с группой Англо-германской дружбы, т.е., с группой Шредера, по поводу прекращения войны[69a].

Если кто-то полагает, что это всё древняя история, не имеющая отношения к настоящей политической арене, мы представим вам Джона Лоури Симпсона (John Lowery Simpson) из г. Сакраменто, штат Калифорния. Хотя он впервые появляется в «Кто есть кто в Америке» за 1952 год, г-н Симпсон утверждает, что он служил под началом Герберта Гувера в Комиссии по оказанию помощи в Бельгии с 1915 по 1917 год; в Администрации США по продовольствию с 1917 года по 1918 год, в Комиссии американской помощи в 1919 году, и с P. N. Gray Company, Вена, с 1919 по 1921 год. Грей заведовал морскими перевозками в Администрации США по продовольствию, что позволило ему создать свою собственную судоходную компанию после войны.

Как и другие гуманитарии Гувера, Симпсон также присоединился к J. Henry Schroder Banking Company (личных банкиров Адольфа Гитлера) и J. Henry Schroder Trust Company.

Он также стал партнёром Schroder-Rockefeller Company, когда тот инвестиционный фонд поддержал строительную компанию, которая стала крупнейшей в мире, фирма Bechtel Incorporated. Симпсон был председателем финансового комитета Bechtel Company, Bechtel International и канадской Bechtel. Симпсон утверждает, что он был консультантом интересов Bechtel-McCone в военном производстве во время Второй мировой войны.

Он был членом Союзной контрольной комиссии в Италии 1943-44 гг. Он женился на Маргарет Манделл (Margaret Mandell), из купеческой семьи, в честь которой был назван полковник Edward Mandell House, и он поддержал человека из Калифорнии, сначала на пост губернатора, а потом на пост президента.

Как результат, Симпсон и J. Henry Schroder Company теперь обслуживается министром обороны, бывшим служащим Bechtel Каспаром Уайнбергером (Caspar Weinberger). Также служит им министр иностранных дел, Джордж Шульц Пратт (George Pratt Schultz), тоже бывший служащий Bechtel, который, кстати, наследник Standard Oil, подтверждая связи с компанией Шредер-Рокфеллера.

Таким образом, в «консервативной» администрации Рейгана министр обороны из компании Шредера, министр иностранных дел из Шредер-Рокфеллера, и вице-президент, чей отец был старшим партнёром Brown Brothers Harriman.

Heritage Foundation также была важным фактором в определении политики администрации Р. Рейгана. Теперь мы узнаём, что Heritage Foundation является частью сети Тависток института (Tavistock Institute), управляемой английской разведкой. Финансовые решения всё ещё делаются в Банке Англии, а кто является главой Банка Англии?

Сэр Гордон Ричардсон (Gordon Richardson), председатель J. Henry Schroder Co. Лондона и Нью-Йорка с 1962 по 1972 год, когда он стал губернёром Банка Англии. Никогда ещё «лондонская смычка» не сидела так прочно в правительстве Соединённых штатов.

3 июля 1983 года The New York Times объявил, что Гордон Ричардсон, губернёр Банка Англии в течение последних десяти лет, был заменен Робертом Ли-Пембертон (Robert Leigh-Pemberton), председатель National Westminster Bank. Список директоров National Westminster Bank читается как «Кто есть кто» британского правящего класса. Он включает в себя председателя, лорда Олденхема (Aldenham), который также является председателем Antony Gibbs & Son, коммерческого банка, одного из семнадцати привилегированных фирм, получивших чартеры от Банка Англии; сэра Уолтера Барри (Walter Barrie), председателя Британской радиовещательной системы; Ф. Е. Хармера (F. E. Harmer), губернёра Лондонской школы экономики, учебного заведения для международных банкиров, и председателя пароходства Новой Зеландии.

Сэр Е. К. Милвилл (E. C. Mieville), личного секретаря короля Англии 1937-45; маркиза Солсбери (Salisbury), лорда Сесилия (Cecil), лорда-хранителя печати (Сесилии считаются одним из трёх правящих семейств Англии со времён средневековья); лорд Ледерс (Lord Leathers), барон Пёрфлит (Purfleet), военный министр транспорта 1941-45.

Председатель группы компаний William Cory; сэр У. Х. Коутс (W. H. Coates) и У. Дж. Уорбойс (W. J. Worboys) из Imperial Chemical Industries (английский DuPont); граф Дадли (Dudley), председатель British Iron & Steel, сэр У. Бентон Джонс (W. Benton Jones), председатель United Steel и многих других сталелитейных компаний.

Сэр Г. Е. Шустер (G. E. Schuster), банк Новой Зеландии; East India Coal Company; А. д'А. Уиллис (A. d'A. Willis), Ashanti Goldfields и многие банки, чайные компании и другие фирм; В. У. Йорк (V. W. Yorke), председатель Mexican Railways Ltd.

Ричардсон, бывший председатель Schroders, владеющий с нью-йоркскими филиалами акциями Федерального резервного банка Нью-Йорка, был заменен председателем National Westminster, с филиалом в Нью-Йорке, владеющим акциями Федерального резервного банка Нью-Йорка. Роберт Ли Пембертон, директор Equitable Life Assurance Society (Дж. П. Морган), женился на дочери маркиза Эксетера (Exeter, из семьи Cecil Burghley). Таким образом, контроль лондонской смычки постоянно остаётся в силе.

Список теперешних директоров J. Henry Schroder Bank and Trust показывает продолжающееся международное влияние с времён Первой мировой войны. Джордж А. Брага (George A. Braga) также является директором Czarnikow-Rionda Company, вице-президент Francisco Sugar Company, президент Manati Sugar Company, и вице-президент New Tuinicui Sugar Company. Его родственник, Рионда Б. Брага, является президентом Francisco Sugar Company и вице-президентом Manati Sugar Company.

Контроль сахара Шредером восходит к Администрации США по продовольствию под начальством Герберта Гувера и Льюиса Л. Штрауса

из Kuhn, Loeb Company в течение Первой мировой войны. Адвокатами Шредера является фирма Салливан и Кромвель.

Джон Фостер Даллес из этой фирмы присутствовал во время исторического соглашения для финансирования Гитлера, а затем был министром иностранных дел в администрации Эйзенхауэра. Альфред Джаретский-младший (Alfred Jaretzki, Jr.), из фирмы Салливан и Кромвель также является директором Manati Sugar Company и Francisco Sugar Company.

Другим директором J. Henry Schroder является Норрис Даррелл -младший (Norris Darrell, Jr.), родившийся Берлине, Германия, партнёр Салливан и Кромвель и директор Schroder Trust Company. Бейлесс Мэннинг (Bayless Manning), партнёр адвокатской фирмы Уолл-стрит Paul, Weiss, Rifkind and Wharton, также является директором J. Henry Schroder. Он был президентом Совета по международным отношениям 1971-1977 и является главным редактором Yale Law Review.

Пол Х. Нитце (Paul H. Nitze), видный «переговорщик по разоружению» от правительства Соединённых штатов, является директором Schroder's Inc. Он женился на Филлис Пратт (Phyllis Pratt), участнице богатств Standard Oil, чей отец дал особняк семье Пратт под помещение Совета по Международным отношениям.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Первая мировая война

«Деньги – худшая из всех контрабанд». Уильям Дженнингс Брайан (William Jennings Bryan)

В настоящее время очевидно, что мировой войны могло не быть без Федеральной резервной системы. Произошла странная последовательность событий, ни одно из которых не были случайными. Без кандидатуры Теодора Рузвельта, «Лося-быка» (Bull Moose), популярный президент Тафт был бы переизбран и Вудро Уилсон канул бы в лету[69b]. Если Уилсон не был бы избран, у нас могло не быть закона о Федеральной резервной системе, и Первой мировой войны можно бы было избежать.

Европейские страны были вынуждены содержать большие армии вследствие политики центральных банков, которые диктовали их правительственные решения. В апреле 1887 года Ежеквартальный журнал экономики указал:

«Тщательный обзор государственных долгов Европы показывает выплаты процентов и в амортизационный фонд в размере 5343 млн. долл. в год (пять и одна треть миллиарда). Заключение М. Неймарка (M. Neymarck) очень похоже на заключение г-на Аткинсона (Atkinson). Финансы Европы настолько запутаны, что правительства могут спросить, не лучше ли война, со всеми её ужасными возможностями, не является ли она предпочтительней поддержания такого опасного и дорогостоящего мира.

Если военные приготовления Европы не закончатся войной, они вполне могут закончиться банкротством государств. Или, если такое

сумасшествие не приведёт ни к войне, ни к краху, то оно несомненно указывает на промышленную и экономическую революцию».

С 1887 по 1914 год продолжалась эта рискованная система вооружённых до зубов, но обанкротившихся европейских стран, в то время как Соединённые штаты продолжали быть должником, занимая деньги из-за рубежа, но давая редкие международные займы, поскольку у нас не было центрального банка или «мобилизации кредита».

Система национальных займов была разработана Ротшильдом для финансирования европейской борьбы в девятнадцатом веке, потому что они были разбросаны по разным филиалам Ротшильда в ряде стран. К 1900 году было очевидно, что европейские страны не могут позволить себе большой войны.

У них были большие армии, всеобщие воинские повинности, и современное оружие, но их экономики не могли поддержать огромные затраты. Федеральная резервная система начала свою деятельность в 1914 г., заставляя американский народ занять союзникам двадцать пять миллиардов долларов, которые не были заплачены, несмотря на то, что значительные проценты были выплачены нью-йоркским банкирам. Американский народ был вынужден вести войну с немецким народом, с которым у нас не было никаких политических или экономических раздоров.

Более того, Соединённые штаты были крупнейшей страной в мире, состоящей из немцев; почти половина её граждан были немецкого происхождения, и немецкий язык был отклонён незначительным большинством, как национальный язык[69с].

Посол Германии в Турции, барон Wangeheim, спросил посла США в Турции, Генри Моргентау (Henry Morgenthau), почему Соединённые штаты намерены вести войну с Германией. «Мы, американцы», ответил Моргентау, выступая перед группой гарлемских торговцев недвижимостью, главой которой он был, «собираемся воевать за моральные принципы».

Дж. П. Морган получил доходы от «Первого займа свободы», чтобы заплатить 400.000.000 долларов, которые он занял Великобритании в начале войны.

Для покрытия этого займа было выпущено 68 млн. банкнот в соответствии с положениями закона Олдрича-Вриленда под залог ценных бумаг, единственный раз когда это было сделано. Банкноты были изъяты из обращения, как только Федеральные резервные банки начали работать, и заменены федеральными резервными банкнотами.

В 1915 и 1916 годах Уилсон остался верен банкирам, которые купили для него Белый дом, продолжая выдавать займы союзникам. Его госсекретарь Уильям Дженнингс Брайан, постоянно протестовал, заявляя, что «Деньги – худшая из всех контрабанд».

К 1917 году Морган и Kuhn, Loeb Company выдали миллиард с половиной долларов в виде займов для союзников. Банкиры также

финансировали множество организаций «за мир», которые работали, чтобы втянуть нас в мировую войну.

Комиссия по оказанию помощи в Бельгии фабриковала истории о злодеяниях немцев, в то время как организация Карнеги, Лига по принуждению к миру (League to Enforce Peace), мучила в Вашингтоне для нашего вступления в войну.

Она позже стала Фондом Карнеги за международный мир, который в течение 1940-х годов возглавлял Алджер Гисс. Один писатель^[69d] утверждал, что он никогда не видел ни одного «движения за мир», которое не закончилось бы войной.

Посол США в Великобритании, Уолтер Хайнс Пейдж (Walter Hines Page), жаловался, что он не мог позволить себе роскоши быть послом, и получил двадцать пять тысяч долларов в год на расходы от Кливленд Х. Доджа (Cleveland H. Dodge), президента National City Bank. Х. Л. Менкен (H. L. Mencken) открыто обвинил Пейджа в 1916 году как британского агента, что было несправедливо. Пейдж был только агентом банкиров.

5 марта 1917 г. Пейдж послал конфиденциальное письмо Уилсону. «Я думаю, что давление этого приближающегося кризиса вышло за пределы способности финансового агентства Моргана для британского и французского правительств..

. Самая большая помощь, которую мы могли бы оказать союзникам будет кредит. Естественно, мы не можем предоставить такой прямой кредит, если мы не начнём войну с Германией».

Ротшильды сомневались в способности Германии продолжать войну, несмотря на финансовый хаос, вызванный их агентами, Варбургам, которые финансировали Кайзера, а брат Пола Варбурга, Макс, который, как глава немецкой секретной службы, уполномочил проезд Ленина через линии фронта, чтобы устроить большевистскую революцию в России.

По словам заместителя министра военно-морского флота, Франклина Д. Рузвельта, тяжелая промышленность Америки уже как год готовилась к войне. Министерства армии и флота закупали военные припасы в больших количествах с начала в 1916 года. Корделл Халл (Cordell Hull) отмечает в своих воспоминаниях:

«Конфликт вынуждал дальнейшее развитие принципа подоходного налога. Нацелившись на единый большой необлагаемый источник дохода, закон о подоходном налоге был протолкнут в последний момент, чтобы удовлетворить нужды войны. И конфликт также оказал помощь в введении в действие Федеральной резервной системы, также в последний момент»^[70].

Можно спросить, в самый последний момент для кого? Конечно, не для американского народа, который не нуждался в «мобилизации кредита» для европейской войны, или принять налог на прибыль для финансирования войны. Заявление Халла даёт редкую картину махинаций наших «слуг общества».

Записки Журнала политической экономии за октябрь 1917 года говорят:

«Влияние войны на бизнес Федеральных резервных банков потребовало огромного увеличения штатов этих банков, с соответствующим увеличением расходов. Не будучи, конечно, в состоянии предвидеть такой ранний и обширный спрос на их услуги в связи с этим, создатели закона о Федеральной резервной системе включили условие, что федеральные резервные банки должны действовать как налоговые агенты правительства».

Банкиры ждали с 1887 года, что Соединённые штаты примут план центрального банка, чтобы они могли бы финансировать европейскую войну между народами, которых они уже обанкротили программами вооружений и «обороны». Самой критической функцией механизма центрального банка является финансирование войны.

13 октября 1917 года, Вудро Уилсон произнёс важную речь, заявив:

«Явно необходимо, что должна произойти полная мобилизация банковских резервов Соединённых штатов. Бремя и привилегия (союзных займов) должны быть разделены каждым банковским учреждением страны. Я считаю, что сотрудничество со стороны банков является патриотическим долгом в это время, и что членство в Федеральной резервной системе является особым и значительным доказательством патриотизма».

Е. В. Кеммерер (E. W. Kemmerer) пишет, что «в качестве фискальных агентов правительства, федеральные резервные банки оказали нации услуги неопределимого значения после нашего вступления в войну. Они оказали большую помощь в сохранении наших золотых ресурсов, в регулировке наших иностранных бирж, и в централизации нашей финансовой энергии. Страшно подумать, что могло бы произойти, если бы война застала нас с нашей прежней децентрализованной и устаревшей банковской системой».

Страхи г-н Кеммерера игнорируют тот факт, что если бы мы удержали «нашу устаревшую банковскую систему», мы бы не были в состоянии финансировать мировую войну или ввести себя в неё в качестве участника.

Вудро Уилсон и сам не верил в свой крестовый поход, чтобы спасти мир для демократии. Позднее он писал, что «Мировая война была вопросом экономической конкуренции».

Во время опроса сенатора Маккамбера (McCumber) об обстоятельствах нашего вступления в войну, Уилсона спросили: «Как вы думаете, если бы Германия не совершила никакого акта войны или акта несправедливости по отношению к нашим гражданам, мы бы вступили в эту войну?»

«Я думаю, да», ответил Уилсон.

«Вы думаете, мы вступили бы в любом случае?» преследовал Маккамбер.

«Да», сказал Уилсон.

В своё сообщение в 1917 году о войне, Уилсон включил невероятную похвалу коммунистам в России, которые были заняты убийством среднего класса в этой несчастной стране.

«В наши надежды на будущее мира во всём мире добавилась уверенность тем прекрасным и отрадным, что происходило в последние несколько недель в России. Вот подходящий партнёр Лиги Чести»[71].

Ода Уилсона кровавому режиму, который с тех пор убил шестьдесят шесть миллионов своих жителей самым варварским образом, выявляет его истинные симпатии и его истинных покровителей, банкиров, которые финансировали кровавую чистку в России.

Когда успех коммунистической революции стал под вопрос, Уилсон послал своего личного эмиссара, Элиу Рут, в Россию с сотней миллионов долларов из своего специального чрезвычайного военного фонда для предотвращения свержения большевистского режима.

Документация участия Kuhn, Loeb Company в создании коммунизма в России слишком обширна, чтобы привести её здесь, но мы включим лишь одно краткое упоминание, характерное для литературы по этому вопросу.

В своей книге «Czarism and the Revolution», генерал де Арсен Гулевич (Arsene Goulevitch) пишет:

«Г-н Бахметьев (Bakmetiev), покойный русский имперский посол в Соединённых штатах Америки, говорит нам, что большевики, после победы, передали 600 миллионов рублей золотом в период с 1918-1922 Kuhn, Loeb Company».

После нашего вступления в Первую мировую войну Вудро Уилсон передал правительство Соединённых штатов триумvirату сторонников его кампании, Пол Варбургу, Бернару Баруху и Юджину Мейеру. Барух был назначен главой Совета военной промышленности, с полномочиями жизни или смерти над каждым заводом в США.

Юджин Мейер был назначен главой Военной финансовой корпорации, отвечающей за программу кредитования, которая финансировала войну. Пол Варбург контролировал банковскую систему страны[71a].

Зная, что подавляющее настроение американского народа в течение 1915 и 1916 годов было анти-британским и про-немецким, наши британские союзники относились с некоторым трепетом к важной роли Пола Варбурга и Kuhn, Loeb Company в ведение войны.

Их тревожило его высокое положение в администрации, потому что его брат, Макс Варбург (Max Warburg), в то время выступал в качестве главы немецкой секретной службы. 12 декабря 1918 года доклад Секретной службы ВМС Соединённых штатов о г-не Варбурге был следующим:

«Варбург, Пол: Нью-Йорк. Натурализованный в 1911 году гражданин немецкого происхождения; был награждён кайзером в 1912 году; был вице-председателем Федеральной резервной системы; оформил большие

суммы, представленные Германией Ленину и Троцкому; у него есть брат, который является руководителем системы шпионажа Германии».

Как ни странно, этот доклад, который должен был бы быть составлен намного раньше, когда мы были в состоянии войны с Германией, не датирован до 12 декабря 1918 года. ПОСЛЕ подписания перемирия.

Кроме того, он не содержит информации, что Пол Варбург подал в отставку из Федеральной резервной системы в мае 1918 года, что указывает, что он был составлен до мая 1918 года, когда Пол Варбург, теоретически, мог быть обвинён в измене из-за его брата, заведующего секретной службой Германии.

Брат Пола Варбурга Феликс в Нью-Йорке был директором берлинской Прусской Компании по страхованию жизни (Prussian Life Insurance Company) и, вероятно, не хотел бы, чтобы слишком много из его страхователей погибло на войне.

26 сентября 1920 года Нью-Йорк Таймс упомянул о Kuhn, Loeb and Company в некрологе Якова Шиффа: «Во время мировой войны некоторые её члены были в постоянном контакте с правительством [США] в качестве консультантов. Фирма участвовала в совещаниях, которые проводились в отношении организации и формирования Федеральной резервной системы».

Некролог Шиффу 1920 года впервые упоминает, что Яков Шифф, как Варбурги, тоже имел двух братьев в Германии во время Первой мировой войны, Филиппа и Людвиг Шифф, в Франкфурте-на-Майне, которые также активно действовали, как банкиры, для правительства Германии!

К этому обстоятельству нельзя было относиться без внимания, так как ни на одной из сторон Атлантики эти банкиры не были незаметными лицами, которые не имели влияния на ход войны.

Напротив, партнёры Kuhn, Loeb находились на высочайших правительственных постах в США во время Первой мировой войны, в то время как в Германии Макс и Фриц Варбурги и Филипп и Людвиг Шиффы подвизались в высших советах правительства.

Из «Воспоминаний Макса Варбурга»: «Кайзер яростно ударил по столу и закричал: “Почему вы всегда должны быть правы?”, а затем внимательно слушал мнение Макса по финансовым вопросам»[\[72\]](#).

В июне 1918 года Пол Варбург пишет частную записку Вудро Уилсону: «У меня есть два брата в Германии, оба банкиры. Они, естественно, теперь служат своей стране по мере своих способностей, как я служу своей»[\[73\]](#).

Ни Уилсон, ни Варбург не рассматривали ситуацию как нечто вызывающее озабоченность, и Пол Варбург отбыл свой срок в Совете гувернёров Федеральной резервной системы, в то время как Первая мировая война продолжала бушевать.

Происхождение Kuhn, Loeb & Company было освещено журнале «Truth Magazine», под редакцией Джорджа Конроя (George Conroy):

«Г-н Шифф является главой великого частного банковского дома Kuhn, Loeb & Co., который представляет интересы Ротшильда по эту сторону Атлантики. Он был описан как финансовый стратег и в течение ряда лет он являлся финансовым министром великой безличной власти известной как Standard Oil.

Он был рука об руку с Harrimans, Goulds and the Rockefellers, во всех их железнодорожных предприятиях и стал доминирующей силой в железнодорожном и финансовом мире Америки. Луис Брандейс (Louis Brandeis), из-за его больших способностей, как юрист и по другим причинам, которые станут ясны позже, был выбран Шиффом как инструмент, посредством которого Шифф надеялся осуществить свои амбиции в Новой Англии.

Его задачей было вести агитацию, которая подорвала бы общественное доверие к системе Нью-Хейвен и вызвать снижение цен на её ценные бумаги, тем самым вынуждая их продать их за бесценок»[74].

Мы упоминаем здесь адвоката Шиффа, Брандейса, потому что первая вакансия в Верховный суд Соединённых штатов, которую Вудро Уилсон мог заполнить, была уделена адвокату Kuhn, Loeb & Co., Брандейсу.

Мало того, что Администрация США по продовольствию управлялась директором Гувера, Льюисом Лихтенштейном Штраусом, который вошёл в Kuhn, Loeb & Co., женившись на Алисе Ханауер, дочери партнёра Джерома Ханауера, но в самой критической области, военной разведке, сэр Уильям, руководитель британской секретной службы, был партнёром Kuhn, Loeb & Company.

Он работал в тесном контакте с «двойником» Уилсона, полковником Хаусом. «Между Хаусом и Уайзманом вскоре не стало политических секретов, и их взаимопонимание в значительной мере привело к нашему тесному сотрудничеству с Британией»[75].

Одним из примеров сотрудничества Хауса с Уайзманом было конфиденциальное соглашение, которое Хаус заключил об обещании Соединённых штатов вступить в мировую войну на стороне союзников. За десять месяцев до выборов, которые вернули Уилсона в Белый дом в 1916 году.

Потому что он «не дал втянуть нас в войну», полковник Хаус заключил секретное соглашение с Англией и Францией от имени Уилсона, которое пообещало вмешательство США на стороне союзников. 9 марта 1916 года Уилсон официально санкционировал соглашение[76].

Ничто не иллюстрирует более убедительно двойственность природы Вудро Уилсона, чем его общенациональная кампания под лозунгом: «не дал втянуть нас в войну», когда десять месяцев перед этим он пообещал, что втянет нас в войну на стороне Англии и Франции.

Это объясняет, почему к нему с таким презрением относились те, кто узнал факты о его карьере. Х. Л. Менкен писал, что Уилсон был «совершенным образцом христианского подлеца», и что мы должны «выкопать его скелет и сделать из него игральные кости».

По данным New York Times, письмо Пола Варбурга об его отставке заявляло, что некоторые возражения против него могут возникнуть потому, что его брат был в швейцарской секретной службе. The New York Times никогда не исправил эту вопиющую ложь, возможно, потому, что Kuhn, Loeb Company владела контрольным пакетом его акций.

Макс Варбург был не швейцарец, и хотя он, вероятно, вступал в контакт со швейцарской секретной службой во время своего пребывания на посту главы немецкой секретной службы, ни один ответственный редактор The New York Times не мог не знать о том, что Макс Варбург родился в Германии, и что его семейный банкирский дом был в Гамбурге, и что он занимал ряд высоких должностей в немецком правительстве.

Он представлял Германию на Версальской мирной конференции, и мирно жил в Германии до 1939 года, в течение периода, когда лица его вероисповедания преследовались. Чтобы избежать ущерба во время приближающейся войны, когда на Германию могли посыпаться бомбы, Макс Варбург смог уплыть в Нью-Йорк, а его капиталы сохранились в целости.

В начале Первой мировой войны Kuhn, Loeb Company фигурировала в передаче немецких транспортных интересов в другие руки. Сэр Сесил Спринг-Райс (Cecil Spring-Rice), посол Великобритании в США, в письме лорду Грею пишет:

«Другое дело вопрос о передаче флага судам компании Гамбург Америка (Hamburg Amerika). Компания практически принадлежит немецкому правительству. Суда используются для государственных нужд, император сам является крупным акционером, а также большой банкирский дом Kuhn, Loeb Company. Член этого дома (Варбург) был назначен на очень ответственный пост в Нью-Йорке, хотя его только что натурализовали.

У него деловые связи с министром финансов, который является зятем президента. Это тот, кто ведёт переговоры от имени пароходства Гамбург Америка»^[77].

13 ноября 1914 года, в письме к сэру Валентину Чиролу (Valentine Chirol), Спринг-Райс пишет (стр. 241, т. 2):

Мне сказали сегодня, что The New York Times был практически приобретен Kuhn, Loeb and Schiff, специальными протезе (немецкого) императора. Варбург, близко связанный с Kuhn, Loeb and Schiff, является братом известного Варбурга из Гамбурга, сотрудника Баллин (Ballin), пароходства Гамбург Америка, является членом совета губернёров Федеральной резервной системы или, скорее, самым главным в ней.

Он практически контролирует финансовую политику администрации, и Паиш и Блэккетт (Paish & Blackett, Англия) должны были вести переговоры главным образом с ним. Конечно, это было то же, что вести переговоры с Германией. Всё, о чём говорилось, было известно немцам».

Полковник Гаррисон писал в «Рузвельт, Уилсон и закон о Федеральной резервной системе», что «в лице банковского дома Kuhn, Loeb Company в

руках германского кайзера оказалось мощное оружие над судьбами американского бизнеса и американских граждан»[78].

Гаррисон имел в виду дело Гамбург Америка.

Казалось странным, что Вудро Уилсон считал необходимым поместить судьбу нации в руки трёх человек, чьи личные биографии состояли из безжалостной спекуляции и поисков личной выгоды, или, что во время войны с Германией, он нашёл, в качестве лиц высшего доверия, натурализованного в 1911 году немецкого иммигранта, сына иммигрантов из Польши и сына иммигрантов из Франции.

Бернард Барух впервые привлёк к себе внимание на Уолл-стрит в 1890 году, работая в А. А. Хаусман и Ко. (A. A. Housman & Co.).

В 1896 году он объединил шесть главных табачных компаний Соединённых штатов в Консолидированную табачную компанию (Consolidated Tobacco Company), заставив Джеймса Дьюка и Американский табачный трест (James Duke and the American Tobacco Trust) войти в эту комбинацию. Второй большой трест, созданный Барухом, передал медную промышленность в руки семьи Гуггенхайм (Guggenheim), которые контролируют её по сей день.

Барух работал с Эдвардом Х. Гарриманом (Edward H. Harriman), который был подставным лицом Шиффа в контролировании железных дорог Америки для семьи Ротшильдов. Барух и Гарриман также объединили свои таланты, чтобы получить контроль над транзитной системой г. Нью-Йорка, которая оказалась в шатком финансовом состоянии и пребывает в нём до наших дней.

В 1901 году Барух формирует фирму Братья Барух, банкиры (Baruch Brothers, bankers), со своим братом Германом в Нью-Йорке. В 1917 году, когда Барух был назначен председателем Совета военной промышленности, название было изменено на Братья Хенц (Хенц Brothers).

Свидетельствуя перед комитетом Ная (Nye) 13 сентября 1937 года, Бернард Барух заявил, что «Все войны экономического происхождения». Что уж тут говорить о религиозных и политических разногласиях, которые специально преподносятся как причины войн[78a].

В биографии в журнале «Нью-Йоркер» сообщалось, что Барух получил прибыль в семьсот пятьдесят тысяч долларов за один день во время Первой мировой войны, после того как в Вашингтоне прошли ложные слухи о мире. В «Кто есть кто», Барух упоминает, что он был членом комиссии, через которую проходили все закупки для союзников во время Первой мировой войны.

На самом деле, сам Барух и был комиссией. Он тратил деньги американских налогоплательщиков в размере десяти миллиардов долларов в год, а также был доминирующим членом комитета по установлению цен на боеприпасы. Он устанавливал цены, по которым правительство закупало военные припасы. Было бы наивно полагать, что заказы не

давались фирмам, в которых он и его коллеги имели более чем джентльменский интерес.

В качестве диктатора над американскими производителями^[78b], на слушаниях комитета Ная в 1935 году, Барух показал:

«Президент Уилсон дал мне доверенность, уполномочивающую меня конфисковать любую отрасль или предприятие. Например, Джадж Гэри (Judge Gary), президент фирмы United States Steel, с которым у нас были неприятности, когда я показал ему это письмо, сказал: “Я думаю, что мы сможем исправить это” и он это исправил».

Некоторые члены Конгресса любопытствовали о квалификациях Баруха на осуществление власти над жизнью и смертью американской промышленности в военное время. Он не был производственным, никогда в жизни не бывал на заводах. Когда он был вызван давать показания комитету Конгресса, Барнард Барух заявил, что его профессия «спекулянт».

Игрок Уолл-стрит был сделан царём американской промышленности.

Бывший партнер Баруха, Юджин Мейер (Alaska-Juneau Gold Mining Co.) , позже утверждал, что Барух был дурак, и что Мейер, вместе со своими семейными банковскими связями (Lazard Freres), руководили инвестиционной карьерой Баруха. Эти претензии появились в пятидесятом юбилейном номере газеты «Вашингтон пост», в передовице 4 июня 1983, с прощальной статьёй редактора Майера, Ала Френдли (Al Friendly), что «Каждый журналист в Вашингтоне, включая Майера, знал, что Барнард М. Барух был самохвал-придурок».

Третий член триумvirата, Юджин Мейер, был сын партнёра международного банковского дома Lazard Freres, Парижа и Нью-Йорка. В «Моей собственной истории» Барух объясняет, как Майер возглавил Военную финансовую корпорацию. «В начале первой мировой войны», он говорит: «Я подыскал Юджина Мейера -младшего... человека высочайшей морали и с сильным желанием служить общественности»^[79].

Страна сильно пострадала от лиц, которые желали служить общественности, потому что их желания часто далеко выходили за пределы их страсти служения. На самом деле, Мейер и Барух запустили авантюру в Аляске, Alaska-Juneau Gold Mining Company в 1915 году, и вместе работали над другими финансовыми аферами.

Семейный дом Майера Lazard Freres, специализировался на международной торговле золотом .

Руководство Юджина Мейера Военной финансовой корпорацией ознаменовалось в качестве одной из самых удивительных финансовых операций когда-либо частично записанных в этой стране. Мы говорим «частично записаны», потому что последующие расследования

Конгресса показали, что каждый вечер книги изменялись, прежде чем представить их на расследование на следующий день. Луи Макфадден, председатель банковского и денежного комитета палаты представителей

фигурировал в двух расследованиях Мейера, в 1925 году и снова в 1930 году, когда Мейер был предложен в качестве гувернёра Федеральной резервной системы.

2 марта 1925 года Специальный комитет по расследованию уничтожения государственных облигаций представил отчёт: «Подготовка и уничтожение государственных облигаций – шестьдесят восьмой Конгресс, 2-я сессия, отчёт № 1635:

стр. 2. «Дубликаты облигаций в количестве 2314 пар и дубликаты купонов в количестве 4698 пар в номиналах от 50 до \$ 10.000 долл. были погашены до 1 июля 1924 года. Часть этого дублирования возникла в результате ошибок, а часть от мошенничества».

Эти расследования могут объяснить, почему, в конце первой мировой войны, Юджин Мейер был в состоянии купить контроль Allied Chemical and Dye Corporation, а позже, самой влиятельной газеты страны, «The Washington Post».

Дублирование облигаций, «одна правительству, одна – мне» номиналом в 10.000 каждая, в результате дало кругленькую сумму.

Стр. 6 из этих слушаний. «Эти операции казначейства до 20 июня 1920 года (в том числе расчёты за покупки и продажи), выполненные Военной финансовой корпорацией (Юджин Мейер, управляющий директор), в основном направлялись управляющим директором Военной финансовой корпорации.

А расчёты с казначейством были сделаны главным образом им с помощником министра финансов, и книги показывают, что в основе цены, которую правительство заплатило за более чем 1894 миллионов долл. облигаций (1,894,000,000.00), которые казначейство приобрело через Военную финансовую корпорацию, была не рыночная и не стоимость облигации плюс проценты, но элементы, входящие в расчёт, не раскрываются в переписке.

Управляющий директор Военной финансовой корпорации заявил, что он и помощник секретаря казначейства (Джером Дж. Ханauer, партнёр Kuhn, Loeb Co., чья дочь вышла замуж за Льюиса Л. Штрауса) согласились о цене, и это была просто произвольная цифра, которую определил помощник министра финансов, для облигаций, приобретенных таким образом Военной финансовой корпорацией.

В период этих сделок, и вплоть до совсем недавнего времени, управляющий директор Военной финансовой корпорацией, Юджин Мейер-младший, для себя лично содержал канцелярию в № 14 Уолл-стрит, Нью-Йорк, а через Военную финансовую корпорацию было продано правительству облигаций на около 70 миллионов долл., а также куплено через Военную финансовую корпорацию облигаций на около 10 миллионов долл., а также утвердил счета на большинство, если не все, из этих облигаций в своём официальном качестве управляющего директора Военной финансовой корпорации.

Когда эти операции, о которых только что говорилось, были раскрыты комитету на открытом заседании, управляющий директор предстал перед комитетом и заявил, что по этим сделкам были выплачены комиссионные, что они, в свою очередь, заплатили брокерам, выбранным управляющим директором, который выполнил заказы своего брокерского дома, и сразу после этого открытия комитету, управляющий директор нанял Эрнста и Эрнста (Ernst and Ernst), дипломированных бухгалтеров, произвести аудит книг Военной финансовой корпорации, который представил, по завершении экспертизы этих книг, доклад Комитету, что все полученные денежные средства на брокерский дом управляющего директора были учтены.

Когда одновременно с рассмотрением, предпринимаемым комитетом, дипломированные бухгалтеры, упомянутые выше, работали каждый вечер, комитет обнаружил, что замены и изменения делались в книгах с записями этих операций, и когда об этом был извещён казначей Военной финансовой корпорации, он признался перед комитетом, что изменения были сделаны. В какой степени эти книги были изменены, комитет не смог определить. После июня 1921 года были уничтожены ценные бумаги стоимостью около 10 млрд. долл.».

Это был «Вашингтон пост» Юджина Майера (под руководством его дочери, Кэтрин Грэм), который позже убрал президента Соединённых штатов из Белого дома на том основании, что тот знал о краже со взломом.

Что мы должны думать о раскрытии дублирования сотен миллионов долларов в облигациях во время директорства Майера Военной финансовой корпорации, изменении книг во время расследования Конгресса, и тот факт, что Мейер вышел из этой ситуации со многими миллионами долларов, с которыми он приступил к покупке Allied Chemical Corporation, The Washington Post, и другого имущества? Кстати, Lazard Brothers, банковский дом семьи Майера, лично управляет состояниями многих наших политических светил, в том числе состоянием семьи Кеннеди.

Кроме этих людей – Варбурга, Баруха и Майера – много партнёров, сотрудников и спутников J. P. Morgan Co. и Kuhn, Loeb Co. прибыли в Вашингтон после 1917 года для управления судьбами американского народа.

Займы с вободы (Liberty Loans), которые продавали облигации нашим гражданам, были номинально в юрисдикции министерства финансов Соединённых штатов, под руководством министра казначейства Уилсона, Уильяма Г. Макаду, которого Kuhn, Loeb Co. поставил во главе Хадсон-Манхэттен железнодорожной компании (Hudson-Manhattan Railway Co.) в 1902 году. Пол Варбург во время войны привёз с ним в Вашингтон большинство фирмы Kuhn, Loeb Co. Джером Ханauer.

Партнёр Kuhn, Loeb Co., был помощником министра финансов во главе Займов свободы. Два заместителя министра казначейства во время войны были С. Паркер Гилберт и Роско С. Леффингуэлл (S. Parker Gilbert and Roscoe C. Leffingwell). И Гилберт и Леффингуэлл пришли в казначейство из юридической фирмы Крават и Хендерсон (Cravath, Henderson) и вернулись в эту фирму после того, когда они закончили свою миссию для

Kuhn, Loeb Co. в казначействе. Крават и Хендерсон были адвокаты Кун Лёб Ко. Гилберт и Леффингуэлл впоследствии получили партнёрства в J. P. Morgan Co.

Кун, Лёб компания, крупнейшие собственники железных дорог этой страны и в Мексике, защитили свои интересы во время Первой мировой войны, попросив Вудро Уилсона создать Железнодорожную администрацию Соединённых штатов. Генеральным директором стал Уильям Макаду, а помощником генерального директора стал Джон Скельтон Уильямс, контролёр денежного обращения. Варбург заменил эту лавочку в 1918 году более жёсткой организацией, которую он назвал Федеральный транспортный совет.

Целью обеих этих организаций было предотвратить забастовки против Кун, Лёб компании во время войны, в том случае, если железнодорожники попробуют получить в заработной плате долю от миллионов долларов прибылей военного времени, которые Кун, Лёб компания получала от правительства Соединённых штатов.

Среди важных банкиров, присутствующих в Вашингтоне во время войны, был Герберт Леман (Herbert Lehman), из быстро растущей фирмы Lehman Brothers, банкиров, Нью-Йорк. Леман был оперативно помещён в генеральный штаб армии с чином полковника.

Леманы имели опыт работы в «извлечении барышей из войны», игра слов с двояким смыслом и одна из любимых фраз Баруха. В книге «Men Who Rule America» (Люди, которые управляют Америкой), Артур Д. Хауден Смит (Arthur D. Howden Smith) пишет о Леманах времён междоусобной войны:

«Они часто были агентами, фиксаторами для обеих сторон, посредниками для конфиденциальных сношений и участниками во многих незаконных сделках с хлопком и лекарствами для Конфедерации, поставщиков информации для Севера. Леманы, с Майером в Монтгомери, первой столице Конфедерации, Генри в Новом Орлеане, и Эмануэл в Нью-Йорке были идеально расположены, чтобы воспользоваться любой появляющейся возможностью для прибыли. Они, кажется, пропустили мало шансов»^[80].

Другие назначения во время Первой мировой войны были нижеследующими:

Дж. В. Макинтош (J. W. McIntosh), директор мясокомбината Armour Meat-Packing Trust, был назначен главой снабжения армии Соединённых штатов в 1918 году. Позже он стал контролёром денежного обращения во время администрации Кулиджа, и по должности членом Совета директоров Федеральной резервной системы.

Во время администрации Хардинга он послужил директором по финансам в совете директоров транспорта Соединённых штатов, когда совет продал корабли пароходству Dollar Lines за сотую долю их стоимости, а затем позволил пароходству вообще не платить. После ухода с государственной службы Макинтош стал партнёром в J. W. Wollman Co., нью-йоркских биржевых маклеров.

В. П. Дж. Хардинг (W. P. G. Harding), губернёр Федеральной резервной системы, был также управляющим директором Военной финансовой корпорации под началом Юджина Мейера.

Джордж Р. Джеймс (George R. James), член Совета директоров Федеральной резервной системы в 1923-24 гг., был начальником Отделения по хлопку при Совете военной промышленности.

Генри П. Дэвисон, старший партнёр в J. P. Morgan Co., был назначен руководителем Американского Красного Креста в 1917 году для того, чтобы получить контроль над триста семьдесятю млн. долларов наличных денег, которые были собраны среди американского народа в виде пожертвований.

Рональд Рэнсом (Ronald Ransom), банкир из Атланты, губернёр Федеральной резервной системы при Рузвельте в 1938-39 годах, был директором по кадрам для заграничной службы Американского Красного Креста в 1918 году.

Джон Скелтон Уильямс, контролёр денежного обращения, был назначен национальным казначеем Американского Красного Креста.

У президента Вудро Уилсона, великого либерала, подписавшего закон о Федеральной резервной системе и объявившего войну Германии, была странная карьера для человека, который в настоящее время рисуется таким защитником простых людей.

Его главным сторонником в обеих кампаниях на пост президента был Кливленд Н. Додж, из Kuhn Loeb, который контролировал National City Bank Нью-Йорка. Додж был также президентом Winchester Arms Company and Remington Arms Company. Он был очень близок к президенту Уилсону в течение всей карьеры великого демократа. Уилсон снял эмбарго на поставки оружия в Мексику 12 февраля 1914 года.

Так что Додж смог поставлять на миллионы долларов оружия и боеприпасов Каррансе (Carranza) и содействовать мексиканской революции. Kuhn, Loeb Co., кому принадлежала мексиканская национальная железнодорожная система, были недовольны администрацией Хуерты (Huerta) и устроили его изгнание.

Когда британский вспомогательный корабль ВМС Лузитания был потоплен в 1915 году, он был нагружен боеприпасами заводов Доджа. Додж стал председателем «Фонд уцелевших жертв Лузитании», который так много сделал, чтобы возбудить общественность против Германии. Додж также прославился использованием профессиональных гангстеров против забастовщиков на его заводах, но это, по всей видимости, никогда не беспокоило либерального Уилсона.

Другой ключ к своеобразному либерализму Уилсона можно найти в книге Чаплина Wobbly (уоббли – вихляющий), который рассказывает, как Уилсон нацарапал слово «отказать» на апелляции о помиловании, присланной ему от пожилого и больного Евгения Дебса (Eugene Debs), которого посадили в тюрьму в Атланте за то, что он «говорил и писал против войны». Обвинение, по которому Дебс был осуждён «устное и

письменное обличение войны». Это была измена диктатуре Уилсона, и Дебс был заключён в тюрьму.

Как глава Социалистической партии, Дебс баллотировался в президенты из атлантской тюрьмы, единственный человек, который когда-либо сделал это, и собрал более миллиона голосов.

По иронии судьбы руководство Дебса социалистической партией, которая в то время представляла желания многих американцев добиться честного правительства, попало в руки нездорового Нормана Томаса (Norman Thomas), бывшего студента и поклонника Вудро Уилсона в Принстонском университете.

Под руководством Томаса социалистическая партия уже не стояла ни за что и претерпела неуклонное снижение влияния и престижа.

Уилсон продолжает быть глубоко вовлечённым в большевистскую революцию, как и Хаус и Уайзман. На стр. 421, том. 3, книги Хауса «Intimate Papers» приводится кабель от сэра Уильяма Уайзмана Хаусу из Лондона от 1 мая 1918 года, предлагающий союзное вмешательство по приглашению большевиков оказать помощь в организации большевистских сил. Подполковник Норман Туэйтс (Norman Thwaites), в своих воспоминаниях, «Velvet and Vinegar», говорит:

«Часто в 1917-20 годы, когда должны были быть приняты щекотливые решения, я консультировался с г-ном (Отто) Каном, чьи взвешенные заключения и почти сверхъестественное предвидение политических и экономических тенденций оказались весьма полезными.

Ещё один замечательный человек, с которым я был тесно связан, это Сэр Уильям Уайзман, который был советником по американским делам при британской делегации на мирной конференции, и офицером связи между американским и британским правительствами во время войны. Он был вроде полковника Хауса этой страны в его отношениях с Даунинг Стрит»[81].

Летом 1917 года Вудро Уилсон назначил полковника Хауса главой Американской военной миссии на Союзной военной конференции, первой американской миссии в европейский совет в истории. Хаус был подвергнут критике за назначение своего зятя, Гордона Аучинклосса (Gordon Auchincloss), своим помощником в этой миссии. Пол Крават, адвокат Kuhn, Loeb Company, был третьим во главе Американской военной миссии. Сэр Уильям Уайзман руководил Американской военной миссией в её конференциях. В книге «The Strangest Friendship in History ...» Вьерек пишет:

«После вступления Америки в войну Уайзман, согласно Нортклиффу (Northcliffe), был единственным человеком, который имел доступ в любое время к полковнику и в Белый дом. Уайзман снимал квартиру в доме, где жил полковник. Дэвид Лоуренс (David Lawrence) в шутку называл дом на Пятьдесят третьей улице (в Нью-Йорке) американским № 10 Даунинг-стрит...»

У полковника Хауса был специальный код, используемый только с сэром Уильямом Уайзманом. Полковник Хаус был «Буш», Морганы были Хаслам, и Троцкий был Кебл (Keble)[82].

Таким образом, эти два «неофициальных» советника британского и американского правительств использовали код исключительно друг для друга, который никто не мог понять. Ещё более странным было то, что международный коммунистический аппарат шпионажа в течение многих лет использовал книгу полковника Хауса, «Филипп Дрю, Администратор», в качестве своей официальной книги кодов. Франсуа Коти (Francois Coty) пишет:

«Утверждается, что Городин (Gorodin), агент Ленина в Китае, имел экземпляр книги, изданной полковником Хаусом, "Филипп Дрю, Администратор" и эксперт-кодировщик, который жил в Китае, говорил данному писателю, что причина, по которой Городин имел постоянный доступ к этой книге та, что он использовал её для кодирования и декодирования сообщений»[83].

После перемирия Вудро Уилсон собрал американскую делегацию на мирную конференцию и отправился в Париж. Это была, в целом, «своя» группа, состоящая из банкиров, которые всегда руководили политикой Уилсона. Его сопровождали Бернард Барух, Томас У. Ламонт из J. P. Morgan Co., Альберт Штраус (Albert Strauss) из банкиров J & W Seligman, который был выбран Уилсоном заменить Пола Варбурга в Совете гувернёров Федеральной резервной системы.

Дж. П. Морган и адвокаты Моргана Фрэнк Полк и Джон У. Дэвис (Frank Polk and John W. Davis). В числе сопровождающих были Уолтер Липпман (Walter Lippmann), Феликс Франкфуртер (Felix Frankfurter), судья Брандейс (Brandeis) и другие заинтересованные стороны. В биографии Брандейса, написанной Мейсоном, говорится:

«В Париже в июне 1919 года, Брандейс встретился с такими друзьями, как Пол Варбург, полковник Хаус, лорд Бальфур (Balfour), Луис Маршалл (Louis Marshall) и барон Эдмонд де Ротшильд».

В самом деле барон Эдмонд де Ротшильд служил гостеприимным хозяином для ведущих членов американской делегации, и даже передал им свой особняк в Париже, хотя мелкая сошка из делегатов должна была «терпеть лишения» в элегантном отеле Crillon с полковником Хаусом и его личным штатом сотрудников с 201 служащих.

Барух позднее свидетельствовал перед Комитетом сената по иностранным делам Грэма: «Я был советником по экономическим вопросам при миссии мира». ГРЭМ: «Вы часто советовали президенту в то время?» БАРУХ: Всякий раз, когда он просил моего совета, я его давал. Я имел некоторое отношение условиям репараций.

Я был американским комиссаром, отвечающим за то, что называлось экономическим отделом. Я член Высшего экономического совета, отвечающего за металлическое сырьё». ГРЭМ: «Сидели ли вы в совете с господами, которые обсуждали договор»? БАРУХ: Да, сэр, некое время».

ГРЭМ: На всех, кроме совещаний, в которых участвовали пять?» (Пять были лидерами пяти союзных стран). БАРУХ: «И часто на них тоже».

Пол Варбург сопровождал Уилсона с А мериканской комиссией вести переговоры о мире, как его главный финансовый советник. Он был приятно удивлён, увидев во главе немецкой делегации своего брата, Макса Варбурга, который привёз Карла Мельхиора (Carl Melchior), также из M. M. Warburg Company, Уильяма Георга фон Штрауса (William Georg von Strauss), Франца Убрига (Franz Urbig) и Матиаса Эрцбергера (Mathias Erzberger).

Томас У. Ламонт заявляет в своих частно изданных воспоминаниях, «Across World Frontiers»: «Немецкая делегация включала двух немецких банкиров фирмы Варбург, которых я знал немного и с кем я был рад пообщаться неформально, так как они, казалось, искренне стремились предложить условия репараций, которые могли быть приемлемы для союзников»[84]. Ламонт был также рад по видеть сэра Уильяма Уайзмана, главного советника британской делегации.

Банкиры на конференции убедили Уилсона, что им необходимо международное правительство для облегчения их международных валютных операций. Том IV, стр. 52, «Intimate Papers of Col. House» цитирует послание сэра Уильяма Уайзмана к лорду Ридингу (Reading) от 16 августа 1918 года: «Президент имеет ввиду два основных принципа; должна быть Лига Наций и она должна быть сильной».

Уилсон, который, кажется, жил в мире фантазий, был потрясён, когда американские граждане освистали его во время кампании, направленной на то, чтобы они отдали свою нелегко полученную независимость тем, что виделось многими международной диктатурой. Он быстро впал в депрессию и удалился в свою спальню.

Его жена сразу же заперла двери Белого дома для полковника Хауса, и от 25 сентября 1919 по 13 апреля 1920 года она управляла Соединёнными штатами с помощью близкого друга, её «военным помощником», полковником Риксей Смитом. Так как все были исключены из их совещаний, никто никогда не знал, кто из пары функционировал как президент, и кто был вице-президентом.

Поклонники Вудро Уилсона на протяжении десятилетий руководились Бернардом Барухом, который заявил, что Вудро Уилсон был величайшим человеком, которого он когда-либо знал. Назначения Уилсона в Федеральную резервную систему, и ответственность этого органа за финансирование первой мировой войны, а также передачи Уилсоном власти над Соединёнными штатами иммигрантскому триумvirату во время войны, сделали его, по-видимому, наиболее важным пособником крушения в американской истории.

Это не удивительно, что после его бесплодной поездки в Европу, где он был освистан и подвергся издевательствам французского народа на улицах, и насмешкам в залах Версаля со стороны Орландо и Клемансо (Orlando and Clemenceau), Вудро Уилсон вернулся домой, чтобы слечь в постель.

Вид разрушения и смерти в Европе, за которые он нёс прямую ответственность, стал, возможно, большим шоком, чем он мог вынести. Итальянский министр Пенталеони (Pentaleoni) выразил чувства европейских народов, когда он писал, что:

«Вудро Уилсон является одним из видов Пексниф (Pecksniff) который теперь исчез среди универсальных проклятий».

Несчастье Америки в том, что наша субсидируемая пресса и система образования посвятили себя увековечиванию человека, который вступил в сговор в причинении таких многих смертей и горя во всём мире.

Финансовый картель понёс лишь незначительные потери в те критические годы. 12 февраля 1917 года Нью-Йорк Таймс сообщил, что «Пять членов Федеральной резервной системы были названы для возможного импичмента в палате представителей конгрессменом Чарльзом А. Линдбергом, республиканским членом банковского и денежного комитета.

По словам г-на Линдберга, «Заговор начался в 1906 году, когда Дж. П. Морган, Пол М. Варбург, нынешний член Федеральной резервной системы, National City Bank и другие фирмы «сговорились», чтобы добиться валютного законодательства в интересах большого бизнеса и назначения специального совета для администрирования такого закона, в целях создания из масс промышленных рабов, вышеупомянутые заговорщики устроили сговор и теперь состоят в заговоре.

Чтобы Федеральная резервная система управлялась с тем, чтобы дать возможность заговорщикам координировать все виды крупного бизнеса и держать под контролем крупный бизнес с тем, чтобы объединить все тресты в один большой трест для контроля и управления торговлей и коммерцией». Резолюция по импичменту была оставлена без действия.

10 августа 1918 года Нью-Йорк Таймс сообщил, что «Срок полномочий г-на Варбурга истёк, он добровольно ушёл из Федеральной резервной системы». Таким образом, предыдущие намёки, что г-н Варбург ушёл из Федеральной резервной системы, потому что его брат служил в секретной службе иностранного государства, а именно, Германии, с которой мы были в состоянии войны, не были причиной его отставки.

В любом случае, он не оставил администрацию Федеральной резервной системы, так как он тут же перенял место Дж. П. Моргана в Федеральном консультативном совете, с которого он продолжал управлять Федеральной резервной системой в течение последующих десяти лет.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Сельскохозяйственная депрессия

Когда Пол Варбург подал в отставку из Совета губернёров Федеральной резервной системы в 1918 году, его место занял Альберт Штраус (Albert Strauss), партнёр в международном банковском доме J & W Seligman. У этого банкирского дома были большие интересы на Кубе и в Южной Америке, и он играл видную роль в финансировании многих революций в этих странах.

Его наиболее скандальная история вскрылась в ходе расследования финансового комитета Сената в 1933 году, когда стало известно, что J & W Seligman дал 415.000 долл. взятку Хуану Легии (Juan Leguia), сыну президента Перу, чтобы страна взяла заём.

Частичный список директорств Альберта Штрауса, в соответствии с «Кто есть кто», показывает, что он был: председателем совета директоров Cuba Cane Sugar Corporation; директором Brooklyn Manhattan Transit Co., Coney Island Brooklyn RR, New York Rapid Transit, Pierce-Arrow, Cuba Tobacco Corporation, and the Eastern Cuba Sugar Corporation.

Гувернёр Делано ушёл в отставку в августе 1918 года чтобы стать полковником в армии. Война закончилась 11 ноября 1918 года.

Уильям Макаду был заменен в 1918 году Картером Глассом в качестве министра казначейства. И Штраус и Гласс присутствовали на секретном заседании совета директоров ФРС 18 мая 1920 года, когда была сделана возможной сельскохозяйственная Депрессии 1920-21 г.

Один из основных обманов закона о Федеральной резервной системе, раздутый во время шумихи 1913 году – обещание заботиться о фермере. На самом деле, она никогда не заботилась ни о ком, кроме нескольких крупных банкиров. Проф О. М. В. Спраг (O. M. W. Sprague), экономист из Гарварда, в статье в ежеквартальном журнале экономики за февраль 1914 года, сказал:

«Основная цель закона о Федеральной резервной системе – обеспечить запасы денег и кредита в этой стране для удовлетворения необычных требований БАНКОВСКИХ дел». Тут ничего не говорится о помощи фермеру.

Первая мировая война принесла этой стране всеобщее благоденствие, как показали акции тяжёлой промышленности на нью-йоркской бирже в 1917-1918 годах, увеличение суммы денег в обороте и большое количество банковских операций в течение всего 1918 года. Конкретной обязанностью Федеральной резервной системы было вернуть огромное количество денег и кредита, которые избежали их контроля в течение этого времени процветания. Это было достигнуто сельскохозяйственной депрессией 1920-21 гг.

Операции Комитета открытого рынка Федеральной резервной системы в 1917-18 гг., во время председательства Пола Варбурга, показывают значительное увеличение закупок банковских и коммерческих акцептов. Также имело место значительное увеличение покупок ценных бумаг правительства США под руководством ловкача Юджина Мейера-младшего.

Большая часть спекуляций на фондовом рынке в 1919 году, в конце войны, когда рынок был весьма нестабильный, была профинансирована за счёт средств, заимствованных у федеральных резервных банков с ценными бумагами правительства в качестве залога. Таким образом Федеральная резервная система создала депрессию, сначала вызвав инфляцию, а затем повысив учётную ставку и сделав деньги дорогими.

В 1914 году Федеральный резервный банк снизил ставки с шести до четырех процентов, а в дальнейшем съехал на три процента в 1916 году, и оставался на этом уровне до 1920 года. Причина низкой процентной ставки обуславливалась необходимостью запустить миллиарды долларов Кредита свободы (Liberty Loans).

В начале каждой кампании займов свободы, Федеральная резервная система вкладывала сотни миллионов долларов в денежный рынок Нью-Йорка через операции на открытом рынке, в целях предоставления денежного стимула для кампании.

Наиболее важную роль облигаций свободы было впитать увеличение циркуляции средств обмена, вызванной большим количеством денег и кредита, выпущенных во время войны. Рабочие получали высокую заработную плату, а фермеры получали самые высокие цены за свою продукцию, когда бы то ни было.

Эти две группы накопили миллионы долларов наличными, которые они не вкладывали в облигации свободы. Эти деньги фактически ушли из рук Уолл-стрит, которая контролировала деньги и кредит Соединённых штатов. Они хотели вернуть их, и именно поэтому произошла сельскохозяйственная депрессия 1920-21 гг.

Большая часть денег была депонирована в небольших банках на Среднем Западе и Западе, которые отказались от любого участия в Федеральной резервной системе, а фермеры и скотоводы этих регионов не видели причины, почему они должны дать группе международных финансистов контроль над их деньгами.

Основной работой Федеральной резервной системы было разрушить эти небольшие банки и получить обратно свои деньги, которые были выплачены фермерам во время войны; по сути, разорить их, что они и сделали.

Прежде всего был учреждён Федеральный совет займов фермерам, который призвал сельхозпроизводителей вкладывать свои накопленные деньги в землю по долгосрочным кредитам, что фермеры стремились делать. После этого инфляции было разрешено идти своим ходом в этой стране и в Европе в 1919 и 1920 гг.

Целью инфляции в Европе было аннулировать большую часть военных долгов союзников американскому народу, а в этой стране цель была привлечь избыточные денежные средства, которые были распределены между трудящимся в виде более высокой заработной платы и бонусов за производство.

Так как цены пошли вверх и вверх, деньги, которые работники накопили, стали стоить меньше и меньше, нанося им несправедливый урон, в то время как имущие классы были обогащены инфляцией из-за огромного роста стоимости земли и промышленных товаров.

Работники, таким образом, были эффективно разорены, но фермеры, которые, как класс, были более экономичными, и которые были более независимыми, должны были быть обработаны более строго.

Дж. В. Норрис (G. W. Norris), в «Collier's Magazine» от 20 марта 1920 года, сказал:

«Ходят слухи, что два члена ФРС поговорили напрямик с некоторыми нью-йоркскими банкирами и финансистами в декабре 1919 года. Сразу же после этого произошло заметное снижение сделок на фондовом рынке и прекращение продвижения компаний.

Известно, что действия в том же направлении уже были предприняты и в других частях страны, в качестве доказательства злоупотребления Федеральной резервной системы по содействию спекуляции землей и товарами».

Сенатор Роберт Л. Оуэн, председатель сенатского банковского и денежного комитета, показал на слушаниях Сената в 1939 году (Silver Hearings), что:

«В начале 1920 года фермеры весьма процветали. Они погашали ипотечные кредиты и покупали много новых земель, по настоянию правительства – брали для этого деньги займы – и потом обанкротились от внезапного сокращения кредита и денег, которое состоялось в 1920 году.

То, что произошло в 1920 году, было как раз наоборот тому, что должно было иметь место. Вместо ликвидации избыточных кредитов, созданных войной в течение нескольких лет, совет губернёров Федеральной резервной системы собрался на совещание, которое не стало известным общественности.

Они встретились 18 мая 1920, и это было секретное совещание. Они провели весь день в обсуждениях; протокол собрания состоит из шестидесяти печатных листов, и они появились в сенатском документе № 310 от 19 февраля 1923 года. Директора консультативного совета Федеральной резервной системы Класса А присутствовали, но директоров класса В, представляющих бизнес, торговлю и сельское хозяйство, не было.

Директора класса С, представляющие народ Соединённых штатов, также не присутствовали и они не были приглашены присутствовать. Там были только крупные банкиры, и их работа в этот день привела к сокращению кредита, что в следующем году привело к сокращению национального дохода на пятнадцать миллиардов долларов, оставив миллионы людей без работы, и снизив стоимость земли и ранчо на двадцать миллиардов долларов».

Картер Гласс, член совета в 1920 году в качестве министра финансов, пишет в своей автобиографии, «Приключение в конструктивных финансах» (“Adventure in Constructive Finance”), опубликованной в 1928 году: «Репортеры не были представлены, конечно, как они и не должны были и как они никогда не бывают на любом заседании совета банка в мире»[85].

Это был тот самый Картер Гласс, который жаловался, что, если бы была принята предлагаемая поправка сенатора Лафоллета к закону о

Федеральной резервной системе 1913 года о том, что ни один из членов ФРС не должен был быть должностным лицом, директором или акционером любого банка, треста, или страховой компании, в конечном итоге в совете директоров оказались бы механики и батраки.

Наверняка механики и батраки не могли бы причинить больше вреда стране, чем Гласс, Штраус и Варбург на секретном заседании совета гвернёров Федеральной резервной системы.

Сенатор Брукхарт (Brookhart) от штата Айова показал, что на этом секретном совещании Пол Варбург, также бывший президентом Федерального консультативного совета, провёл резолюцию направить комитет из пяти лиц в Межштатную комиссию по торговле и попросить об увеличении железнодорожных тарифов.

Как глава Kuhn, Loeb Co., которые владели большей частью железнодорожной сети Соединённых штатов, он уже ощущал потерю огромных прибылей, которые правительство Соединённых штатов выделяло во время войны, и он хотел наложить новое повышение цен на американский народ.

Сенатор Брукхарт также показал, что:

«Я зашёл к Мирону Т. Херрику (Myron T. Herrick) в Париже и сказал ему, что я приехал туда для изучения кооперативного ведения банковского дела. Он сказал мне: “По мере того как вы проедетесь по странам Европы, вы увидите, что Соединённые штаты являются единственной цивилизованной страной в мире, где закон запрещает её народу организовывать кооперативные системы”.

Я поехал в Нью-Йорк и говорил с около двумястами человек. После разговора о кооперации я стоял в ожидании моего поезда – я не упоминал конкретно кооперативные банковские дела, разговор был о кооперации в целом – некий господин позвал меня в сторонку и сказал: “Я думаю, что Пол Варбург является величайшим финансистом, которого мы когда-либо создали.

Он верит намного больше в ваши кооперативные идеи, чем вы думаете, и если вы хотите проконсультироваться с кем-нибудь о кооперативном бизнесе, он как раз тот человек с кем есть смысл провести консультации, потому что он верит в вас, и вы можете положиться на него”. Через несколько минут я был принят г-ном Варбургом, и он сказал мне: “Вы совершенно правы насчёт кооперативной идеи. Я хочу, чтобы вы знали, что крупные банкиры с вами.

Я хочу поставить вас об этом в известность в данный момент, чтобы вы не начали что-нибудь делать по кооперации банковского дела и не настроили бы их против себя”.

Я сказал: ”Г-н Варбург, я уже подготовил и завтра собираюсь предложить поправки к законопроекту Ланта (Lant), позволяющие создание кооперативных национальных банков”. Это был законопроект о промежуточных кредитах, который тогда рассматривался, чтобы разрешить создание кооперативных национальных банков.

Этим мой разговор с г-ном Варбургом закончился, и с тех пор мы с ним не говорили».

Г-н Уинго (Wingo) показал, что в апреле, мае, июне и июле 1920 года, промышленникам и торговцам было сделано очень большое увеличение кредитов. Это должно было помочь им безболезненно преодолеть сокращение кредита, которое было предназначено разорить американских фермеров, которые в этот период были лишены всех кредитов.

На слушаниях Сената в 1923 году Юджин Мейер-младший попал в точку о главной причине действий Федеральной резервной системы в повышении процентной ставки до 7% на сельскохозяйственные и животноводческие [ценные] бумаги:

«Я думаю», сказал он, «что массу неприятностей можно было бы избежать, если бы большее количество имеющих право, но не являющихся членами банки, были членами Федеральной резервной системы». Майер был прав, указывая на это. Цель действий Совета была в том, чтобы разрушить эти штатные и объединённые банки земельного фонда, которые упорно отказывались сдать свою свободу диктатуре банкиров созданной системы. Кеммерер (Kemmerer) в книге «ABC of the Federal Reserve System» написал в 1919 году, что :

«Тенденция будет к объединению и упрощению, которые будут вызваны штатными учреждениями, в растущих количествах, становясь акционерами и вкладчиками резервных банков». Однако штатные банки не отозвались.

Сенатские слушания 1923 года по расследованию причин сельскохозяйственной депрессии 1920-21 годов состоялись по требованию американского народа. Полный отчёт о секретном заседании ФРС 18 мая 1920 года был напечатан в «Manufacturers' Record» Балтимора, штат Мэриленд, в журнале, посвящённом интересам мелких производителей Юга.

Бенджамин Стронг, губернёр Федерального резервного банка Нью-Йорка, и близкий друг Монтегю Нормана, губернёра Банка Англии, заявил на этих слушаниях:

«Федеральная резервная система сделала для фермера больше, чем он ещё даже и не начал понимать».

Эммануэль Гольденвейзер (Emmanuel Goldenweiser), директор по исследованиям Совета губернёров, утверждал, что учётная ставка была поднята исключительно как антиинфляционная мера, но он не смог объяснить, почему это повышение было направлено исключительно против фермеров и рабочих, в то время как Система защитила промышленников и торговцев путём обеспечения их увеличенными кредитами.

В заключительном заявлении о совете губернёров Федеральной резервной системы, вызвавшем сельскохозяйственную депрессию 1920-21 гг., Уильям Дженнингс Брайан в журнале «Hearst's Magazine) от ноября 1923 года написал:

«Федеральный резервный банк, который должен был быть наибольшим защитником фермера, стал его наибольшим врагом. Дефляция фермера было умышленным преступлением».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Творцы денег

Передовица газеты Нью-Йорк Таймс от 18 января 1920 года содержит интересный комментарий о Федеральной резервной системе. Анонимный комментатор, возможно, Пол Варбург, заявил: «Федеральная резервная система является источником кредита, а не капитала». Это одно из наиболее показательных заявлений сделанных когда-либо о Федеральной резервной системе.

Он говорит, что Федеральная резервная система не добавляет ничего нового к нашей структуре капитала, или к формированию капитала, так как она организована для получения кредита, для создания денег для кредитных денег и спекуляции, а не предоставлять капитальные средства для улучшения торговли и промышленности.

Говоря проще, капитализация означала бы выпуск банкнот, обеспеченных драгоценным металлом или другим товаром. Банкноты резерва, являются необеспеченной бумагой, дающей взаймы под проценты.

25 июля 1921 года сенатор Оуэн заявил в передовице газеты Нью-Йорк Таймс: «Совет гувернёров Федеральной резервной системы является самой гигантской финансовой силой во всём мире.

Вместо того, чтобы использовать такую большую силу, как закон о Федеральной резервной системе по назначению, Совет ... делегировал эту власть банкам, бросил вес своего влияния на поддержку политики немецкой инфляции». Сенатор, чьё имя фигурирует в законе, увидел, что не выполняет то, что обещал.

После сельскохозяйственной депрессии 1920-21 гг. совет гувернёров Федеральной резервной системы занялся восьмилетним обеспечением быстрого расширения кредита нью-йоркских банкиров, политики, которая привела к Великой депрессии 1929-31 гг.

И помогла парализовать экономическую структуру всего мира. Пол Варбург ушёл в отставку в мае 1918 года, после того, как денежная система Соединённых штатов перешла с денег, обеспеченных облигациями, на деньги, обеспеченные коммерческими ценными бумагами и акциями Федеральных резервных банков.

Варбург вернулся к своей работе за пятьсот тысяч долларов в год в Kuhn, Loeb Company, но он продолжал определять политику Федеральной резервной системы, как президент Федерального консультативного совета и председателя исполнительного комитета Американского совета акцептов.

С 1921 по 1929 год Поль Варбург организовал три крупнейших треста в Соединённых штатах: Международный банк акцептов, крупнейший банк акцептов в мире; Agfa Anasco Film Corporation со штаб-квартирой в

Бельгии; и I. G. Farben Corporation, американский филиал которой Варбург создал как I.G. Chemical Corporation. Westinghouse Corporation также является одним из его творений.

В начале 1920-х годов Федеральная резервная система играет решающую роль в возвращении Советского Союза в международные структуры финансов. Уинтроп (Winthrop) и Стимсон продолжают быть корреспондентами между советскими и американскими банкирами, и Генри Л. Стимсон организовал переговоры, закончившиеся нашим признанием советов после избрания Рузвельта в 1932 году. Это была антикульминация, потому что мы давно уже возобновили сношения с советскими финансистами.

Федеральная резервная система начала покупать золото у советов в 1920 году, и советская валюта принималась на биржах. По словам полковника Эли Гэрисона, в своей автобиографии, и в соответствии с докладом Морской секретной службы США о Пол Варбурге, русская революция финансировалась Ротшильдами и Варбургами, с членом семьи Варбургов доставившим фактические средства, используемые Лениным и Троцким, в Стокгольм в 1918 г.

В статье в английском ежемесячнике «Fortnightly» от июля 1922 г. говорится:

«В течение прошлого года практически все капиталистические институты были восстановлены. Это относится и к Государственному банку, к частному банковскому обслуживанию, к фондовой бирже, к праву на владение деньгами в неограниченных количествах, к праву наследования, к векселям системы, и к другим учреждениям и практике, принятой в частной промышленности и торговле.

Большая часть бывших национализированных отраслей промышленности являются в настоящее время полунезависимыми трестами».

Организация мощных трестов в СССР под вывеской коммунизма сделало возможным получение больших объёмов финансовой и технической помощи от Соединённых штатов. Русская аристократия была уничтожена, потому что была слишком неэффективна для управления современного промышленного государства.

Международные финансисты выделили средства для Ленина и Троцкого с целью свержения царского режима и удержания России в Первой мировой войне. Питер Друкер (Peter Drucker), представитель олигархии в Америке, заявил в статье в Saturday Evening Post в 1948 году, что:

«РОССИЯ ЯВЛЯЕТСЯ ИДЕАЛОМ УПРАВЛЯЕМОЙ ЭКОНОМИКИ, К КОТОРОЙ МЫ ИДЁМ».

В СССР эмиссия достаточного количества денег для удовлетворения потребностей своей экономики произошла только после того, когда у власти стало правительство, у которого был абсолютный контроль над людьми. В 1920-х годах СССР выпустил большое количество так называемых «инфляционных денег», управляемой валюты. Та же статья «Fortnightly» (июль, 1922 г.) отмечает, что:

«Хотя экономическое давление произвело “систему астрономических размеров” валюты; она никогда не может уничтожить её. Взятая отдельно, система автономна, логически совершенна, даже интеллектуальна. И она может погибнуть только через крах или уничтожение политического здания, которое она украшает».

«Fortnightly» также отметил в 1929 году, что:

«С 1921 года повседневная жизнь советского человека ничем не отличается от жизни американского гражданина, и советская система правления более экономична».

Адмирал Колчак, руководитель белых армий русских, поддерживался международными банкирами, которые отправили британские и американские войска в Сибирь, чтобы иметь предлог печатать колчаковские рубли. Одно время в 1920 году банкиры манипулировали на лондонской бирже старыми царскими рублями, рублями Керенского и Колчака, стоимость всех трёх колебалась в зависимости от движения войск союзников помогавших Колчаку.

Колчак также владел значительным количеством золота, которое было захвачено его армией. После его поражения эшелон с этим золотом исчез в Сибири. На слушаниях Сената в 1921 году о Федеральной резервной системе, было установлено, что система получала это золото. Конгрессмен Данбар (Dunbar) опрашивал гувернёра Федеральной резервной системы В. П. Дж. Хардинга следующим образом:

ДАНБАР: «Иными словами, Россия посылает много золота в европейские страны, которые, в свою очередь, отправляют его к нам?»

ХАРДИНГ: «Это делается, чтобы платить за предметы, купленные в этой стране и создать обмен доллара».

ДАНБАР: «В то же время золото из России поступает через Европу?»

ХАРДИНГ: «Некоторые считают, что это золото Колчака, прибывшее через Сибирь, но это не касается банков Федеральной резервной системы. Министр финансов выпустил инструкцию для пробирной палаты не принимать никакого золота, которое не несёт фирменного знака монетного двора дружественной страны».

Не ясно, что гувернёр Хардинг имел ввиду под «дружественной страной». В 1921 году мы не были в состоянии войны ни с одной страной, но Конгресс уже начал сомневаться в международных сделках с золотом Федеральной резервной системы. Гувернёр Хардинг вполне мог пожать плечами и сказать, что вопрос, откуда взялось золото, не касался федеральных резервных банков. Золото не знает национальности или расы.

Соединённые штаты официально перестали интересоваться тем, откуда берётся золото в 1906 году, когда министр финансов Шоу (Shaw) договорился с некоторыми из больших банков Нью-Йорка (теми, в которых он имел интерес) на покупку золота с авансом наличными из государственного казначейства Соединённых штатов.

Которое затем покупало золото у этих банков. Казначейство таким образом могло утверждать, что не знает, откуда взялось золото, поскольку их служба регистрирует только банк, у которого оно купило. С 1906 года Казначейству не известно у каких из международных торговцев золотом оно покупало своё золото.

Международные сделки Федеральной резервной системы с золотом, и его активная поддержка в содействии Лиге Наций, чтобы заставить все страны Европы и Южной Америки вернуться к золотому стандарту в пользу международных торговцев золотом, как Юджин Мейер-младший и Альберт Штраус, лучше всего демонстрирует классический инцидент со стерлинговым кредитом 1925 года.

Дж. Е. Дарлинг (J. E. Darling) пишет в английском журнале «Spectator» от 10 января 1925:

«Очевидно, что для Соединённых штатов имеет первостепенное значение, чтобы побудить Англию возобновить золотой стандарт как можно скорее. Контролируемый американцами золотой стандарт неизбежно приведёт к тому, что Соединённые штаты станут высшей финансовой властью в мире, что сделает Англию должником и сателлитом, а Нью-Йорк – финансовым центром мира».

Г-н Дарлинг не упоминает, что американский народ так же мало имеет общего с этим, как и британский народ, и что возобновление золотого стандарта Великобритании принесёт выгоду только небольшой группе международных торговцев золотом, которые владеют золотом мира. Не удивительно, что журнал «Banker's Magazine» радостно отметил в июле 1925 года, что:

«Выдающимся событием прошлого полугодия в банковском мире было восстановление золотого стандарта».

Первая мировая война изменила статус Соединённых штатов с нации-должника на положение самой большой страны-кредитора в мире, звание ранее оккупированное Англией. Поскольку долг является деньгами, по словам гувернёра совета Федеральной резервной системы Марринера Эклса (Marriner Eccles), это также сделало нас самым богатым государством мира.

Война также привела к удалению штаб-квартиры акцептов на мировом рынке из Лондона в Нью-Йорк, а Пол Варбург стал самым могущественным банкиром торговли акцептами в мире. Оплот международных финансистов, однако, остался прежним. Золотой стандарт по-прежнему лежит в основе обмена иностранной валюты, а небольшая группа интернационалистов, которые владели золотом, контролировали денежно-кредитные системы западных стран.

Профессор Густав Кассель (Gustav Cassel) писал в 1928 году:

«Американский доллар, а не золотой стандарт, является денежным стандартом в мире. Американская ФРС имеет власть определять покупательную способность доллара, делая изменения учётной ставки и, таким образом, контролирует денежный стандарт в мире».

Если бы это было правдой, члены совета губернёв Федеральной резервной системы были бы наиболее влиятельными финансистами в мире. Иногда в их состав входят такие влиятельные люди, как Пол Варбург или Юджин Мейер-младший, но обычно поддакивающий комитет Федерального консультативного совета и лондонских банкиров.

В мае 1925 года британский парламент принял закон о золотом стандарте, вернув Великобритании к золотому стандарту. Важная роль Федеральной резервной системы в этом деле выявилась 16 марта 1926 года, когда Джордж Сии (George Seay), губернёр Федерального Резервного Банка Ричмонда, свидетельствовал перед Комитетом банковского дела и денежного обращения палаты представителей о том, что:

«Устная договоренность, подтверждённая перепиской, представила Великобритании заём золота или кредит в двести миллионов долларов. Все переговоры были проведены между Бенджамином Стронгом, губернёром Федерального резервного банка Нью-Йорка и г-ном Монтегю Норманом, губернёром Банка Англии. Целью этого кредита было помочь Англии вернуться на золотой стандарт, и заём должен был быть оплачен вкладыванием федеральных резервных фондов в векселя и иностранные ценные бумаги».

Бюллетень Федеральной резервной системы от июня 1925 года заявил, что:

«В рамках своего соглашения с Банком Англии Федеральный резервный банк Нью-Йорка обязуется время от времени продавать золото в кредит Банку Англии в течение следующих двух лет, но не более 200.000.000 задолженности в любой момент»».

Кредит в двести миллионов долларов золотом был организован на основании устной договоренности между международными банкирами, Бенджамином Стронгом и Монтегю Норманом. К этому времени стало очевидно, что у Федеральной резервной системы были и другие интересы на сердце, кроме финансовых потребностей американского бизнеса и промышленности.

Возвращению Великобритании на золотой стандарт также помог дополнительный кредит золота в сто миллионов долларов от J. P. Morgan Company. Уинстон Черчилль, британский министр финансов, позднее пожаловался, что стоимость для британского правительства этого кредита составила 1.125.000 за первый год в качестве прибыли J. P. Morgan Company.

Вопрос изменения учётной ставки, например, никогда не был удовлетворительно объяснён. Запрос в ФРС в Вашингтоне вызвал ответ, что «Условия на денежном рынке являются основным критерием изменения учётной ставки». Поскольку денежный рынок находится в Нью-Йорке, не требуется слишком большого воображения, чтобы заключить, что нью-йоркские банкиры могут быть заинтересованы в изменении учётной ставки и часто пытаются повлиять на неё.

Норман Ломбард (Norman Lombard) в журнале «World's Work» пишет, что:

«В их рассмотрении и распоряжениях по предлагаемым изменениям политики совет губернёров Федеральной резервной системы должен следовать процедуре и этике, соблюдаемым в наших судах.

Предложения об изменении учётной ставки или о том, что резервные банки должны покупать или продавать ценные бумаги, могут поступать от кого бы то ни было и без каких-либо формальностей или письменных аргументов.

Предложение может быть представлено губернёру или директору Федеральной резервной системы по телефону или у себя в клубе за завтраком, или это может быть сделано в ходе случайного визита к члену Федеральной резервной системы.

Интересы предлагающего изменения не должны быть выявлены, и его имя и его любые предложения, как правило, держатся в секрете. Если это касается вопроса операций на открытом рынке, общественность ничего не знает о решениях до появления регулярного еженедельного заявления, показывающего изменения в авуарах федеральных резервных банков. Во всём этом нет общественного обсуждения, нет заявления о причинах решения, или имён тех, кто был за или против».

Шансы среднего гражданина повстречать губернёра Федеральной резервной системы в своём клубе также небольшие.

Слушания по стабилизации покупательной способности доллара в 1928 году доказали, что совет директоров Федеральной резервной системы работал в тесном сотрудничестве с главами европейских центральных банков, и что депрессия 1929-31 гг. была спланирована на тайном завтраке совета директоров Федеральной резервной системы и тех руководителей европейских центральных банков в 1927 году.

Совет никогда не был обязан нести ответственность перед общественностью за свои решения или действия. Конституционный принцип взаимоограничения властей (checks and balances), по-видимому, не срабатывает в сфере финансов.

Члены совета губернёров Федеральной резервной системы всегда были истинно лояльны по отношению к центральным банкам. Три характеристики центрального банка – его владение частными акционерами, которые получают плату и прибыль за их использование кредита страны, абсолютный контроль финансовых ресурсов страны, и мобилизация кредита страны для финансирования иностранцев – все были продемонстрированы Федеральной резервной системой в течение первых пятнадцати лет её деятельности.

Дальнейшее демонстрирование международных целей закона 1913 года о Федеральной резервной системе осуществляется «поправкой Эджа» («Edge Amendment») от 24 декабря 1919 года, которая разрешает организацию корпораций специально для «участия в международной или иностранной банковской деятельности или других международных или иностранных финансовых операциях, в том числе в золоте или в [золотых] слитках, и владении акциями иностранных корпораций».

Комментируя эту поправку, Е. В. Кеммерер (E. W. Kemmerer), экономист из Принстонского университета, отметил, что:

«Федеральная резервная система оказывает огромное влияние на интернационализацию Американской торговли и американских финансов».

Тот факт, что эта интернационализация американской торговли и американских финансов была прямой причиной для вовлечения нас в две мировые войны не беспокоит г-на Кеммерера. Налицо множество доказательств того, как Пол Варбург использовал Федеральную резервную систему, как инструмент для принятия коммерческих акцептов в широком масштабе американскими бизнесменами.

Использование коммерческих акцептов (являющихся валютой международной торговли) банкирами и корпорациями было практически неизвестно в Соединённых штатах до 1915 года. Рост Федеральной резервной системы идёт точно параллельно увеличению использования акцептов в этой стране, и это не случайно. Люди, добивавшиеся Федеральной резервной системы, были люди, которые создали банки акцептов и получали выгоду от использования акцептов.

Еще в 1910 году Национальная валютная комиссия начала издавать брошюры и другую пропаганду, призывающие банкиров и бизнесменов этой страны использовать коммерческие акцепты в их операциях. В течение трёх лет Комиссия вела эту кампанию, и план Олдрича включил широкое положение разрешающее введение и использование банковских акцептов в американской системе коммерческих [ценных] бумаг.

Закон о Федеральной резервной системе 1913 года, принятый Конгрессом, конкретно не разрешал использование акцептов, но совет директоров Федеральной резервной системы в 1915 и 1916 годах дал определение «коммерческих акцептов», которое было дополнительно определено постановлением Серии А 1920 года, и далее определяется в Серии 1924 года.

Одним из первых официальных действий Совета гувернёров в 1914 году было предоставить акцептам преимущественно низкий дисконт в федеральных резервных банках. Так как акцепты не использовались в этой стране в то время, для неотложности этого действия нет каких-либо объяснений. Видно было, что кто-то у власти в Совете гувернёров хотел принятия акцептов.

Закон о Национальной банковской системе 1864 года, который был определяющим финансовым законодательством США до ноября 1914 года, не позволяет банкам кредитовать их кредитования. Следовательно, власть банков создавать деньги была в огромной степени ограничена.

У нас не было эмиссионного банка, то есть центрального банка, который мог бы создавать деньги. Чтобы добиться центрального банка, банкиры вызвали одну за другой денежные паники, направленные против деловых людей Соединённых штатов, путём вывоза золота из страны, создавая нехватку денежных средств, а затем импортируя его обратно.

После того как мы получили центральный банк, Федеральную резервную систему, не было больше необходимости в денежных паниках, потому что банки могли создавать деньги.

Тем не менее, паника, как инструмент власти над бизнесом и финансовыми кругами, была вновь использована в двух важных случаях, в 1920 году, вызвав сельскохозяйственную депрессию, потому что штатные банки и трестовые компании отказались присоединиться к Федеральной резервной системе, и в 1929 году, вызвав Великую Депрессию, которая сконцентрировала почти всю власть в этой стране в руках немногих крупных трестов.

Коммерческий акцепт является переводным векселем, выписанным продавцом товара на покупателя, и принятым покупателем, с указанным сроком его действия. Использование коммерческих акцептов на оптовом рынке предоставляет краткосрочный, заверенный кредит для перевозки грузов в процессе производства, хранения, транзита и сбыта. Он способствует внутренней и внешней торговле.

Казалось бы, что банкиры, которые хотели заменить систему учётной записи открытой книги системой коммерческих акцептов – прогрессивные люди, которые хотели помочь американской торговле импорта-экспорта. На этот счёт было выпущено много пропаганды, но на самом всё заключалось в другом.

Система учётной записи открытой книги, которой до сих пор пользовались американские деловые люди, позволяла скидку за наличный расчёт. Система акцептов не рекомендует использовать наличные, позволяя давать скидку за кредит. Система учётной записи открытой книги также позволяла значительно облегчённые условия оплаты, с либеральным продлением долговых обязательств.

Акцепты этого не позволяют, так как это краткосрочный кредит с указанным сроком погашения. Они не во власти продавца, а банка, как правило, банка акцептов, который не позволяет никакого продления времени. Таким образом, принятие акцептов американскими бизнесменами в 1920-х годах значительно облегчило господство и поглощение малого бизнеса огромными трестами, что ускорило крах 1929 года.

Коммерческие акцепты до некоторой степени использовались в Соединённых штатах до Междоусобной войны. В ходе этой войны, не терпящие отлагательств обстоятельства торговли, уничтожили акцепты в качестве кредитной среды, и они не вернулись в этой стране, наш народ предпочитает простоту и щедрость системы учётной записи открытой книги.

В счетах открытой книги на коммерческих ценных бумагах фигурирует только одно имя, должника. Акцепты – двухимённые бумаги, с именами должника и кредитора. Таким образом, они стали товаром, который покупается и продаётся банками. Для кредиторов, в соответствии с системой открытой книги, задолженность является долгом.

Для банка акцептов держащего акцепт, долг является активом. Люди, которые создали банки акцептов в этой стране, под руководством Пола

Варбурга, получили контроль над миллиардами долларов кредитов, существующих в виде открытых счетов в книгах американских бизнесменов.

Гувернёр Федеральной резервной системы Марринер Эклс заявил в комитете по банковским и денежным делам палаты представителей, что: «Долг является основой для создания денег».

Крупные владельцы коммерческих акцептов получили возможность пользоваться миллиардами долларов кредитных денег, вдобавок к процентной ставке с самих акцептов. Понятно, почему Пол Варбург посвятил так много времени, денег и энергии, чтобы добиться принятия акцептов банковской машиной этой страны.

4 сентября 1914 года National City Bank в первый раз принял вексель с указанным сроком погашения на имя национального банка в соответствии с положениями закона о Федеральной резервной системе 1913 года. Это было начало конца системы учётной записи открытой книги, ставшее важным фактором в оптовой торговле. Беверли Харрис (Beverly Harris), вице-президент National City Bank Нью-Йорка, в 1915 году выпустил брошюру о том, что:

«Торговцы, использующие счета системы учётной записи открытой книги, узурпируют функции банкиров».

В New York Times от 14 июня 1920 года Пол Варбург, председатель Американского совета по акцептам, заявил:

«Если ФРС не будет от всего сердца и души стоять за беспрепятственное развитие акцептов в качестве главных инвестиций для банков в федеральных резервных банках, будущее безопасного и здорового развития системы будет поставлено под угрозу».

Это было заявление о целях Варбурга и его шайки, которые хотели «денежной реформы» в этой стране. Они стремились получить контроль над всем кредитом США, и они получили его с помощью Федеральной резервной системы, системы акцептов, и отсутствия интереса граждан.

Первая мировая война была благодеянием для введения коммерческих акцептов, и объём достиг четырёх сотен миллионов долларов в 1917 году, а в 1920-х годах вырос до более миллиарда долларов в год, чем завершился высокий пик перед Великой депрессией 1929-31 гг.

Диаграммы Федерального резервного банка Нью-Йорка показывают, что его использование акцептов достигло пика в ноябре 1929 года, месяц обвала фондового рынка, и резко сократилось после этого. Толкачи акцептов к тому времени получили то, что они хотели – контроль американского бизнеса и промышленности. Журнал «Fortune Magazine» в феврале 1950 года отметил, что:

«Объём акцептов снизился с 1732 млн. долл. в 1929 году до 209 млн. долл. в 1940 году, из-за концентрации банковских сделок с акцептами в нескольких руках, и политики казначейства низких процентов, которая сделала прямые кредиты дешевле, чем акцепты. После начала войны

наблюдался небольшой подъём, но для больших компаний зачастую дешевле финансировать импорт за счёт своих собственных ресурсов».

Другими словами, «крупные компании», точнее, большие тресты, теперь контролируют кредит и им не требуются акцепты. Кроме урагана пропаганды, идущего от Федеральной резервной системы, National Association of Credit Men, the American Bankers' Association, и другие братские организации нью-йоркских банкиров посвятили много времени и денег на распространение пропаганды акцептов.

Но даже их потока лекций и брошюр оказалось недостаточно, и в 1919 Пол Варбург организовал Американский совет акцептов, который был целиком посвящён пропаганде акцептов.

Первый съезд этой ассоциации состоялся в Детройте, штат Мичиган, 9 июня 1919 года, и совпал с ежегодной конференцией National Association of Credit Men, состоявшейся там в тот же день, так что «заинтересованные наблюдатели могли иметь возможность участвовать в лекциях и совещаниях обеих групп», в соответствии с брошюрой изданной Американским советом акцептов.

Пол Варбург был избран президентом этой организации, а затем стал председателем исполнительного комитета Американского совета акцептов, позиция, которую он занимал до своей смерти в 1932 году. Совет опубликовал списки корпораций, использовавших коммерческие акцепты, все из них предприятия, контролируемые Kuhn, Loeb Co. или её филиалами.

Лекции, прочитанные на съезде Совета или членами Совета были изданы в привлекательном оформлении и распространялись бесплатно National City Bank в Нью-Йорке среди бизнесменов страны.

Луис Т. Макфадден, председатель Комитета по банковским и денежным вопросам палаты представителей, в 1922 году обвинил Американский совет акцептов в неправомерном влиянии на совет губернёров Федеральной резервной системы и призвал Конгресс расследовать это, но Конгресс не проявил интереса.

На втором ежегодном съезде Американского совета акцептов, состоявшемся в Нью-Йорке 2 декабря 1920 года, президент Поль Варбург заявил:

«С большим удовлетворением хочу сообщить, что в отчётном году для Американского совета акцептов стало возможно дальнейшее развитие и укрепление отношений с советом губернёров Федеральной резервной системы».

В 1920-х годах Пол Варбург, который подал в отставку из Федеральной резервной системы после пребывания губернёром в течение года в военное время, продолжал оказывать прямое личное влияние на ФРС, встречаясь с советом губернёров, как президент Федерального консультативного совета и как президент Американского совета акцептов.

Он также был, с момента его организации в 1920 г. до своей смерти в 1932 году, председателем Совета директоров банка международных акцептов Нью-Йорка, крупнейшего банка акцептов в мире. Его брат, Феликс М. Варбург, также партнёр в Kuhn, Loeb Co., был директором банка международных акцептов, а его сын, Джеймс Пол Варбург, был вице-президентом.

Пол Варбург был также директором других важных банков акцептов в этой стране, таких как Westinghouse Acceptance Bank, который был организован в США сразу после Первой мировой войны, когда штаб-квартира международного рынка акцептом перешла из Лондона в Нью-Йорк, и Пол Варбург стал самым могущественным банкиром акцептов в мире.

Пол Варбург стал ещё более легендарной фигурой через его увековечивание как «Папа Варбакс» («Daddy Warbucks») в комиксе «Little Orphan Annie». Комикс о бомже и её собаке, которую усыновляет «самый богатый человека в мире», папа Варбакс, игра слов «Варбург» и «бакс», сленговое обозначение доллара, который имеет почти магическую силу и может добиться всего, чего он захочет, при помощи его безграничных богатств.

Знающие люди посмеивались, когда «Annie», музыкальная версия этой истории как комедия, весьма успешно несколько лет шла на Бродвее, потому что подавляющее большинство аудитории понятия не имело, что это просто-напросто была ещё одна операция Варбурга.

Перенесение рынка акцептов из Англии в эту страну вызвало экстатическую речь Томаса Ламонта перед Академией политических наук в 1917 году, что:

«Доллар, а не фунт, в настоящее время является основой международного обмена».

Американцы были горды это слышать, но они не понимали, какой ценой.

Видимые доказательства неправомерного влияния Американского совета акцептов на Федеральную резервную систему, на что жаловался конгрессмен Макфадден, даются в диаграмме, показывающей изменения учётных ставок Федерального резервного банка Нью-Йорке в 1920-х годах.

Официальный курс дисконта банка в течение девяти лет точно следует показателю девятистодневных акцептов, а Федеральный резервный банк Нью-Йорка определяет ставку дисконтирования для остальных резервных банков.

На протяжении 1920-х годов Совет гувернёров сохранил своих двух первых членов, К. С. Хамлина и Адольфа С. Миллера. Эти люди сделали себе карьеру в качестве арбитров денежно-кредитной политики страны. Хамлин был в совете с 1914 до 1936 года, когда он был назначен специальным советником совета, в то время как Миллер служил с 1914 по 1931 год.

Этим двум лицам было разрешено остаться в совете так много лет, потому что они оба были в высшей степени уважаемыми людьми, которые придавали совету определённый авторитет в глазах общественности.

В течение этих лет важные банкиры, один за другим появлялись в совете, служили там некоторое время, и отправлялись за лучшим будущим. Ни Миллер, ни Хамлин никогда не возражали ни против чего, чего хотели нью-йоркские банкиры.

Они меняли ставку дисконтирования, и они выполняли операции на открытом рынке ценных бумаг правительства, когда только Уолл-стрит этого хотел. За ними стоял Пол Варбург, который осуществлял непрерывное и доминирующее влияние, как президент Федерального консультативного совета, на котором он имел таких людей общих интересов, как Уинтроп Олдрич (Winthrop Aldrich) и Дж. П. Морган.

Варбург всегда находил время контролировать финансовые структуры страны несмотря на его занятость обязанностями по организации крупных международных трестов.

Его влияние с 1902 года, когда он прибыл в эту страну как иммигрант из Германии, до 1932 года, год его смерти, зависело от его европейского союза с банковским картелем.

Сын Варбурга, Джеймс Пол Варбург, продолжал осуществлять такое же влияние, после своего назначения Франклином Д. Рузвельтом директором бюджета, когда этот человек вступил в должность в 1933 году, а также создание Управления военной информации, нашего официального агентства пропаганды во время Второй мировой войны .

В книге «The Fight for Financial Supremacy», Пол Айнциг, (Paul Einzig), автор редакционных статей газеты «London Economist», писал, что:

«Почти сразу после Первой мировой войны между Банком Англии и руководителями Федеральной резервной системы было создано тесное сотрудничество и особенно с Федеральным резервным банком Нью-Йорка[85a].

Это сотрудничество в основном происходило из-за тёплых отношений, существующих между г-ном Монтегю Норманом Банка Англии и г-ном Бенджамином Стронгом, губернёром Федерального резервного банка Нью-Йорка до 1928 года.

В ряде случаев политика учётной ставки Федерального резервного банка Нью-Йорка руководствовалась желанием помочь Банку Англии. Между Лондоном и Нью-Йорком существовало тесное сотрудничество в фиксации ставок дисконтов»[86].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Лорд Монтегю Норман

Сотрудничество между Бенджамином Стронгом и лордом Монтегю Норманом является одной из величайших тайн XX века. Бенджамин

Стронг женился на дочери президента Bankers Trust в Нью-Йорке, а впоследствии стал его президентом. Кэрролл Куигли, в книге «Tragedy and Hore» говорит: «Стронг стал губернёром Федерального резервного банка Нью-Йорка в качестве совместной кандидатуры Моргана и Kuhn, Loeb Company в 1914 году[87].

Лорд Монтегю Норман является единственным человеком в истории, чей дед по материнской линии и дед по отцовской линии служили губернёрами Банка Англии. Его отец служил в Brown, Shipley Company, лондонский филиал Brown Brothers (теперь Brown Brothers Harriman). Монтегю Норман (1871-1950) приехал в Нью-Йорк, чтобы работать в Brown Brothers в 1894 году, где он подружился с семьей Делано, и Джеймсом Марко, из Brown Brothers.

Он вернулся в Англию, а в 1907 был назначен в суд Банка Англии. В 1912 году у него произошёл нервный срыв, и он отправился в Швейцарию лечиться у Юнга, как это было модно среди сильных мира сего, которых он представлял[87a].

Лорд Монтегю Норман был губернёром Банка Англии с 1916 по 1944 год. В течение этого периода он участвовал в конференциях центральных банков, которые развязали кризис 1929 года и депрессию во всём мире. В книге «The Politics of Money» Брайан Джонсон (Brian Johnson) пишет: «Стронг и Норман, близкие друзья, проводили свои отпуска вместе в Бар Харбор, штат Мен и на юге Франции». Джонсон говорит:

«Норман поэтому стал альтер-эго Стронга. .. Политика лёгких денег на денежном рынке Нью-Йорка в 1925-28 гг. – исполнение его соглашения с Норманом держать учётные ставки Нью-Йорка ниже, чем в Лондоне.

Ради международного сотрудничества Стронг задерживает стабилизирующее влияние высоких процентных ставок в Нью-Йорке пока не стало слишком поздно. Лёгкие деньги в Нью-Йорке вызвали бушующий американский бум конца 1920-х годов, с его фантастических размеров спекуляцией[88].

Бенджамин Стронг скоропостижно скончался в 1928 году. Некролог Нью-Йорк Таймса от 17 октября 1928 года описывает конференции между руководителями трёх великих центральных банков в Европе в июле 1927 года: «Г-н Норман, Банк Англии, Стронг из нью-йоркского Федерального резервного банка, и доктор Ялмар Шахт из Рейхсбанка, их совещание было упомянуто в то время как встреча “самого эксклюзивного клуба в мире”».

О зарубежных конференциях нет открытых репортажей, они были полностью неофициальными, но они охватывали многие важные вопросы перемещений золота, стабильности мировой торговли и мировой экономики».

Заседания, на которых решается будущее мировой экономики всегда описываются как «совершенно неформальные», не для публикации, не доклады, не для общественности, а в тех редких случаях, когда возмущённые конгрессмены вызывают эти мистические фигуры свидетельствовать об их деятельности, они просто представляют набросок

предпринятых мер, и не дают никакой информации о том, что было на самом деле сказано или решено.

На слушаниях Сената по Федеральной резервной системе в 1931 году Г. Паркер Уиллис (H. Parker Willis), один из авторов и первый секретарь совета директоров Федеральной резервной системы с 1914 до 1920 года, многозначительно спросил гувернёра Джорджа Харрисона (George Harrison), преемника Стронга на посту гувернёра Федерального резервного банка Нью-Йорка:

«Какая связь между Федеральным резервным банком Нью-Йорка и денежным комитетом фондовой биржи?»

«Не существует никакой связи», ответил гувернёр Харрисон.

«Нет ли какой-либо помощи или сотрудничества в фиксации учётных ставок в неких случаях?», спросил Уиллис.

«Нет», сказал гувернёр Харрисон, «хотя в некоторых случаях они сообщают нам о состоянии денежной ситуации, и что они думают о том, какая должна быть ставка».

Это было абсолютное противоречие его заявлению, что «Не существует никакой связи». Федеральный резервный банк Нью-Йорка, который определяет ставки дисконтирования для других резервных банков, на самом деле поддерживал тесные связи с денежным Комитетом фондовой биржи.

Слушания палаты представителей 1928 года о стабилизации досконально доказали, что гувернёры Федеральной резервной системы проводили совещания с участием руководителей крупных европейских центральных банков.

Даже если бы конгрессменам были известны детали заговора, который должен был завершиться Великой Депрессией 1929-31 гг., не было бы ничего, что они могли бы сделать, чтобы остановить её. Международные банкиры, которые контролировали передвижения золота, могли причинить вред любой стране, и Соединённые штаты были так же беспомощны, как и любая другая страна.

Выписки из этих слушаний палаты представителей следуют ниже:

Г-Н БИДИ (BEEDY): «Я замечаю на вашей диаграмме, что кривые, которые производят наиболее резкие колебания, находятся в разделе “Ставки на деньги в Нью-Йорке”».

По мере того как ставки на деньги растут и падают в больших городах, займы, которые делаются по инвестициям, как будто, используют это, в настоящее время, довольно резаю перемену, в то время как отрасль в целом, кажется, не воспользовалась этими резкими изменениями, и эта кривая достаточно ровная, без больших повышений или снижений.

ГУВЕРНЁР АДОЛЬФ МИЛЛЕР: Это было всё более или менее в интересах международной обстановки. Они продавали золотые кредиты в Нью-Йорке за балансы стерлингов в Лондоне.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СТРОНГ: (не родственник Бенджамина): Есть ли у Федеральной резервной системы власть для привлечения золота в эту страну?

Е.А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР, директор по исследованиям Совета гувернёров: ФРС может привлекать золото в эту страну, устанавливая ставки на деньги выше.

ГУВЕРНЁР АДОЛЬФ МИЛЛЕР: Я думаю, что мы очень близки к точке, когда дальнейшие заботы с нашей стороны о денежных проблемах Европы могут быть изменены. Федеральная резервная система летом 1927 года установила политику покупок на открытом рынке, а затем снизила учётную ставку для резервных банков, чтобы облегчить ситуацию с кредитом и удешевить стоимость денег.

Официальными причинами изменения кредитной политики было, что это поможет стабилизировать международный обмен и стимулировать экспорт золота.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МАКФАДДЕН: Расскажите вкратце, как это дело было представлено совету гувернёров Федеральной резервной системы и каковы были влияния, которые определили окончательное решение?

ГУВЕРНЁР АДОЛЬФ МИЛЛЕР: Вы задаёте вопрос, на который мне невозможно ответить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МАКФАДДЕН: Может быть я могу уточнить это – откуда пришло предложение, которое вызвало это решение об изменении ставок прошлым летом?

ГУВЕРНЁР АДОЛЬФ МИЛЛЕР: Три крупнейшие центральные банки в Европе послали представителей в эту страну, как-то: Банк Англии, г-н Монтагю Норман, президент немецкого Рейсбанка, г-н Ялмар Шахт, и профессор Рист, заместитель гувернёра Банка Франции.

Эти господа совещались с должностными лицами Федерального резервного банка Нью-Йорка. Через неделю или две, они появились в Вашингтоне на протяжении большей части дня. Они приехали вечером, на следующий день были гостями совета гувернёров Федеральной резервной системы, а после завтрака уехали в Нью-Йорк.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МАКФАДДЕН: Были ли члены совета на этом завтраке?

ГУВЕРНЁР АДОЛЬФ МИЛЛЕР: О, да, завтрак был дан гувернёрами с целью собрать всех нас вместе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МАКФАДДЕН: Была ли это дружеская встреча, или обсуждались вопросы, представляющие важность?

ГУВЕРНЁР МИЛЛЕР: Я бы сказал, что в основном это была дружеская встреча. Лично у меня был долгий разговор наедине с доктором Шахтом до завтрака, а также довольно продолжительный разговор с профессором Ристом. После завтрака я завёл разговор с г-ном Норманом, к которому присоединился губернёр Стронг из Нью-Йорка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МАКФАДДЕН: Это было официальное заседание Совета?

ГУВЕРНЁР АДЛЬФ МИЛЛЕР: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МАКФАДДЕН: Это было просто неформальное обсуждение вопросов, которые они обсуждали в Нью-Йорке?

ГУВЕРНЁР МИЛЛЕР: Я полагаю, да. Это в основном социальные связи. То, что я сказал, было в основном обобщениями. Руководители этих центральных банков также высказывались в общих чертах.

Г-Н. КИНГ: Чего они хотели?

ГУВЕРНЁР МИЛЛЕР: Они были очень откровенны в ответах на вопросы. Я хотел поговорить с г-ном Норманом, и мы оба остались после завтрака, и к нам присоединились другие иностранные представители и должностные лица резервного банка Нью-Йорка.

Все эти господа были довольно обеспокоены работой золотого стандарта. Поэтому им хотелось видеть лёгкий денежный рынок в Нью-Йорке и более низкие ставки, что сдерживало бы золото от перемещения из Европы в эту страну. Это во многом было бы в интересах международной денежной ситуации, которая тогда существовала.

Г-Н. БИДИ: Было ли достигнуто какое-нибудь понимание между представителями этих иностранных банков и советом губернёров Федеральной резервной системы или нью-йоркского Федерального резервного банка?

ГУВЕРНЁР МИЛЛЕР: Да.

Г-Н. БИДИ: Сообщалось ли об этом официально?

ГУВЕРНЁР МИЛЛЕР: Нет. Позже состоялось совещание Комитета по политике открытого рынка, Комитета инвестиционной политики Федеральной резервной системы, которая и которой были представлены определённые рекомендации. Насколько я помню, около восьмидесяти миллионов долларов ценных бумаг были приобретены в августе в соответствии с этим планом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МАКФАДДЕН: Было ли какое-либо совещание между членами Комитета по открытым рынкам и теми банкирами из-за рубежа?

ГУВЕРНЁР МИЛЛЕР: Возможно они встречались индивидуально, но не в качестве комитета.

Г-Н. КИНГ: Откуда Комитет открытого рынка получает свои идеи?

ГУВЕРНЁР МИЛЛЕР: Они собираются вместе и говорят об этом. Я не знаю, чья это была идея. Это было точно то время, когда в работе присутствовал дух сотрудничества».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МАКФАДДЕН: Вы описали здесь переговоры очень большого значения.

ГУВЕРНЁР МИЛЛЕР: Я бы сказал разговоры.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МАКФАДДЕН: Имело ли место нечто вполне определённого характера?

ГУВЕРНЁР МИЛЛЕР: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МАКФАДДЕН: Изменение политики со стороны всей нашей финансовой системы, которое привело к одной из самых необычных ситуаций, с которыми когда-либо сталкивалась эта страна в финансовом отношении (бум спекуляций фондового рынка 1927-1929 гг.). Мне кажется, что дело такой важности должно было быть зафиксировано в письменной форме в Вашингтоне.

ГУВЕРНЁР МИЛЛЕР: Я с вами согласен.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СТРОНГ: Разве не было бы хорошо, если бы было указание, что полномочия, данные Федеральной резервной системе должны быть использованы для дальнейшей стабилизации покупательной способности американского доллара, а не находиться под влиянием интересов Европы?

ГУВЕРНЁР МИЛЛЕР: Я возражаю против термина «влияние». Кроме того, не существует такой вещи, как стабилизация американского доллара без стабилизации любой другой золотой валюты. Они связаны между собой золотым стандартом. Другие высокие лица, которые приезжают сюда, весьма умелые и знают, как подойти к людям, которые являются сотрудниками Федеральной резервной системы.

Г-Н. СТИГАЛЛ: Посещение этих иностранных банкиров привело к удешевлению денег в Нью-Йорке?

ГУВЕРНЁР МИЛЛЕР: Да, точно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МАКФАДДЕН: Я хотел бы записать всех, кто участвовал в этом завтраке в Вашингтоне.

ГУВЕРНЁР МИЛЛЕР: В дополнение к именам, которые я вам дал, там также присутствовал один из молодых людей от Банка Франции. Я думаю, что все члены совета губернёров Федеральной резервной системы были там.

Заместитель министра финансов Огден Миллс (Ogden Mills) был там, и помощник министра финансов, г-н Шунеман (Schuneman), также, два или три человека из Госдепартамента и г-н Уоррен (Warren) из иностранного отдела Федерального резервного банка Нью-Йорка. Ах, да, присутствовал губернёр Стронг.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МАКФАДДЕН: Эта конференция, конечно, со всеми этими иностранными банкирами не произошла просто так. Видные банкиры из Германии, Франции и Англии прибыли сюда по чьим предложениям?

ГУБЕРНАТОР МИЛЛЕР: Возникла ситуация, которая стала затруднительной для Лондона по причине предстоящего изъятия определённого количества золота, которое было извлечено с помощью Франции и которое первоначально было отправлено на хранение в Банк Англии французским правительством в качестве военных кредитов.

В Европе начало создаваться некоторое напряжение, потому что Франция начала приводить в порядок свои дела для того, чтобы вернуться к золотому стандарту. Эта ситуация была одной из тех, которые требуют некоторого сдерживающего влияния.

Г-Н КИНГ: Кто был двигающей силой, которая собрала этих людей вместе?

ГУБЕРНЁР МИЛЛЕР: Это деталь, с которой я не знаком.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СТРОНГ: Разве не было бы справедливым сказать, что люди, которые хотели получить золото, были те, кто организовал встречу?

ГУБЕРНЁР МИЛЛЕР: Они приехали сюда.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СТРОНГ: Дело в том, что они приехали сюда, встретились, позавтракали, поговорили, заставили ФРС снизить учётную ставку и сделать покупки на открытом рынке, и они получили золото.

Г-Н СТИГАЛЛ: Верно ли, что эти действия стабилизировали европейские валюты и расстроили нашу?

ГУБЕРНЁР МИЛЛЕР: Да, это было то, что они были предназначены сделать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МАКФАДДЕН: Позвольте мне обратить ваше внимание на недавнюю конференцию в Париже, на которой г-н Гольденвейзер, директор по исследованиям ФРС, и доктор Берджесс (Burgess), помощник Федерального резервного агента Федерального резервного банка Нью-Йорка, консультировались с представителями других центральных банков. Кто созвал эту конференцию?

ГУБЕРНЁР МИЛЛЕР: Насколько я помню, она была созвана Банком Франции.

ГУБЕРНЁР ЯНГ: Нет, это была Лига Наций, которая созвала их».

Тайная встреча совета губернёров Федеральной резервной системы и глав европейских центральных банков не была устроена ни для какой стабилизации. Она была проведена для обсуждения лучшего способа переброски золота, держащегося Системой в Соединённых штатах обратно

в Европу, чтобы заставить страны этого континента вернуться к золотому стандарту.

Лиге Наций ещё не удалось достичь этой цели, ради которой этот орган был создан изначально, потому что Сенат США отказался дать Вудро Уилсону предать нас международной валютно-финансовой власти. Чтобы сделать это потребовалась вторая мировая война и Франклин Д. Рузвельт.

Между тем Европа должна была иметь наше золото и Федеральная резервная система дала им его, пятьсот миллионов долларов. Переброска этого золота из Соединённых штатов вызвала дефляцию фондового бума, конец процветания бизнеса 1920-х годов и Великую Депрессию 1929-31 гг., худшее бедствие, которое когда-либо случилось в этой стране.

Вполне логично сказать, что американский народ был подвергнут депрессии, как наказанию за невступление в Лигу Наций. Банкиры знали, что будет, когда пять сотен миллионов долларов золота было направлено в Европу. Они хотели депрессии потому, что она передала бизнес и финансы Соединённых штатов в их руки.

Слушания продолжаются:

Г-Н БИДИ: «Г-н Эберсол (Ebersole) из казначейства закончил своё выступление на обеде, на котором мы были вчера вечером, сказав, что Федеральная резервная система не хотела стабилизации и американский бизнесмен также не хотел её. Они хотят видеть эти колебания цен, не только в ценных бумагах, но и на товары, в торговле в целом, поскольку те, кто в настоящее время осуществляет контроль, получают их прибыли из той самой нестабильности.

Если контроль этих людей не достигается законным способом, может быть сделана попытка достичь его общими потрясениями, такими, какие охарактеризовали общество в былые дни. Революции продвигались на недовольстве существующими условиями, а контроль находился в руках немногих, но многим приходилось оплачивать счета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МАКФАДДЕН: У меня здесь письмо одного из членов Совета гувернёров Федеральной резервной системы, который был вызван появиться здесь. Я хотел бы, чтобы оно было вписано в протокол. Оно от гувернёра Каннингема (Cunningham):

Уважаемый	г-н	Председатель:
Последние несколько недель я был прикован к моему дому из-за болезни, и я сейчас собираюсь провести несколько недель вдали от Вашингтона с целью	ускорения	выздоровления.
Эдвард Х. Каннингем		

Это в ответ на приглашение предстать перед нашим Комитетом. У меня также есть письмо от Джорджа Харрисона, заместителя гувернёра Федерального резервного банка Нью-Йорка^

Дорогой	г-н	конгрессмен:
Гувернёр Стронг отплыл в Европу на прошлой неделе. Он не чувствовал себя хорошо с первого января этого года, и, в то время как он		

свидетельствовал перед Комитетом в прошлом марте, вскоре после этого он перенёс очень тяжелый приступ опоясывающего лишая, который весьма расстроил его нервы. Джордж Харрисон Л., 19 мая 1928

Я также хочу внести в протокол заявление в New York Journal of Commerce от 22 мая 1928 года, из Вашингтона:

«В хорошо информированных кругах здесь говорится, что главным предметом разговоров гувернёра Стронга из Федерального резервного банка Нью-Йорка во время его нынешнего визита в Париж будет налаживание стабилизационных кредитов для Франции, Румынии и Югославии. Вторым важным вопросом, которым займётся г-н Стронг – количество золота, которое Франция получит от этой страны».

Дальнейший опрос председателя Макфаддена о странной болезни Бенджамина Стронга вызвал следующие показания гувернёра Федеральной резервной системы Чарльза С. Хамлина (Charles S. Hamlin) 23 мая 1928:

«Все, что я знаю, что гувернёр Стронг был очень болен, и он поехал в Европу, в первую очередь, насколько я понимаю, по причине здоровья. Конечно, он хорошо знаком с различными подразделениями Европейских центральных банков и, несомненно, повидается с ними.»

Гувернёр Бенджамин Стронг умер через несколько недель после его возвращения из Европы, не появившись перед Комитетом.

Целью этих слушаний в Комитете палаты представителей по банкам и валюте в 1928 году было изучение необходимости проведения законопроекта Стронга, представленного представителем Стронгом (никакого отношения к Вениамину, международному банкиру), который включал бы требование, что Федеральная резервная система имела бы возможность осуществлять стабилизацию покупательной способности доллара.

Это было одно из обещаний Картер Гласса и Вудро Уилсона, когда они представили законопроект о Федеральной резервной системе Конгрессу в 1912 году, и такое положение было фактически включено в закон сенатором Робертом Л. Оуэном, но Комитет палаты представителей по банкам и валюте Картера Гласса вычеркнул его.

Торговцы и спекулянты не хотят, чтобы доллар стал стабильным, так как они больше не будут иметь возможность получать прибыли. Граждане этой страны были привлечены к спекуляции на фондовом рынке в 1920-х годов, поскольку торговцы создали общенациональное состояние неустойчивости.

Законопроект Стронга 1928 года потерпел поражение в Конгрессе.

Финансовая ситуация в Соединённых штатах 1920-х годов характеризовалась инфляцией спекулятивных ценностей. Это была ситуация, созданная торговцами. Цены на товары оставались на низком уровне, несмотря на завышенные цены ценных бумаг на бирже.

Покупатели не рассчитывали, что их ценные бумаги дадут выплату дивидендов. Идея заключалась в том, чтобы подержать их некоторое время, и продать с прибылью. Это должно было где-то остановиться, как Пол Варбург заметил в марте 1929 года. Уолл-стрит не дала процессу остановиться до тех пор, пока люди не вложили свои сбережения в эти переоцененные бумаги.

У нас был разыгран спектакль президента Соединённых штатов, Кальвина Кулиджа, выступавшего в качестве зазывалы воротил фондового рынка, когда он в 1927 г. рекомендовал американскому народу продолжать покупать на бирже.

Некоторые беспокоились по поводу завышенного состояния рынка, и банкиры показали свою власть, заручившись заявлениями президента США, министра финансов и председателя совета гувернёров Федеральной резервной системы о том, что займы брокеров были не слишком высокими, и что состояние фондового рынка было крепким.

Ирвинг Фишер (Irving Fisher) предупредил нас в 1927 году, что бремя стабилизации цен во всём мире скоро ляжет на Соединённые штаты. Одним из результатов Второй мировой войны стало создание Международного валютного фонда, чтобы сделать именно это. Профессор Густав Кассель заметил в том же году, что:

«Нисходящее движение цен не было спонтанным результатом действия сил за пределами нашего контроля. Это результат сознательно созданной политики, чтобы снизить цены и придать более высокую стоимость денежной единице».

Демократическая партия, протолкнув закон о Федеральной резервной системе и введя нас в первую мировую войну, взяла на себя роль оппозиционной партии во время 1920-х годов.

Они были на внешней стороне политического забора, и получили поддержку в те скучные годы в виде щедрых подачек от Бернарда Баруха, в соответствии с его биографией. Насколько далеко за забором они были и как мало у них было шансов в 1928 году, показывает положение в официальной демократической программе, принятое в Хьюстоне 28 июня 1928 г.:

«Администрирование Федеральной резервной системы в пользу спекулянтов фондового рынка должно быть прекращено. Оно должно вестись в пользу фермеров, наёмных работников, торговцев, производителей и других лиц, трудящихся в конструктивном бизнесе».

Этот идеализм обеспечил поражение его героя, Ал Смита (Al Smith), который был выдвинут Франклином Д. Рузвельтом. Кампания против Ал Смита также была отмечена призывами к религиозной нетерпимости, потому что он был католиком. Банкиры по всей стране возбудили анти-католические настроения для избрания их протеже мировой войны, Герберта Гувера.

Вместо того, чтобы содействовать финансовой стабильности в стране, как это было обещано Вудро Уилсоном, когда закон был принят, Федеральная

резервная система неуклонно стала способствовать финансовой нестабильности. Официальный меморандум, выпущенный советом гувернёров 13 марта 1939 года, утверждал, что:

«Совет гувернёров Федеральной резервной системы выступает против любого законопроекта, который предлагает стабильный уровень цен».

Политически, Федеральная резервная система была использована для продвижения выборов банкирских кандидатов во время 1920-х годов. «Literary Digest» от 4 августа 1928 года заявил, по случаю повышения учётной ставки Федеральной резервной системой до пяти процентов в год президентских выборов:

«Это противоположно политически-желательной политике дешёвых денег 1927 года, и создаёт спокойные условия на фондовом рынке. Этот шаг подвергся атаке со стороны народного лобби в Вашингтоне, округ Колумбия, в которой говорилось, что “Это увеличение в момент, когда фермеры нуждались в дешёвых деньгах для финансирования уборки их урожая, было прямым ударом по фермерам, которые начали вставать на ноги после Сельскохозяйственной Депрессии 1920-21 гг.”».

«The New York World» сказал по этому поводу:

«Критика политики совета директоров Федеральной резервной системы многими инвесторами не основана на его попытке произвести дефляцию фондового рынка, а на обвинении в том, что сам Совет, благодаря его политике в прошлом году, является полностью ответственным за ту инфляцию фондового рынка, которая существует».

Убийственный обзор первых пятнадцати лет Федеральной резервной системы появляется в «North American Review» в мае 1929 года, Г. Паркера Уиллиса, профессионального экономиста, который был одним из авторов закона и первым секретарём совета гувернёров от 1914 до 1920 года. Он выражает полное разочарование.

«Мой первый разговор с избранным президентом Уилсоном состоялся в 1912 году. Наш разговор был полностью связан с банковской реформой. Я спросил был ли он уверен в том, что мы могли бы обеспечить администрации соответствующее законодательство и как оно должно бы было применяться и проводиться в жизнь. Он ответил: “Мы должны опираться на идеализм американского бизнеса”.

Он искал того, чему можно было бы доверить дать возможность проявить американский идеализм. Реформа осуществила финансирование мировой войны и пересмотр американской банковской практики.

Элемент идеализма, который президент прописал и верил, что мы могли получить по принципу *noblesse oblige* от американских банкиров и предпринимателей не состоялся. Со времени действия закона о Федеральной резервной системе мы пострадали в одной из самых серьёзных финансовых депрессий и революций когда-либо известных в нашей истории, 1920-21 гг.

На наших глазах наше сельское хозяйство прошло через долгий период страданий и даже революции, в ходе которых один миллион фермеров оставили свои фермы, из-за трудностей с ценами на землю и необычного статуса условий кредитования.

Мы перенесли самую обширную эпоху банкротств банков когда-либо известных в нашей стране. 4500 банков закрыли свои двери с начала работы резервной системы.

В некоторых западных городах были времена, когда все их банки прогорели, и некоторые из этих банков банкротились снова и снова. Разница в тенденции к банкротству между членами и нечленами Федеральной резервной системы была небольшая.

Выбор Уилсона первых членов Федеральной резервной системы не был особенно удачен. Они представляли собой смешанную группу, выбранную с конкретной целью удовлетворить те, эти, или иные крупные интересы. Поэтому не было странно, что назначенные использовали свои места, чтобы оплатить долги.

Когда Совет рассматривает резолюцию о том, что будущие члены резервной системы должны назначаться исключительно по своим заслугам, так как некоторые из их числа продемонстрировали некомпетентность, контролёр Джон Скелтон Уильямс предложил вычеркнуть слово “исключительно” и в этом он был поддержан советом. Включение определённых элементов (Варбург, Штраус и др.) в Совет дало возможность обслуживать специальные интересы, что позже привело к катастрофическим последствиям.

Президент Уилсон допустил ошибку, так, как он часто ошибался, предполагая, что пребывание на важном посту преобразует действующего и оживит его патриотизм.

Совет губернёров резервной системы достиг своей низкой отметки во времена Уилсона вследствие назначения члена, который был выбран за его способность получать делегатов для кандидата от демократов на пост президента. Тем не менее этот уровень был не на уровне подонков, достигнутым при президенте Хардинге.

Он назначил старого корешка, Д. Р. Криссингера (D. R. Crissinger), как губернёра, а также выдвинул других сверх-услужливых политиканов на другие места. Перед смертью он сделал всё возможное, чтобы испортить всё дело. Система неуклонно покатила вниз вплоть до наших дней.

Резервные Банки едва обрели свою начальную форму, когда стало очевидно, что банкиры на местах пытались использовать их в качестве средства проталкивать «любимых сыновей», то есть лиц, которые, с общего согласия, становились своего рода общей нагрузкой на банковское сообщество, или придурками различных видов.

Когда нужно было выбирать директоров, банкиры на местах часто отказывались голосовать, или, если они голосовали, голосовали по указке корреспондентов города.

При этих обстоятельства не могло быть и речи о популярном или демократическом контроле над резервными банками. Достаточной эффективности можно было достичь, если бы честные люди, сознавая их общественный долг, взяли бы на себя власть.

Если такие люди существовали, они не попали в совет гувернёров Федеральной резервной системы.

В одном из резервных банков сегодня главное управление находится в руках человека, который не провёл единого дня в его жизни, занимаясь современным банковским делом, а в другом резервном учреждении как гувернёр, так и председатель являются бывшими главами ныне несуществующих банков.

У них, естественно, высокий уровень провалов в их районе. В большинстве районов уровень эффективности, определяемой хорошими банковскими стандартами, позорно низок среди служащих исполнительной власти. Политика Федерального резервного банка Филадельфии известна в системе как «Друзья и родственники банков».

Во время получения военных прибылей в значительных количествах некто придумал тратить прибыли на феноменально дорогостоящие здания. Сегодня резервные банки должны держать целый миллиард долларов своих денег постоянно в работе просто для оплаты своих собственных расходов в обычное время.

Лучшей иллюстрацией того, что система сделала и не сделала служит опыт, который страна получила со спекуляцией в мае 1929 года. Три года до этого теперешний «бычий рынок» только набирал обороты. Осенью 1926 года группа банкиров, среди которых был один из всемирно известных имён, сидели за столом в отеле Вашингтона.

Один из них поднял вопрос о том, могут ли низкие процентные дисконты поощрять спекуляции.

“Да”, ответил известный банкир, “они будут, но тут ничего не поделаешь. Это цена, которую мы должны платить за помощь Европе”.

Вполне можно сомневаться в том, было ли поощрение спекуляций Советом ценной, заплаченной за помощь Европе или это цена, заплаченная, чтобы заставить определённый класс финансистов помочь Европе, но в любом случае европейские условия не должны иметь ничего общего с политикой Совета по дисконтам.

Дело в том, что федеральные резервные банки не вступают в контакт с сообществом.

“Маленький человек” от Мэна до Техаса постепенно втянулся в инвестирование своих сбережений в акции, в результате чего увеличивающийся прилив спекуляций, производимых всё с большей и большей скоростью захлестнул законную предпринимательскую деятельность в стране.

В марте 1928 года Рой А. Янг (Roy A. Young), губернёр ФРС, был вызван комитетом Сената. “Как вы думаете, кредиты брокеров слишком высоки?” спросили его.

“Я не готов говорить о том, слишком ли высоки или слишком низки кредиты брокеров”, он ответил, “но я убеждён, что они были сделаны безопасно и консервативно”.

Министр казначейства Меллон (Mellon) в официальном заявлении заверил страну, что они не были слишком высоки, и Кулидж, используя материалы, поставляемые ему Федеральной резервной системой, сделал простое заявление, что они не были слишком высокими.

Федеральная резервная система, на которую была возложена обязанность защищать интересы среднего человека, сделала всё от неё зависящее для заверения среднего человека, что он не должен тревожиться по поводу своих сбережений.

Однако 2 февраля 1929 года ФРС выпустила письмо директорам резервных банков, предостерегая их о серьезной опасности дальнейшей спекуляции.

Чего можно было ожидать от группы таких людей, которые состояли в совете директоров, людей, которые были исключительно заинтересованы в спокойной жизни, чтобы не было никакой опасности трений, отображающих аппетит крупного рогатого скота и собак к кредитам и похвалам, стремящихся только “стоять вместе” с “большими людьми”, которых они считали хозяевами американских финансов и банковского дела?»

Х. Паркер Уиллис опускает любые ссылки на лорда Монтегю Нормана и махинации Банка Англии, которые вот-вот должны были привести к краху 1929 года и Великой депрессии.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Великая депрессия

Р. Г. Хотри (R. G. Hawtrey), английский экономист, сказал в «American Economic Review» в марте 1926 года:

«Когда внешние инвестиции превышают резервы общих сбережений, инвестиционный рынок должен нести избыток денег, занятых у банков. Противоядие – контроль кредита путём роста учётной ставки».

Федеральная резервная система применяет этот контроль кредита, но не в 1926 г. и не как лечебное средство. Это не применяется до 1929 года, когда курс был поднят в качестве меры наказания, чтобы выдавить всех кроме больших трестов.

Профессор Кассель, в «Quarterly Journal of Economics» за август 1928 года, писал, что:

«Тот факт, что центральный банк не повышает учётную ставку в соответствии с фактическим положением рынка капиталов, сильно

повышает количество циклического движения торговли, со всеми его пагубными последствиями для социальной экономики.

Рациональное регулирование учётной ставки в наших руках, и может быть достигнуто только тогда, когда мы воспринимаем её важность и решаем применить такую политику. При регулировании банковской ставки на этих принципах, условия для возникновения торговых циклов будут радикально изменены, и в самом деле, знакомые нам циклы торговли уйдут в прошлое».

Это самое авторитетное когда-либо сделанное заявление, говорящее о том, что наши депрессии бизнеса создаются искусственно. Возникновение паники 1907 года, сельскохозяйственной депрессии 1920 года, и Великой депрессии 1929 года, все три произошедшие в урожайные годы и в периоды национального благосостояния, даёт основание считать, что эта предпосылка не плод гаданий.

Лорд Мейнард Кейнс (Lord Maynard Keynes) отметил, что большинству теорий делового цикла не удалось адекватно связать их анализ с механизмом денег.

Хотя любой обзор или изучение депрессии, которые не учитывают ряд таких факторов, как передвижение золота и давление на обмен иностранной валюты, будут бесполезны, американские экономисты всегда избегали эти вопросы.

Лига Наций добилась своей цели перевода стран Европы обратно на золотой стандарт к 1928 году, но три четверти золота мира было во Франции и Соединённых штатах. Проблема была в том, как передать это золото странам, которым оно было необходимо в качестве основы для денег и кредита. Ответ заключался в действиях Федеральной резервной системы.

После тайного совещания Федеральной резервной системы и глав центральных банков иностранных государств в 1927 году, федеральные резервные банки в течение нескольких месяцев удвоили свои запасы государственных ценных бумаг и акцептов, в результате чего пятьсот миллионов долларов золота было экспортировано в этом году.

Деятельность Системы на рынке понизила ставки денег онколь на фондовой бирже, и привела к экспорту золота. Иностранцы также воспользовались этой возможностью для покупки значительного количества государственных ценных бумаг из-за низких ставок денег онколь.

«Соглашение между Банком Англии и руководством Федеральной резервной системой Вашингтона много месяцев тому назад заключалось в том, что мы бы форсировали экспорт золота на 725 миллионов путём снижения учётной ставки здесь, тем самым помогая стабилизации Франции и Европе и переходу Франции на золотой стандарт»[89]. (20 апреля, 1928)

6 февраля 1929 г. Монтегю Норман, губернёр Банка Англии, приехал в Вашингтон и провёл совещание с Эндрю Меллон, министром финансов.

Сразу после этого таинственного визита совет губернёров ФРС резко изменил свою политику и ввёл высокую учётную ставку, отказ от политики дешёвых денег, которую он начал в 1927 году после другого визита г-на Нормана.

Обвал фондового рынка и дефляция финансовой структуры американского народа было намечено провести в марте. Чтобы сдвинуться с мертвой точки, Пол Варбург дал официальное предупреждение торговцам, чтобы те ушли с рынка. В своём годовом докладе акционерам его международного банка акцептов, в марте 1929 года, г-н Варбург сказал:

«Если оргии безудержной спекуляции разрешат распространяться, окончательный крах наверняка не только повлияет на самих спекулянтов, но и приведёт к общей депрессии с всей страны».

В течение трёх лет «безудержной спекуляции», г-н Варбург не счёл нужным делать какие-либо замечания о состоянии фондовой биржи. Дружественный орган, Нью-Йорк Таймс, не только отпустил на отчёт две колонки на страницах газеты, но в редакционном комментарии отметил мудрость и глубину замечания г-н Варбурга.

Обеспокоенность г-на Варбурга была подлинной, потому что пузырь фондового рынка вздулся гораздо больше, чем было задумано, и банкиры опасались последствий, если люди поймут, что происходит.

Когда этот отчёт в Нью-Йорк Таймс развязал внезапную волну продаж на бирже, банкиры бросились в панику, и было решено немного облегчить рынок. Соответственно, National City Bank Варбурга бросил двадцать пять миллионов долларов наличными на рынок онколь, и отсрочил день краха.

Откровение окончательного решения Федеральной резервной системы развязать кризис 1929 года появилось, на удивление, в Нью-Йорк Таймс. 20 апреля 1929 года «Таймс» громогласно объявил: «Тайное совещание Федерального консультативного совета в Вашингтоне. Резолюции были приняты советом и передаются совету губернёров, но их держат в строгой тайне.

Действия как совета губернёров, так и консультативного совета были окружены атмосферой глубокой тайны. Были приложены все усилия, чтобы засекретить работу этой внеочередной сессии. Корреспондентам газет были даны уклончивые ответы».

Только совет «святая-святых» лондонской смычки знал, что на этом «тайном совещании» было решено опустить занавес на наибольший спекулятивный бум в американской истории. Знающие бросились продавать все спекулятивные акции и вкладывать свои деньги в государственные облигации.

Те, кто не был посвящён в эту секретную информацию, а среди них были некоторые из самых богатых людей в Америке, продолжали держать свои спекулятивные акции и потеряли всё, что у них было.

В «FDR, My Exploited Father-in-Law» полковник Кертис Б. Далл (Curtis B. Dall), который был брокером на Уолл-стрит в то время, пишет о крахе: «На

самом деле это была рассчитанная “стрижка” публики силами мировых денег, вызванная спланированной внезапной нехваткой онколь денег на денежном рынке Нью-Йорка»[90].

В один день Федеральная резервная система подняла учётную ставку до двадцати процентов. Не в состоянии платить такие проценты, единственной альтернативой спекулянтов было выпрыгнуть из окна.

Ставка нью-йоркского Федерального резервного банка, которая диктовала национальную процентную ставку, стала шесть процентов с 1 ноября 1929 года. После того как инвесторы были обанкрочены, она упала на один с половиной процента с 8 мая 1931 года.

Конгрессмен Райт Патман в «A Primer On Money» говорит, что с 1929 по 1933 год денежная масса сократилась на восемь миллиардов долларов, в результате чего 11630 банков из общего числа 26401 в США обанкротились и закрыли свои двери.

Федеральная резервная система заранее (6 февраля 1929 года) предупредила акционеров федеральных резервных банков уйти с рынка, но она не удосужилась сказать что-нибудь для остальных людей. Никто не знал, что происходит, за исключением банкиров Уолл-Стрит, которые заправляли всем спектаклем.

Передвижения золота были полностью ненадежны. Quarterly Journal of Economics отметил, что:

«Был поднят вопрос, и не только в нашей стране, но в ряде европейских стран о том, точны ли записи таможенной статистики о передвижении драгоценных металлов, и, когда исследование было сделано, доверие к таким цифрам было ослаблено, а не усилено.

Любое движение между Францией и Англией, например, должно быть записано в каждой стране, но такое сравнение показывает среднегодовое расхождение в пятьдесят миллионов франков для Франции и восемьдесят пять миллионов франков для Англии. Эти огромные расхождения никак не объясняются».

Достопочтенный Реджинальд МакКенна (Reginald McKenna) заявил, что:

«Исследование отношений между изменениями в золотом запасе и движением в уровнях цен показывает, что должно быть очевидным, но отнюдь не осознано, что золотой стандарт ни в каком смысле не автоматический в действии. Золотой стандарт может быть, и есть, управляемым и контролируемым в интересах небольшой группы международных трейдеров».

В августе 1929 года ФРС подняла ставку до шести процентов. Банк Англии в следующем месяце повысил ставку с пяти с половиной процентов до шести с половиной процентов. Д-р Фрайдей (Friday) в «Review of Reviews» за сентябрь 1929 года не смог найти никаких причин для действий Совета:

«Заявление Федеральной резервной системы от 7 августа 1929 года показывает, что признаков неадекватности требований на осень не

существует. Золотых ресурсов значительно больше, чем в предыдущем году, и золото продолжает прибывать, вызывая финансовые затруднения Германии и Англии.

Причины действия совета следует искать в другом месте. Общественности был дан лишь намёк, что «Эта проблема представила трудности из-за определённых специфических условий».

Все причины, которые губернёр Янг указал для снижения учётной ставки в прошлом году, существуют сейчас. Увеличение ставки означает, что не только есть опасность привлечения золота из-за рубежа, но что импорт жёлтого металла налицо уже в течение последних четырёх месяцев. Чтобы сделать нечто, чтобы подчеркнуть это, следует принять ответственность за создание кредитной дефляции на всемирной арене».

Таким образом, мы находим, что Федеральная резервная система не только ответственна за Первую мировую войну, которая стала возможна благодаря способности США финансировать союзников, но его политика привела к всемирной депрессии 1929-31 гг. Губернёр Адольф С. Миллер заявил на исследовании Сенатом Федеральной резервной системы в 1931 году, что:

«Если бы у нас не было Федеральной резервной системы, я не думаю, что мы изначально могли бы иметь такую плохую спекулятивную ситуацию».

Картер Гласс ответил: "Вы ясно дали понять, что Федеральная резервная система создала потрясающую кредитную экспансию этими операциями на открытом рынке».

Эммануэль Гольденвейзер сказал: «В 1928-29 гг. Федеральный совет губернёров пытался сдерживать быстрый рост займов на ценные бумаги и спекуляций на рынке. Преемственность этой политики сдерживания, однако, была прервана сокращением ставок осенью 1928 и летом 1929 года».

У обоих Дж. П. Моргана и Кун, Лёб Ко. был «предпочтительный список» людей, которым они рассылали заблаговременные извещения о прибыльных акциях. Людям из этого списка было разрешено приобретать эти акции по себестоимости, то есть, от 2 до 15 очков меньше за каждую акцию, чем они продавались остальным.

Люди в этих списках были друзья-банкиры, видные промышленники, влиятельные политиканы города, национальные комитетчики республиканской и демократической партий и правители иностранных государств.

Люди в этих списках были уведомлены о предстоящем крахе, и продали всё, кроме так называемых «акций с золотым обрезом»: General Motors, Dupont и т. д. Цены на эти акции также упали до рекордно низкого уровня, но они быстро оправались.

То, как крупные банкиры работали в 1929 г., раскрывается в Newsweek от 30 мая 1936 года, когда назначенный Рузвельтом Ральф У. Моррисон (Ralph W. Morrison), подал в отставку из Федеральной резервной системы:

«Консенсус гласит, что Федеральная резервная система потеряла способного человека. Он продал свои акции компании тexasских коммунальных услуг Инсуллу на десять миллионов долларов, а в 1929 году созвал совещание и приказал его банкам прекратить все займы под ценные бумаги к 1 сентября. Как результат, они с честью перенесли депрессию».

Как и следовало ожидать, все крупные банкиры перенесли депрессию «с честью». Пострадали рабочие и фермеры, которые вложили свои деньги в «скоро-богачейные» акции, после того как президент Соединённых штатов, Кальвин Кулидж и министр финансов Эндрю Меллон убедили их сделать это.

Предупреждения о приближающейся катастрофе были в газетах Англии, которых американцы никогда не видели. «The London Statist» от 25 мая 1929 писал:

«Банковские руководители в Соединённых штатах, по-видимому, хотят устроить бизнес панику, чтобы пресечь спекуляцию».

«The London Economist» от 11 мая 1929 года сказал:

«События последнего года ознаменовались началом новой техники, которая, если будет поддерживаться и дорабатываться, может добиться успеха в “нормировании спекулянта, не нанеся вреда трейдеру”».

Гувернёр Чарльз С. Хамлин цитирует это заявление на слушаниях Сената в 1931 году и сказал, в подтверждение этого:

«Это было чувство некоторых членов Совета – брать кредиты Федеральной резервной системы у спекулянта, не рана трейдера».

Гувернёр Хамлин не потрудился указать, что «спекулянты», которых он решил прижать, были школьные учителя и мелкие торговцы малых городов, которые вложили свои сбережения в фондовый рынок, или, что «трейдеры», которых он пытался защитить были большие дельцы Уолл-стрит, Бернард Барух и Пол Варбург.

Когда Федеральный резервный банк Нью-Йорка 9 августа 1929 года поднял ставку до шести процентов, создались рыночные условия, которые привели к огромным заказам продавать с 24 октября до начала ноября, которые уничтожили на сто шестьдесят миллиардов долларов ценных бумаг.

Это были сто шестьдесят миллиардов, которые американские граждане имели в данный месяц и лишились на следующий. Некоторое представление о бедствии можно получить, если мы вспомним, что наши огромные затраты денег и товаров во Второй мировой войне составили не более чем двести миллиардов долларов, и из которых много чего осталось в виде ценных бумаг государственного долга.

Обвал фондового рынка является величайшим несчастьем, которое когда-либо обрушивалось на Соединённые штаты.

Академия политических наук Колумбийского университета на своём ежегодном совещании в январе 1930 года провела анализ кризиса 1929 года. Вице-президент Пол Варбург должен был председательствовать, а директор Огден Миллс играть важную роль в обсуждении. Однако, эти два джентльмена не явились.

Профессор Оливер М. В. Спраг (Oliver M. W. Sprague) из Гарвардского университета заметил о крахе:

«Мы имеем дело с прекрасным лабораторным случаем фондового рынка, упавшего, по-видимому, от его собственного веса».

Было отмечено, что не было исчерпания кредита, как в 1893 году, или какого-либо валютного голода, как в Панике 1907 года, когда нужно было прибегать к посредническим сертификатам, ни краха цен на сырьевые товары, как в 1920 году. Что же вызвало крах? Люди купили акции по высокой цене и ожидали, что цены будут продолжать расти.

Но цены должны были спуститься вниз, и они это сделали. Для экономистов и банкиров, собравшихся выпить коньяка и покурить сигары в отеле Astor было очевидно, что виноваты были люди. Конечно, люди сделали ошибку в покупке дорогостоящих ценных бумаг, но их уговорили все ведущие граждане, начиная с президента Соединённых штатов.

Каждый журнал с национальным тиражом, каждая большая газета, и каждый выдающийся банкир, экономист и политик, присоединились к большой мошеннической игре, призывая людей покупать эти бумаги по завышенным ценам.

Когда Федеральный резервный банк Нью-Йорк в августе 1929 года поднял ставку до шести процентов, люди стали уходить с рынка, что превратилось в панику, которая заставила цены ценных бумаг пойти вниз гораздо ниже их естественного уровня.

Как и в предыдущие паники, это позволило как Уолл-стрит, так и зарубежным «знающим» дельцам, набрать «голубых фишек» и ценных бумаг с «золотым обрезом» за малую долю их реальной стоимости.

Крах 1929 года также охарактеризовался образованием гигантских холдингов которые подобрали эти дешёвые облигации и ценные бумаги, такие как Marine Midland Corporation, the Lehman Corporation, и the Equity Corporation.

В 1929 году J.P. Morgan компания организовала гигантский трест продуктов питания, Standard Brands. Была непревзойденная возможность для дельцов трестов, чтобы увеличить и консолидировать свои активы.

Эммануэль Гольденвейзер, директор по исследованиям Федеральной резервной системы в 1947 году говорит:

«Очевидно, в ретроспективе, что совет гувернёров должен был игнорировать спекулятивное расширение и позволить ему развалиться от своего собственного веса».

Это признание ошибки восемнадцать лет после этого события было слабым утешением для людей, которые потеряли свои сбережения в этой катастрофе.

Крах Уолл-стрит 1929 года стал началом кредитной дефляции во всём мире, которая продолжалась до 1932 г., и от которой западные демократии не отошли, пока они не начали перевооружаться для Второй мировой войны.

Во время этой депрессии операторы трестов добились дальнейшего контроля путём поддержки трёх международных мошенников, братьев Ван Сверинген (Van Sweringen), Самуил Инсулл (Samuel Insull) и Ивар Крюгер (Ivar Kreuger). Эти люди создали пирамиды миллиардов долларов ценных бумаг фантастических высот.

Банкиры, которые способствовали им и раскручивали выпуски их акций, могли остановить их в любое время, требуя погашения займов менее чем на миллион долларов, но они дали этим людям делать их дело пока они не прикарманили многие промышленные и финансовые фирмы, которые банки взяли себе ни за что.

Инсулл нахватал общественных фирм коммунальных услуг всего Среднего Запада, которые банки получили за долю их стоимости. Ивар Крюгер был поддержан Lee Higginson Company, предположительно одним из наиболее авторитетных банковских домов в стране.

«The Saturday Evening Post» назвал его «более чем финансовым титаном», а английский журнал «Fortnightly» в статье, написанной в декабре 1931 г., под названием «Глава по конструктивным финансам», заявил: «Это вроде того, когда финансовый ороситель, которым стал Крюгер, начнёт играть для Европы жизненно важную роль»^[90a].

«Финансовый ороситель», мы помним, был титул, дарованный Якову Шиффу Newsweek Magazine, когда он описал, как Шифф скупил американские железные дороги на деньги Ротшильда.

«The New Republic» отметил 25 января 1933 г., когда он прокомментировал тот факт, что Lee Higginson Company проталкивала ценные бумаги Крюгера и Toll на американском рынке:

«Было сбыто три четверти миллиарда долларов. Кто был в состоянии диктовать французской полиции хранить в тайне новости этого чрезвычайно важного самоубийства в течение нескольких часов, во время которых кто-то продал ценные бумаги Крюгера в больших количествах, тем самым выйдя из рынка, прежде фиаско?»

Федеральная резервная система могла предотвратить огромное расширение кредита Инсулла и Крюгера, расследуя ценные бумаги, на основании которых были сделаны займы, но губернёры никогда не изучали деятельность этих людей.

Современный банк с его ресурсами кредитов даёт возможность, которая ранее не существовала, таким дельцам, как Крюгер, чтобы произвести впечатление большого капитала с помощью заёмного капитала.

Это позволяет спекулянтам покупать ценные бумаги на ценные бумаги. Единственное ограничение на сумму, которую он может отхватить, является сумма, на которую банки его поддержат и, если спекулянта продвигает авторитетный банкирский дом, как Крюгер был продвинут Lee Higginson Company, единственно, как он может быть остановлен, будет по расследованию его реальных финансовых ресурсов, которые в случае Крюгера оказались бы нулевыми.

Руководителем американского народа во время краха 1929 года и последующей депрессии был Герберт Гувер. После первого срыва рынка (пять миллиардов долларов в ценных бумагах, которые исчезли 24 октября 1929 г.) Президент Гувер заявил:

«Фундаментальный бизнес страны, то есть производство и распределение товаров, покоится на твёрдой и процветающей основе».

Его министр казначейства Эндрю Меллон заявил 25 декабря 1929 года, что:

«Дела правительства находятся в хорошем состоянии» .

Его собственный бизнес, Aluminum Company of America, очевидно, не шёл так хорошо, потому что он снизил зарплату всех сотрудников на десять процентов.

Нью-Йорк Таймс сообщил 7 апреля 1931 года, «Монтегю Норман, гувернёр Банка Англии, совещался сегодня с советом гувернёров Федеральной резервной системы. Присутствовали Меллон, Мейер и Джордж Л.Харрисон, гувернёр Федерального резервного банка Нью-Йорка».

Лондонская смычка послала Нормана в этот момент, чтобы убедиться, что Великая депрессия идёт по расписанию. Конгрессмен Луи Макфадден жаловался, как сообщалось в Нью-Йорк Таймс от 4 июля 1930 года: «Цены на сырьевые товары снижаются до уровня 1913 года.

Заработная плата сокращается из-за избытка рабочей силы в четыре миллиона безработных. Контроль Моргана ФРС осуществляется путём контроля Федерального резервного банка Нью-Йорка, слабых представителей и молчаливого согласия совета гувернёров ФРС в Вашингтоне». По мере углубления депрессии, захват американской экономики трестами окреп, но никто не указал на тех, кто контролировал систему.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1930-е годы

В 1930 году Герберт Гувер назначил в совет гувернёров Федеральной резервной системы своего старого приятеля времён Первой мировой войны, Юджина Мейера-младшего, который имел длинный послужной список на государственной службе, начиная с 1915 года, когда он вошёл в партнёрстве с Бернардом Барухом в Alaska-Juneau Gold Mining Company. Мейер был особым советником при Совете военной промышленности по цветным металлам (золото, серебро и др.).

Особым помощником военного министра по производству самолетов; в 1917 он был назначен в Национальный комитет по военным сбережениям и был назначен председателем военной финансовой корпорации с 1918 по 1926 гг. Затем он был назначен председателем совета директоров Федеральных фермерских займов с 1927 по 1929 гг. Гувер назначил его в совет гувернёров Федеральной резервной системы в 1930 году.

А Франклин Д. Рузвельт создал для него Корпорацию финансовой реконструкции в 1932 году и он возглавил банк реконструкции и развития в 1946 году. Мейер, должно быть, был человек с исключительной способностью удерживать так много важных назначений.

Тем не менее, были некоторые сенаторы, которые считали, что он не должен занимать никаких правительственных должностей, из-за его семейного прошлого в качестве международного торговца золотом и его таинственных операций в миллиарды долларов с государственными ценными бумагами в Первой мировой войне. Соответственно, Сенат провёл слушания, чтобы определить пригодность Мейера быть в совете гувернёров Федеральной резервной системы.

На этих слушаниях представитель Луис Т. Макфадден, председатель банковского и валютного комитета палаты представителей, сказал:

«Юджин Мейер-младший имел своих ребят в правительстве, так как он начал в 1917 году. Его персонал из военной финансовой корпорации захватил систему Федеральных фермерских займов, и почти сразу же после этого акционерные земельные банки Канзас-Сити и Огайо потерпели крах».

«ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РЕЙНИ (RAINEY): Когда г-н Мейер номинально подал в отставку с поста главы совета директоров Федеральных фермерских займов, на самом деле он не прекратил свою деятельность там. Он оставил после себя крепкую группу злоумышленников. Они продолжают его политику и советуются с ним.

До своего назначения он часто консультировался с помощником министра финансов Дьюи (Dewey). Прямо перед его назначением Chicago Joint Land Stock Bank, the Dallas Joint Stock Land Bank, the Kansas City Joint Land Stock Bank, and the Des Moines Land Bank – все нормально функционировали.

Их облигации продавались по номинальной стоимости. Затем комиссар Федеральных фермерских займов договорился с министром Дьюи, что ничего не будет делаться без согласия и утверждения совета директоров Федеральных фермерских займов. Несколько дней спустя маршалы [спецназ] Соединённых штатов, с пистолетами в кобурах, а то и в руках, ворвались в эти пять банков и потребовали, чтобы банки были переданы им.

Через газеты это стало известно во всех уголках Соединённых штатов, и эти банки были разорены. Это привело к разрыву со старым советом директоров Федеральных фермерских займов, и к отставке трёх его членов, а также к назначению г-на Мейера руководителем этого совета.

СЕНАТОР КЕРИ: Кто санкционировал маршалов захватить банки?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РЕЙНИ: Помощник министра казначейства Дьюи. Этим началось разорение всех этих сельских банков, и Gianninis скупил их в большом количестве».

World's Work за февраль 1931 года заявил:

«Когда для нас в 1917 году началась мировая война, г-н Юджин Мейер-младший был одним из первых вызванных в Вашингтон. В апреле 1918 года президент Уилсон назначил его директором Корпорации военных финансов. Эта корпорация ссудила 700 миллионов долларов банковским и финансовым учреждениям».

Сенатские слушания о Юджине Мейере-младшем продолжались следующим образом:

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МАКФАДДЕН: «Lazard Freres, международный банкирский дом в Нью-Йорке и Париже, был семейным банковским домом Мейера. Он часто фигурирует в импорте и экспорте золота, а одной из важных функций Федеральной резервной системы являются сделки с золотом в поддержание своей деятельности.

Просматривая протокол слушаний за прошлый четверг, сенатор Флетчер (Fletcher) спросил г-на Мейера: “Есть ли у вас связи с международной банковской системой?” Г-н Майер ответил: “У меня? Не лично”. Этот последний вопрос и ответ не появляются в стенографическом протоколе. Сенатор Флетчер помнит как он задал вопрос и ответ на него. Это странное упущение.

СЕНАТОР БРУКХАРТ: Насколько я понимаю, г-н Мейер просмотрел его для правки.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МАКФАДДЕН: Г-н Мейер является зятем Джорджа Блюменталя (George Blumenthal), члена фирмы J. P. Morgan, которая представляет интересы Ротшильдов. Он также является офицером связи между французским правительством и J. P. Morgan. Эдмунд Платт (Edmund Platt).

Которому предстояло служить восемь лет из его срока в десять лет в качестве гувернёра Федеральной резервной системы, подал в отставку, чтобы освободить место для г-на Мейера. Платта устроил вице-президентом корпорации Marine Midland Corporation зять Мейера Альфред А. Кук (Alfred A. Cook).

Юджин Мейер-младший, в качестве главы Корпорации военных финансов, занимался размещением двух миллиардов долларов правительственных ценных бумагах, поместил многие из этих заказов первым делом в банкирский дом, в настоящее время находящийся по адресу Уолл-стрит 14 под именем Юджин Мейер-младший. Г-н Мейер в настоящее время является крупным акционером Allied Chemical Corporation.

Я обращаю Ваше внимание на отчёт палаты представителей № 1635, 68-го Конгресса, 2-й сессии, который показывает, что по меньшей мере двадцать четыре миллиона долларов облигаций были дублированы.

Десять миллиардов долларов облигаций тайно уничтожены. Наш комитет по банкам и валюте установил, что книги Корпорации военных финансов, которой руководил Юджин Мейер-младший, крайне недоброкачественны. Хотя книги представлялись нашему Комитету людьми, которые были их хранителями и доставлялись обратно в казначейство вечером, комитет обнаружил, что в перманентных записях делались изменения».

Отчёт о государственной службе не помешал Юджину Мейеру-младшему продолжать служить американскому народу в совете губернёров Федеральной резервной системы, в качестве председателя Корпорации реконструкции финансов и в качестве главы Международного банка.

Президент Marine Midland Corporation Рэнд (Rand), когда его спросили о его внезапном желании воспользоваться услугами Эдмунда Платта, сказал:

«Мы платим г-ну Платту 22.000 долл. в год, и мы, естественно, приняли его секретаря». Это означало ещё пять тысяч в год.

Сенатор Брукхарт показал, что Юджин Мейер-младший руководил советом директоров Федеральных фермерских займов во вред интересам американских фермеров, говоря:

«Г-н Мейер никогда не раздал займы более чем 180 миллионов долларов из капитала в 500 миллионов долларов Федеральных фермерских займов, так что в помощь фермерам он даже не был в состоянии использовать половину капитала».

Г-Н МЕЙЕР: Сенатор Кеньон (Kenyon) написал мне письмо, которое показывает, что я сотрудничал с большой пользой для жителей штата Айова.

СЕНАТОР БРУКХАРТ: «Вы вышли и стали в оппозицию дельцам Уолл-стрит. Они всегда посылают кого-нибудь так делать. Я всё ещё не обнаружил в ваших заявлениях большой заинтересованности в предоставлении займов для фермеров в целом, или каких-либо реальных усилий, чтобы помочь им.

В течение ваших двух лет в качестве главы совета директоров Федеральных фермерских займов вы дали очень мало кредитов по сравнению с Вашим капиталом. Вы выделили займов всего лишь на одну восьмую часть запросов, согласно вашим собственным заявлениям».

Несмотря на избличающие улики, выявленные на этих слушаниях Сената, Юджин Мейер-младший остался в совете губернёров ФРС.

В этот трагический период председатель Комитета палаты представителей по банкам и валюте Луи Макфадден продолжал свой одинокий крестовый поход против «лондонской смычки», которая разрушала страну. 10 июня 1932 года, Макфадден обратился к Палате представителей:

«Некоторые люди думают, что банки Федеральной резервной системы являются государственными учреждениями Соединённых штатов. Они не государственные учреждения. Они являются частными кредитными монополиями, которые грабят американский народ в интересах их самих и их иностранных клиентов.

Банки Федеральной резервной системы являются агентами иностранных центральных банков. Генри Форд сказал: “Одна из целей этих финансистов – мировой контроль и создание неоплатных долгов”.

Истина заключается в том, что Федеральная резервная система узурпировала правительство Соединённых штатов в качестве наглой монополии кредита, которая заведует Федеральной резервной системой и федеральными резервными банками».

13 января 1932 года, Макфадден представил резолюцию, обвиняя совет губернёров Федеральной резервной системы в «преступном заговоре»:

«Соответственно, я обвиняю их, взятых вместе и в одиночку, в преступлении, состоящем в предательском заговоре и действиях против мира и безопасности Соединённых штатов и в предательском заговоре с целью уничтожить конституционное правительство Соединённых штатов.

Решено, что Комитету по юридическим вопросам даётся право и указание в целом или подкомитету расследовать официальное поведение совета губернёров и агентов Федеральной резервной системы и определить, по мнению вышеуказанного Комитета, являются ли они виновны в некоем уголовном преступлении или правонарушении, которые в глазах Конституции требуют применения конституционных полномочий Палаты представителей».

По данной резолюции не было принято никакого решения. Макфадден вернулся 13 декабря 1932 года с предложением импичмента президента Герберта Гувера. Только пятеро конгрессменов поддержали его по этому вопросу, и резолюция не прошла. Лидер республиканского большинства палаты отметил, что «Луис Т. Макфадден теперь политически мёртв».

23 мая 1933 года, Макфадден представил в палате представителей резолюцию № 158, статьи импичмента в отношении министра финансов, двух помощников министра финансов, Совета губернёров Федеральной резервной системы и должностных лиц и губернёров федеральных резервных банков за их вину и сговор в создании Великой депрессии.

«Я обвиняю их в незаконном захвате более 80 миллиардов долларов правительства Соединённых штатов в 1928 году, состоящем из незаконного представления претензий к казначейству США и за каждый последующий год, и за ограбление правительства и народа Соединённых штатов, их хищение и продажу золотого запаса США».

Резолюция не дошла до голосования. Против Макфаддена была развязана кампания сплетен в Вашингтоне, и на следующих выборах в Конгресс он потерпел сокрушительное поражение, благодаря тысячам долларов, подкинутым в его округ Кантон, штат Пенсильвания.

В 1932 году американский народ избрал Франклина Д. Рузвельта президентом США. Это было воспринято как освобождение американского народа от злого влияния, которое привело к Великой депрессии, окончание господства Уолл-стрит, и исчезновение банкира из Вашингтона.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ГИФФОРД (GIFFORD): Не был ли Джо Кеннеди назначен [в качестве председателя Комитета ценных бумагах] президентом Рузвельтом потому, что он с симпатией относится к большому бизнесу?

LEON ХЕНДЕРСОН: Я думаю да.

Пол Айнциг отметил, что в 1935 году:

«Президент Рузвельт был первым, кто открыто высказался в пользу денежной политики, направленной на специально разработанный рост цен. В отрицательном смысле слова его политика была успешной. Между 1933 и 1935 гг. ему удалось сократить задолженность частного сектора, но это было сделано за счёт увеличения государственной задолженности.»

Другими словами, он облегчил бремя долгов с богатых на бедных, так как богатых не так много, а бедных много.

Сенатор Роберт Л. Оуэн, свидетельствуя в Комитете палаты представителей по банкам и валюте в 1938 году, сказал:

«Я вписал в законопроект, который был представлен мною Сенату 26 июня 1913 года, положение, что полномочия Системы должны использоваться в целях поощрения стабильного уровня цен, что означало доллар со стабильной покупательной и платёжной способностью. Это было вычеркнуто. Могущественные денежные интересы захватили контроль в совете губернёров Федеральной резервной системы через г-на Пола Варбурга, г-на Альберта Штрауса и г-на Адольфа С. Миллера.

И они смогли устроить тайное совещание 18 мая 1920 года, и добиться такого сильного сокращения кредита, что пять миллионов человек остались без работы. В 1920 году совет губернёров резерва умышленно устроил панику 1921 года.

Те же люди, ничем не сдерживаемые на фондовом рынке, путём расширения кредита в большом избытке между 1926 и 1929 гг., подняли цены на акции до фантастической точки, где они никаким образом не могли заработать дивиденды, и когда люди осознали это, они пытались выйти, в результате чего 24 октября 1929 года произошёл крах».

Сенатор Оуэн не стал вдаваться в вопрос о том, может ли Федеральная резервная система нести ответственность перед общественностью. На практике они не могут. Они – государственные должностные лица, назначаемые президентом, но их зарплаты выплачиваются частными акционерами федеральных резервных банков.

Губернёр Федеральной резервной системы В. П. Г. Хардинг (W. P. G. Harding) в 1921 году показал, что:

«Федеральный резервный банк является учреждением, принадлежащим банкам-акционерам. У правительства в нём нет и одного доллара акций».

Тем не менее, правительство предоставляет Федеральной резервной системе использование его кредита в миллиарды долларов, и это даёт Федеральной резервной системе её характеристику центрального банка, с полномочиями эмиссии по кредитам правительства.

У нас нет банкнот федерального правительства, или золотых сертификатов в качестве денег. У нас есть банкноты Федерального резервного банка, выпущенные федеральными резервными банками, и каждый доллар, который они печатают, это доллар в их кармане.

В. Рэндольф Берджесс (W. Randolph Burgess) из Федерального резервного банка Нью-Йорка, заявил в академии политических наук в 1930 году, что:

«В своих основных принципах работы Федеральная резервная система ничем не отличается от других эмиссионных банков, таких, как Банк Англии, Банк Франции, или Рейхсбанк».

Все эти центральные банки имеют право эмиссии в своих соответствующих странах. Таким образом, люди не владеют деньгами в Европе, как они не владеют ими и здесь. Они печатаются частными лицами для извлечения частной прибыли. У людей нет суверенитета над своими деньгами, и получилось так, что они не имеют суверенитета над другими основными политическими вопросами, как внешняя политика.

Как центральный эмиссионный банк, Федеральная резервная система поддерживается огромным богатством американского народа. Когда она начала свою деятельность в 1913 году, она создала серьёзную угрозу для центральных банков бедных стран Европы.

Так как она опиралась на это большое богатство, она привлекала гораздо больше золота, чем было бы желательно в 1920-х годах, и было очевидно, что скоро всё золото мира будет собрано в этой стране.

Это превратило бы золотой стандарт в насмешку в Европе, потому что у них не было бы золота для обеспечения их эмиссии денег и кредита. После тайной встречи с главами иностранных центральных банков общепризнанной целью Федеральной резервной системы в 1927 году стало отправить большие количества золота в Европу.

И в качестве метода достижения этой цели были низкая процентная ставка и большие закупки государственных ценных бумаг, что создало огромные суммы новых денежных средств, усиление спекуляций на фондовом рынке, крах фондового рынка и, как следствие, национальное бедствие депрессии.

Так как Федеральная резервная система была виновна в причинении этого бедствия, мы могли бы предположить, что они пытались бы облегчить его. Вместе с тем, в тяжёлые годы 1931-1932 гвернёры Федеральной резервной системы видели ухудшение бедственного положения американского народа, но ничего не сделали, чтобы помочь им.

Это было большим преступлением, чем первоначальное уголовное развязывание депрессии. Любой, кто пережил те годы в этой стране, помнят массовую безработицу, нищету и голод нашего народа. В любое время в течение этих лет Федеральная резервная система могла бы действовать, чтобы облегчить эту ситуацию.

Проблема была в том, чтобы снова запустить деньги в оборот. Так много денег, обычно используемых для оплаты аренды и питания, было всосано в Уолл-стрит, что не было денег на поддержание жизни. Во многих районах люди печатали свои собственные деньги на древесине и бумаге для использования в своих общинах, и эти деньги были надёжны, так как они являлись обязательствами друг к другу, которые люди выполняли.

Федеральная резервная система была центральным эмиссионным банком. Она имела власть и пользовалась ею, когда это устраивало её владельцев, выпускать миллионы долларов денег. Почему это не было сделано в 1931 и 1932 гг.? Банкиры Уолл-стрит хотели разделаться с г-ном Гербертом Гувером, и они хотели, чтобы Франклин Д. Рузвельт пришёл на волне славы, как спаситель нации.

Поэтому американский народ должен был голодать и страдать до марта 1933 года, когда Белый рыцарь приехал в со своими ребятами-взятодателями с Уолл-стрит и запустил деньги в оборот. Это было всё, что было нужно.

Как только г-н Рузвельт занял свой пост, Федеральная резервная система начала скупать государственные ценные бумаги в размере десяти миллионов долларов в неделю в течение десяти недель, и создала сто миллионов долларов новых денег, которые облегчили критический голод денег и кредита, и заводы снова начали нанимать людей.

Во время администрации Рузвельта, советом губернёров Федеральной резервной системы, с точки зрения общественности, являлся Марринер Эклс (Marginer Eccles), подражатель и поклонник «хозяина». Эклс был банкиром из штата Юта, президентом First Securities Corporation, семейного треста инвестиций, состоящего из ряда банков, которые Эклс купил по дешёвке во время сельскохозяйственной депрессии 1920-21 гг.

Эклс также был директором таких корпораций как Pet Milk Company, Mountain States Implement Company, and Amalgamated Sugar. Как большой банкир, Эклс хорошо спелся с группой влиятельных людей, которые руководили Рузвельтом.

В Конгрессе обсуждался вопрос о пригодности Эклса служить в ФРС одновременно с владением всех этих банков в штате Юта, но он показал, что он имеет очень мало общего с корпорацией First Securities кроме того, что он является её президентом, и поэтому он был утверждён в должности председателя совета директоров.

Юджин Мейер-младший теперь вышел из состава Совета, чтобы тратить больше своего времени на кредитование двух миллиардов долларов капитала Корпорации финансовой реконструкции, и на определение стоимости залога его собственными методами.

Закон о банковской деятельности 1935 года, который значительно увеличил власть Рузвельта над финансами страны, был составной частью законодательства, которое он предложил, чтобы увеличить свой контроль над Соединёнными штатами. Этот закон не встретил такой оппозиции от народа, как закон о национальном восстановлении, потому что в нём не было таких явных нарушений их свобод.

Однако он был важной мерой. Прежде всего, он продлил срок полномочий совета гувернёров Федеральной резервной системы до четырнадцати лет, или в три с половиной раза длиннее срока полномочий президента. Это означало, что президент, вступающий в должность, который мог бы быть враждебным к совету, не мог назначить в нём большинство, которое было бы благоприятным для него.

Таким образом, денежно-кредитная политика, ведущаяся до вступления президента в Белый дом, будет продолжаться независимо от его желания.

Закон о банковской деятельности 1935 года также отменил положение закона Гласса-Стигалла о банковской деятельности 1933 года об условии, что банкирский дом не может быть на фондовой бирже, и также принимать участие в инвестиционной банковской деятельности.

Это положение было хорошим, так как оно не давало возможности банкирскому дому кредитовать корпорации, которые являлись его собственностью.

Тем не менее следует помнить, что это положение прикрыло некоторые другие положения этого закона, как создание Федеральной корпорации страхования депозитов, предоставляющей страховое возмещение на сумму 150 миллионов долларов, чтобы гарантировать пятнадцать миллиардов долларов депозитов.

Это увеличивало власть крупных банкиров над более мелкими банками и дало им ещё один повод, чтобы расследовать их. Закон о банковской деятельности 1933 года также постановил, что все доходы федеральных резервных банков по закону должны идти самим банкам. Наконец положение закона, что доля правительства в прибыли была уничтожена.

Это положение никогда не соблюдалось, и увеличение активов федеральных резервных банков со 143 миллионов долларов в 1913 году до 45 миллиардов долларов в 1949 году полностью пошло частным акционерам банков.

Таким образом, единственное конструктивное положение закона о банковской деятельности 1933 года было отменено в 1935 году, а также Федеральным резервным банкам теперь разрешалось занимать деньги непосредственно промышленности, конкурируя с банками-членами, которые не могли надеяться противопоставить их возможности организации крупных кредитов.

Когда положение, что банки не могут одновременно участвовать в инвестиционно-банковской деятельности и работать на фондовой бирже было отменено в 1935 году, Картер Гласс, автор этого положения, ответил на вопрос журналистов:

«Значит ли это, что Дж. П. Морган может вернуться к инвестиционно-банковской деятельности?»

«Ну, почему бы и нет?» ответил сенатор Гласс. «По всей стране было много протестов, что банки не выдают кредиты. Теперь Морганы могут вернуться к андеррайтингу».

Так как положение было неблагоприятным для банкиров, они просто прекратили предоставления займов, пока оно не было отменено.

Newsweek от 14 марта 1936 года отметил, что:

«Совет губернёров Федеральной резервной системы выгнал девять председателей резервных банков, объяснив, что "он намерен сделать председательство резервных банков в значительной степени должностью неполной занятости на общественных началах"».

Это был ещё один пример централизации управления в Федеральной резервной системе. Региональная система никогда не была важным фактором в управлении денежно-кредитной политикой, и совет не сокращал его должностных лиц за пределами Вашингтона. Председатель сенатского Комитета по банкам и валюте спросил, во время слушаний о золотом запасе 1934 года:

«Разве это не верно, губернёр Янг, что министр финансов за последние двенадцать лет доминирует политику федеральных резервных банков и Федеральной резервной системы по отношению к закупке облигаций США?»

Губернёр Янг отрицал это, но уже было известно, что во время обеих его поспешных поездках в эту страну в 1927 и 1929 гг. диктовать политику Федеральной резервной системы, губернёр Банка Англии Монтегю Норман пошёл прямо к Эндрю Меллону, министру финансов, чтобы заставить его купить государственные ценные бумаги на открытом рынке и начать переборску золота из этой страны в Европу.

Слушания о золотом запасе также привлекли и других людей, которые имели более чем мимолётный интерес к деятельности Федеральной резервной системы. Джеймс Пол Варбург, только что вернувшийся из Лондона с экономической конференции с профессором О. М. Б. Спрагом и Генри Л. Стимсоном, пришёл, чтобы заявить, что он думал, что мы должны модернизировать золотой стандарт.

Фрэнк Вандерлип предложил покончить с советом губернёров Федеральной резервной системы и создать Федеральное валютно-финансовое управление. Это не сделало бы никакой разницы для нью-йоркских банкиров, которые в любом случае выбирали бы персонал. И сенатор Роберт Л. Оуэн, давний критик системы, сделал следующее заявление:

«Люди не знали, что Федеральные резервные банки были организованы для получения прибыли. Они были предназначены для стабилизации кредитного и валютного снабжения страны. Эта цель ещё не была достигнута.

Действительно, произошло самое *приметное изменение* покупательной способности денег, с тех пор как система вступила в силу. Служащих Федеральной резервной системы выбирают крупные банки, путём небольших тихих кампаний, и они, естественно, следуют идеалам, которые представляются им как наиболее солидные с финансовой точки зрения».

Бенджамин Андерсон (Benjamin Anderson), экономист Chase National Bank Нью-Йорка, сказал:

«На данный момент, 1934-й год, у нас есть 900 миллионов долларов избыточных резервов. В 1924 году, с увеличенными резервами в 300 миллионов, мы очень быстро получали три-четыре миллиарда расширения кредита банка. Эти дополнительные деньги выдавались Федеральными резервными банками в 1924 году путём покупки государственных ценных бумаг и были причиной быстрого роста банковского кредита.

Банки продолжали получать избыточные резервы, потому что поступало больше золота, и потому, что всякий раз, когда происходило замедление, люди Федерального резерва подбрасывали ещё немного. Они придерживались немного в 1926 году. Дела окрепли немного в этом году. А потом в 1927 году они выпустили менее 300 млн. дополнительных резервов, что развязало дикий фондовый рынок, и это привело нас прямо к краху 1929 года».

Доктор Андерсон также заявил, что:

«Деньги из федеральных резервных банков являются деньгами, которые они создали. Когда они покупают правительственные ценные бумаги, они создают резервы. Они платят за государственные ценные бумаги, выписывая чеки на себя, и эти чеки поступают в коммерческие банки, а те депонируют их в Федеральные резервные банки, и таким образом появляются деньги, которых раньше не было».

СЕНАТОР БУЛКЛИ: Это не увеличивает платёжные средства в обороте?

Андерсон: Нет.

Это объясняет каким образом федеральные резервные банки увеличили свои активы с 143 миллионов долларов до 45 миллиардов долларов за тридцать пять лет. Они не производят ничего, они не имеют производственных предприятий, и всё же они реализовали огромную прибыль лишь путём создания денег, 95 процентов их в виде кредита, который ничего не добавил к платёжным средствам в обороте.

Эти деньги не были распространены среди людей в форме заработной платы, равно как и не увеличили покупательную способность крестьян и рабочих.

Это были кредитные деньги, созданные банкирами для использования и прибыли банкиров, которые увеличили своё богатство на более чем сорок миллиардов долларов в течение нескольких лет, потому что они получили контроль кредита правительства в 1913 году, протолкнув закон о Федеральной резервной системе.

Марринер Эклс также много говорил о создании денег. Он считал себя экономистом, и был устроен на государственную службу Стюартом Чейзом (Stuart Chase) и Рексфордом Гай Тагуэллом (Rexford Guy Tugwell), двумя ранними «головами» Рузвельта. Эклс был единственным из компашки Рузвельта, кто остался в должности на протяжении всей его администрации.

Свидетельствуя перед банковским и валютным комитетом 24 июня 1941 года, губернёр Эклс заявил:

«Деньги, созданные из права на выпуск кредитных денег».

Передача кредита правительства частным банкирам в 1913 году дала им неограниченные возможности создавать деньги. Федеральная резервная система также может уничтожать деньги в больших количествах через операции на открытом рынке. Эклс сказал на серебряных слушаниях 1939 года:

«Когда вы продаёте облигации на открытом рынке, вы гасите резервы».

Тушение резервов обозначает уничтожение основы для денег и кредитной эмиссии, или, сокращение денег и кредита, условия, которые, как правило, даже более благоприятны для банкиров, чем создание денег.

Возвращение или уничтожение денег даёт банкиру немедленный и неограниченный контроль финансового положения, так как он оказывается единственным с деньгами и только единственным с властью на проведение денежной эмиссии в период нехватки денег.

Денежные паники 1873 года, 1893, 1920-21, 1929-31 гг. характеризовались втягиванием платёжных средств. В экономическом плане это не звучит, как такая страшная вещь, но когда это означает, что люди не имеют денег, чтобы оплатить их аренду или покупать продукты питания, и, когда это означает, что работодатель должен уволить три четверти его рабочих.

Потому что он не может занять деньги, чтобы заплатить им, огромная вина банкиров и длинная история страданий и несчастий, за которые они несут ответственность означают, что нет наказания, которое могло бы быть слишком тяжёлым за их преступления против своих братьев-людей.

30 сентября 1940 года губернёр Эклс заявил:

«Если бы в нашей денежной системе не было долгов, у нас не было бы никаких денег».

Это точное описание нашей денежной системы. Вместо денег, созданных производством людей, дающим ежегодное увеличение товаров и услуг, они создаются банкирами из долгов людей. Так как этого недостаточно, они подлежат значительным колебаниям и в основном неустойчивы.

Эти колебания также являются источником большой прибыли. По этой причине, совет губернёров ФРС последовательно выступает против любого законодательства, которое пытается стабилизировать денежную систему. Его позиция была изложена предельно точно в письме

председателя Эклса сенатору Вагнеру (Wagner) 9 марта 1939 года и меморандуме, выпущенным советом 13 марта 1939 года.

Председатель Эклс писал, что:

«... имейте ввиду, что Совет губернёров Федеральной резервной системы не за принятие сенатом законопроекта № 31, законопроекта о внесении поправок в закон о Федеральной резервной системе, или любого другого законодательства подобного характера».

Меморандум совета заявил в своём «Меморандуме о предложениях для поддержания цен на фиксированных уровнях»:

«Совет губернёров выступает против любого законопроекта, который предлагает стабильный уровень цен, на том основании, что цены не зависят в первую очередь от цены или стоимости денег; что контроль совета над деньгами не может быть полным; и что устойчивые средние цены, даже если бы они могли бы быть достигнуты официальными действиями, не обеспечит долгосрочного процветания».

Однако Уильям Макчесни Мартин (William McChesney Martin), председатель совета губернёров в 1952 году, заявил подкомитету по вопросам контроля задолженности, при комитете Патмана, 10 марта 1952 года, что «Одной из основных целей закона о Федеральной резервной системе является защита стоимости доллара».

Сенатор Флэндерс (Flanders) спросил его: «Разве это конкретно оговорено в первоначальном законодательстве о создании Федеральной резервной системы?»

«Нет», ответил г-н Мартин, «но оно присуще всей законодательной истории и в сопутствующих обстоятельствах».

Сенатор Роберт Л. Оуэн рассказал нам, как это было вычеркнуто из первоначального законодательства против его воли, и что Совет губернёров выступал против такого законодательства. Видимо г-н Мартин не знает этого.

Устойчивые средние цены, действительно, невозможны до тех пор, пока спекулянты на фондовом рынке гоняют цены вверх и вниз в целях получения прибыли для себя.

Несмотря на утверждения губернёра Эклса, что устойчивые средние цены не *обеспечат* длительного процветания, они могли бы много сделать для достижения такого состояния. Человек на ежегодной зарплате в 2500 долл. не станет более процветающим, если цены на хлеб увеличиваются на пять центов за буханку в течение года.

В 1935 г. Эклс сказал Комитету палаты представителей по банкам и валюте:

«Правительство контролирует золотой запас, то есть власть по эмиссии денег и кредита, таким образом, в основном регулируя ценовую структуру».

Это почти прямо противоречит заявлению Эклса в 1939 году о том, что цены не зависят, в первую очередь, от цены или стоимости денег.

В 1935 году гувернёр Эклс заявил в Комитете палаты представителей:

«Федеральная резервная система обладает властью оперировать на открытом рынке. Операции на открытом рынке являются наиболее важным инструментом контроля над объёмом и стоимостью кредита в этой стране.

Когда я говорю в этой связи «кредит», я имею в виду деньги, потому что на сегодняшний день решительно большая часть денег, используемых людьми этой страны находится в форме банковского кредита или банковских депозитов.

Когда федеральные резервные банки покупают казначейские билеты или ценные бумаги на открытом рынке, они увеличивают объём денежной массы у людей и снижают её стоимость, а когда они продают на открытом рынке, они уменьшают объём денег и увеличивают их стоимость.

Полномочия на эти операции, которые влияют на благосостояние всего народа, должны быть предоставлены учреждению, представляющему национальный интерес».

Показания гувернёра Эклса вскрывают самую суть денежной машины, которую Пол Варбург открыл поражённым банкирам на острове Джекилл в 1910 году.

Большинство американцев говорят, что они не понимают как работает Федеральная резервная система. Это остаётся за пределами понимания не потому, что это сложно, а потому, что это так просто. Когда жулик приходит к вам и предлагает продемонстрировать свою чудесную денежную машину, вы смотрите, как он кладёт в неё чистый лист бумаги и поворотом рукоятки выдаёт 100-долларовую банкноту.

То есть банкноту Федеральной резервной системы. Вы предлагаете купить эту чудесную денежную машину, но вы не можете этого сделать. Её владельцами являются частные акционеры федеральных резервных банков, чьи личности можно проследить частично, но не полностью, к «лондонской смычке».

Во время слушаний Комитета по банковским валютным вопросам 6 июня 1960 г. конгрессмен Райт Патман, председатель, опросил Карла Э. Аллена (Carl E. Allen), президента Федерального резервного банка Чикаго (стр. 4). ПАТМАН: «В данный момент, г-н Аллен, когда Комитет открытого рынка Федеральной резервной системы покупает облигацию в миллион долларов.

Вы создаёте деньги в кредит нации, чтобы заплатить за эту облигацию, не так ли? АЛЛЕН: Это так. ПАТМАН: И кредит нации в данном случае представляется федеральными резервными банкнотами, не так ли?

Если банки хотят реальные деньги, вы даёте федеральные резервные банкноты в оплату, не так ли? АЛЛЕН: Это может быть сделано, но никто

не хочет федеральные резервные банкноты. ПАТМАН: Никто их не хочет, потому что банки предпочитают иметь кредит в качестве резервов».

Это самая невероятная часть операции Федеральной резервной системы и то, что трудно кому-либо понять. Как любой американский гражданин может понять концепцию, что в этой стране есть люди, которые имеют власть сделать запись в бухгалтерской книге, что правительство США теперь должно им один миллиард долларов, и взимать основную сумму и проценты по этому «займу»?

Конгрессмен Райт Патман говорит нам в « The Primer of Money », стр. 38, о посещении Федерального резервного банка с просьбой посмотреть на облигации, за которые американский народ платит проценты. После показа облигаций, он попросил посмотреть на их деньги, но у них были только бухгалтерские книги и незаполненные чеки. Патман говорит:

«Денежных средств, по правде говоря, не существует и никогда не существовало. То, что мы называем “запасами наличности” (cash reserves) – просто бухгалтерский учёт кредитов, внесенных в книги федеральных резервных банков. Кредиты создаются федеральными резервными банками, а затем прокручиваются через банковскую систему».

Питер Л. Бернштейн (Peter L. Bernstein) в «A Primer On Money, Banking and Gold» говорит :

«Фокусом федеральных резервных банкнот является то, что федеральные резервные банки не теряют наличные деньги, когда они выплачивают эту валюту банкам-членам. Федеральные резервные банкноты не подлежат погашению ни чем иным кроме того, что правительство именуется "законными платёжными средствами" – то есть, деньгами, которые кредитор должен принять от должника в качестве выплаты суммы, причитающейся ему.

Но так как все федеральные резервные банкноты сами по закону объявлены быть законными деньгами, то они подлежат погашению только самими же... они являются неразменными обязательствами, выданными банками Федеральной резервной системы»[91].

Как говорит конгрессмен Патман:

«Доллар представляет один доллар долга Федеральной резервной системы. Федеральные резервные банки создают деньги из воздуха, чтобы покупать государственные облигации у казначейства США, занимая деньги в оборот под проценты, путём бухгалтерских записей чекового кредита казначейства Соединённых штатов.

Казначейство выписывает дающую проценты облигацию на один миллиард долларов. Федеральная резервная система даёт казначейству кредит в один миллиард долларов за одну облигацию, и создаёт из ничего один миллиард долларов долга, который американский народ обязан оплатить с процентами». («Денежные факты», Комитет палаты представителей по банковским и денежным вопросам, 1964, стр. 9).

Патман продолжает:

«Откуда Федеральная резервная система получает деньги, из которых создаются банковские резервы? ОТВЕТ. Она не получает деньги, она создает их. Когда Федеральная резервная система пишет чек, она создаёт деньги. Федеральная резервная система самодостаточная машина производства денег. Она может выдавать деньги или чеки».

В 1951 году Федеральный резервный банк Нью-Йорка опубликовал брошюру «Рабочий день в Федеральном резервном банке Нью-Йорка». На стр. 22 находим, что:

«Существует ещё другой, более важный элемент общественного интереса к деятельности банков кроме надёжного хранения денег; банки могут “создавать” деньги. Одним из наиболее важных факторов, который следует помнить в этой связи, является то, что денежная масса влияет на общий уровень цен – стоимость жизни. Индексы стоимости жизни и денежной массы параллельны».

Решения Федеральной резервной системы, или, скорее, решения, которые им приказывают принять «неизвестные стороны», влияют на повседневную жизнь каждого американца через влияние этих решений на цены.

Повышение процентной ставки, или принуждение денег стать «дороже», выражается в ограничении количества денег, имеющих в распоряжении на рынке, равно как и повышение резервных требований Федеральной резервной системы. Продажа облигаций Комитетом по открытым рынкам также гасит запасы и снижает денежную массу.

Покупка государственных ценных бумаг на открытом рынке «создаёт» больше денег, равно как и снижение процентной ставки и делание денег «дешевле». Совершенно очевидно, что увеличение денежной массы приносит процветание и что уменьшение денежной массы приводит к депрессии.

Драматическое увеличение денег, которые опережают поставки товаров приносит инфляцию, «слишком большое количество денег в погоне за малым количеством товаров». Более эзотерическим аспектом денежно-кредитной системы является «скорость обращения», что звучит гораздо более технически, чем это есть.

Это скорость, с которой деньги переходят к другому владельцу; если золото зарыто в огороде фермера, то это медленная скорость обращения, вызванная отсутствием уверенности в экономике или нации.

Очень быстрая скорость обращения, такая, как бум фондового рынка в конце 1920-х годов, означает быстрый оборот, расходов и инвестиций денег, и это вызывается доверием, или сверхдоверием, к экономике.

При высокой скорости обращения меньшее количество денег циркулирует среди такого же количества людей и товаров, как большее количество денег будет циркулировать с более медленной скоростью обращения.

Мы упоминаем это потому, что скорость обращения денег, или уверенность в экономике, также сильно зависят от действий Федеральной

резервной системы. Милтон Фридман (Milton Friedman) комментирует в Newsweek от 2 мая 1983 года:

«Основная функция Федеральной резервной системы заключается в определении денежной массы. Она имеет власть увеличивать или уменьшать денежную массу с любой скоростью, которую она выберет».

Это огромная сила, потому что увеличение денежной массы может привести к переизбранию администрации, в то время как уменьшение может привести администрацию к поражению. Фридман продолжает критиковать Федеральную резервную систему: «Как получается, что учреждение, которое так слабо работает, тем не менее пользуется столь высокой общественной репутацией и даже значительной степенью доверия к его прогнозам?»

Все открытые рыночные операции, которые влияют на денежную массу, проводятся с одного счёта системы Федерального резервного банка Нью-Йорка от имени всех федеральных резервных банков, и под руководством сотрудника Федерального резервного банка Нью-Йорка.

Совещания, на которых принимаются решения о покупке или продаже ценных бумаг Комитетом по открытым рынкам, закрыты для общественности и обсуждения остаются тайной. 8 мая 1928 года, Нью-Йорк Таймс сообщил, что Адольф К. Миллер, гувернёр Федеральной резервной системы, свидетельствуя в банковском и валютном комитете палаты представителей, заявил, что открытый рынок покупки и переучётные ставки были установлены путём «собеседований».

В то время, закупки на открытом рынке составили семьдесят или восемьдесят миллионов долларов в день, а сегодня были бы в десять раз больше. Это огромные суммы для манипуляций на основе простых «собеседований», но это вся информация, какую мы можем получить.

Так как эти таинственные операции влияют на жизнь, свободу и моральную удовлетворённость каждого гражданина США, поступали многочисленные предложения, такие как Сенат документ № 23, представленный г-ном Логаном (Logan) 24 января 1939 года, что «правительство должно создавать, выпускать и запускать в оборот все деньги и кредит, необходимые для удовлетворения покупательной способности правительства и покупательной способности потребителей.

Привилегия создания и выпуска денег является не только высшей прерогативой правительства, но это и наибольшая творческая возможность правительства».

21 марта 1960 года конгрессмен Райт Патман использовал простую иллюстрацию в «Congressional Record» о том, как банки «создают деньги».

«Если бы я депонировал 100 долл. в мой банк и резервные требования, налагаемые Федеральным резервным банком 20%, то банк может предоставить заём "Ивану" до 80 долл. Откуда берутся 80 долл.? Они не берутся из 100 долл. положенных мной, а, наоборот, банк просто кредитует счёт "Ивана" 80 долл.

Банк может приобрести государственные обязательства по той же процедуре, просто создав депозиты кредитов правительства.

Создание денег является силой коммерческих банков... С 1917 года Федеральная резервная система отпустила частным банкам сорок шесть миллиардов долларов резервов».

То, как это делается, лучше всего показал гувернёр Эклс на слушаниях в Комитете палаты представителей по банкам и валюте на 24 июня 1941 года:

ЭКЛС: «Банковская система в целом создаёт и гасит депозиты, по мере того как они делают займы и инвестиции, покупают ли они государственные облигации или покупают облигации фирм коммунальных услуг, или же они делают займы фермерам.

Г-Н ПАТМАН: Я полностью понимаю то, что вы говорите, гувернёр, но факт остаётся фактом, что они создали деньги, не так ли?

ЭКЛС: Ну, банки создают деньги, когда они делают займы и инвестиции».

30 сентября 1941 года, перед тем же комитетом, представитель Патман спросил гувернёра Эклса:

«Как вы достали деньги на покупку этих двух миллиардов долларов государственных ценных бумаг в 1933 году?

ЭКЛС: Мы создали их.

Г-Н ПАТМАН: Из чего?

ЭКЛС: Из права на выпуск кредитных денег.

Г-Н ПАТМАН: И они ничем не обеспечены, кроме кредита нашего правительства?

ЭКЛС: Такова наша система. Если бы в нашей денежной системы не было долгов, то не было бы никаких денег».

17 июня 1942 года г-н Дьюи опрашивал гувернёра Эклса.

ЭКЛС: «Я имею в виду Федеральную резервную систему, когда она осуществляет операции на открытом рынке, то есть, если она покупает государственные ценные бумаги на открытом рынке, она даёт банкам новые деньги, которые создают депозиты.

ДЬЮИ: Есть ли избыточные резервы, чтобы использовать для этой цели?

ЭКЛС: Всякий раз, когда Федеральная резервная система покупает государственные ценные бумаги на открытом рынке, или покупает их прямо из казначейства, в любом случае, это то, что она делает.

ДЬЮИ: Что вы собираетесь использовать, чтобы купить их? Вы собираетесь создать кредит?

ЭКЛС: Это то, что мы всегда делаем. Так Федеральная резервная система работает. Федеральная Резервная Система создаёт деньги. Это эмиссионный банк».

На слушаниях палаты 1947 года, г-н Колбёрн (Kolburn) спросил г-на Эклса:

«Что вы подразумеваете под монетизацией государственного долга?

ЭКЛС: Я имею в виду создание банком денег путём покупки ценных бумаг правительства. Все деньги создаются долгом – либо частными или государственными долгами.

ФЛЕТЧЕР: Председатель Эклс, когда вы думаете есть возможность вернуться к свободному и открытому рынку, вместо этого скованного и искусственно контролируемого финансового рынка, который у нас существует теперь?

ЭКЛС: Никогда. Не в течение вашей или моей жизни».

Конгрессмен Джерри Воорхис (Jerry Voorhis) цитируется в «U. S. News» 31 августа 1959 года, когда тот опрашивал министра казначейства Андерсона (Anderson): «Вы имеете в виду, что банки, покупая государственные ценные бумаги, не дают займы депозиты своих клиентов? Что они создают деньги, которые они используют для покупки ценных бумаг? АНДЕРСОН: Это так.

Банки отличаются от других кредитных учреждений/ Когда ассоциация сбережений, страховая компания или кредитный союз дают займы, они дают те доллары, которые его клиенты ранее внесли им. Но когда банк делает заём, он просто добавляет на депозитный счет заёмщика в банке сумму кредита. Деньги ни у кого не берутся. Это новые деньги, созданные банком, для использования заёмщиком».

Как ни странно, никогда не было судебного процесса по вопросу о законности или конституционности закона о Федеральной резервной системе.

Хотя он зиждется на таком же шатком основании, как и закон о восстановлении нации или NRA [National Recovery Act], который был оспорен в *Schechter Poultry против Соединённых штатов Америки*, 29 U.S. 495, 55 US 837.842 (1935), NRA был признан неконституционным Верховным судом [США] на основании того, что «Конгресс не имеет права отречься или передать другим свои законные функции».

Конгресс не может конституционно делегировать свои законодательные полномочия торговым или промышленным ассоциациям или группам с тем, чтобы дать им возможность писать законы».

Статья 1, гл. 8 Конституции предусматривает, что «Конгресс уполномочен брать деньги взаймы в кредит Соединённых штатов... И чеканить монету, регулировать её ценность и ценность иностранных денег, устанавливать единицы весов и мер».

В соответствии с решением об NRA, Конгресс не может делегировать эти полномочия Федеральной резервной системе, и не может делегировать свои законодательные полномочия Федеральной резервной системе, чтобы позволить ФРС определять количество банковских резервов, ставки переучёта, или количество денег.

Всё это совет губернёров Федеральной резервной системы «законодательствует», собираясь на законодательные сессии, чтобы определить эти вопросы и издать «законы» или правила их внедрения.

Вторая мировая война дала крупным банкирам, которые владели Федеральной резервной системой, возможность разгрузить на страну миллиарды долларов, напечатанных в начале 1930-х годов в ходе крупнейшей фальшиво-монетной операции в истории, узаконенной, естественно, правительством Рузвельта. Генри Хазлитт (Henry Hazlitt) пишет 4 января 1943 г. в *Newsweek Magazine*:

«Деньги, которые начали появляться в обращении неделю тому назад, 21 декабря 1942 года, по-настоящему оказались деньгами печатного станка в полном смысле этого слова, т. е. деньги, которые *не имеют за собой никакого обеспечения*. Заявление Федеральной резервной системы о том, что “Совет губернёров, после консультаций с министерством финансов, уполномочил федеральные резервные банки использовать в данный момент существующие запасы денег, напечатанных в начале тридцатых годов, известных как “Банкноты федерального резерва”».

Мы повторяем, эти банкноты не имеют абсолютно никакого обеспечения любого рода».

Губернёр Эклс также свидетельствует о некоторых других интересных делах Федеральной резервной системы и военных финансах на слушаниях сената по Администрации управления ценами в 1944 году:

«В течение четырёх лет наличные деньги в обращении увеличились с семи миллиардов долларов до двадцати одного с половиной миллиардов. Мы теряем значительные количества золота в годы войны».

По мере того как наш экспорт прекратился, в основном на основе ленд-лиза, мы принимаем импорт, который мы компенсируем балансами доллара. Эти страны в настоящее время выбирают эти балансы доллара в виде золота.

Г-Н СМИТ: Губернёр Эклс, какую цель преследуют иностранные правительства в этой прогнозируемой программе, в ходе которой мы передали бы золото международному фонду?

ГУБЕРНЁР ЭКЛС: Я хотел бы обсудить ОРА [**Office of Price Administration**, Агенство контроля цен], и оставить стабилизационный фонд на то время, когда я буду готов обсуждать его.

Г-Н СМИТ: Минуточку. Я считаю, что этот фонд имеет очень большое отношение к тому, о чём мы говорим сегодня.

Г-Н ФОРД: Я считаю, что стабилизационный фонд совершенно не относится к ОРА и, следовательно, мы должны придерживаться того, чем мы занимаемся».

Конгрессмены так и не добились возможности обсудить Стабилизационный фонд, ещё одно учреждение, при помощи которого мы вернули бы обедневшим странам Европы золото, которое было послано сюда. В 1945 году Генри Хазлитт, комментируя в Newsweek от 22 января послание Рузвельта конгрессу о годовом бюджете, цитирует Рузвельта, который сказал:

«Позже я буду рекомендовать законодательство о снижении нынешних высоких требований к резервам золота Федеральных резервных банков».

Хазлитт отметил, что требование о резервировании не было высоким, оно было только тем, каким оно было на протяжении последних тридцати лет. Цель Рузвельта была в том, чтобы высвободить часть золота Федеральной резервной системы и сделать его доступным для Стабилизационного фонда, позже названного Международным валютным фондом, частью Всемирного банка реконструкции и развития, эквивалент Комитета финансов лиги, который бы проглотил финансовый суверенитет Соединённых штатов, если бы сенат позволил бы нам присоединиться к нему.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Разоблачения Конгресса

«Политика г-на Волкера является некой загадкой». Нью-Йорк Таймс

С 1933 года, когда Юджин Мейер подал в отставку из совета губернёров Федеральной резервной системы, ни один из членов международных банковских семейств лично не входил в состав совета губернёров. Они предпочли работать закулисно через тщательно отобранных президентов Федерального резервного банка Нью-Йорка и других сотрудников.

Нынешним председателем совета губернёров Федеральной резервной системы является Пол Волкер. Его назначение было встречено одним известным экономистом следующим предсказанием: «Выбор Волкера был

наихудшим. Картер поставил Дракулу заведовать хранилищем консервированной крови и плазмы. Для нас это означает крах и депрессию в 80-х годах более определенными, чем когда-либо».

Research Report полковника Е. К. Харвуда (Е. С. Harwood) от 6 августа 1979 года в целом дал такое же мнение. «Пол Волкер тем же миром мазан, что и другие любители дефектных денег, которые вкривь и вкось руководили денежными вопросами этой страны в течение последних пяти десятилетий. Исход, вероятно, будет столь же катастрофическим для доллара и американской экономики».

Несмотря на эти мрачные предвидения, репортаж Нью-Йорк Таймс о назначении Волкера был положительно восторженный. 26 июля 1979 года Нью-Йорк Таймс отметил, что Волкер выучил «бизнес» у Роберта Руза (Robert Roosa), в данный момент партнёра Brown Brothers Harriman, и что Волкер был частью мозгового треста Руза в Федеральном резервном банке Нью-Йорка, а затем в министерстве финансов в администрации Кеннеди. «Дэвид Рокфеллер, председатель Chase, и г-н Руза сильно повлияли на решение г-на Картер назначить г-на Волкера для председательства резервной системы».

Нью-Йорк Таймс не отметил, что Дэвид Рокфеллер и Роберт Руза ранее выбрали г-на Картера, члена Трёхсторонней комиссии, в кандидаты в президенты от демократической партии, или что г-н Картер вряд ли мог отказаться назначить их выбор Пола Волкера в качестве нового председателя совета гувернёров Федеральной резервной системы.

Также не передёргивая, можно вспомнить, что такой способ выбора председателя Совета гувернёров непосредственно следует линии королевской прерогативы, идущей к начальному соглашению Джорджа Пибоди с Н. М. Ротшильдом, до совещания на острове Джекилл и проталкивания закона о Федеральной резервной системе.

Таймс отмечает, что «выбор Волкера был одобрен европейскими банками в Бонне, Франкфурте и Цюрихе». Уильям Саймон (William Simon), бывший министр казначейства, был процитирован «чудесный выбор». Таймс также отметил, что рынок Dow поднялся в ответ на номинацию Волкера, отметив лучший показатель роста в три недели в 9,73 пункта, и что доллар резко подскочил на рынке иностранной валюты дома и за рубежом.

Кто был Волкер, что его назначение могло иметь такой эффект на фондовый рынок и курс доллара в иностранной валюте? Он представлял самый могущественный дом «лондонской смычки», Brown Brothers Harriman, и лондонские дома, которые руководили империей Рокфеллера. 29 июля 1979 года Таймс сказал о Волкере: «Новый человек проложит свой собственный курс».

Биография Волкера показывает, что это была чепуха. Его курс всегда был намечен для него его хозяевами в Лондоне. Он учился в Принстоне, получил степень М.А. в Гарварде, и отправился в Лондонскую школу экономики в 1951-52 гг., аспирантуру школы банкиров.

Затем он приехал в Федеральный резервный банк Нью-Йорка и был в нём экономистом в 1952-57 гг., экономистом Chase Manhattan Bank в 1957-61 гг., в министерстве финансов в 1961-65 гг. заместителем помощника министра по финансовым вопросам, 1963-65 гг., в качестве заместителя министра по финансовым вопросам в 1969-74 гг.

Затем он стал президентом Федерального резервного банка Нью-Йорка в 1975-79 гг., когда Картер, по приказу Роберта Руза и Дэвида Рокфеллера, назначил его председателем совета гувернёров Федеральной резервной системы.

Его сменил на посту председателя Федерального резервного банка Нью-Йорка Энтони Соломон (Anthony Solomon), доктор философии Гарвардского университета, который служил в ОРА 1941-42 гг. и в государственной финансовой миссии в Иране в 1942-46 гг. Он руководил фирмой пищевых консервов в Мексике в 1951-61 гг., был президентом Международной инвестиционной корпорации для Югославии в 1969-72 гг. (коммунистическая страна), заместитель министра казначейства по денежно-кредитной политике в 1977-80 гг.

Одним словом, биографические данные Соломона были такие же, как Пола Волкера.

Нью-Йорк Таймс заявил 2 декабря 1981 года: «В течение многих лет Федеральная резервная система была вторым или третьим из самых секретных учреждений в городе. «Закон солнечного света» от 1976 года немного пробилась сквозь занавес. Совет в настоящее время раз в неделю по в средам в 10 утра проводит открытое заседание, но не обсуждает денежно-кредитную политику, которая до сих пор считается совершенно секретной и не будет обсуждаться в общественных местах».

Таймс отметил, что, когда комитет по открытым рынкам проводит заседания, Соломон и Волкер сидят во главе стола и передают инструкции, которые они получили из-за рубежа.

За Волкером и Соломоном стоит Роберт Руза, министр финансов теневого кабинета Картера и представляющий Brown Brothers Harriman, Трёхстороннюю комиссию, Совет по международным отношениям, Бильдербергский клуб и Королевский экономический институт. Он является попечителем Фонда Рокфеллера [см. [таблицу V](#)], директором «Тексако» и American Express companies.

Д-р Мартин Ларсон (Martin Larson) указывает, что «международный консорциум финансистов, известный как Бильдербергский клуб, который собирается ежегодно в глубокой тайне, чтобы определить судьбу западного мира, является созданием альянса Рокфеллера-Ротшильда, и что он провёл своё третье совещание на St. Simons Island, всего в нескольких минутах ходьбы от Jekyll Island».

Ларсон также говорит, что «Интересы Рокфеллера работают в тесном союзе с Ротшильдом и другими центральными банками». [см. [таблицу I](#)]

18 июня 1983 года президент Рональд Рейган прекратил месяцы гаданий, заявив, что он повторит назначение Пола Волкера, как председателя совета

губернёров Федеральной резервной системы ещё на четыре года, хотя термин Волкера истекал только 6 августа 1983 года.

Повторное назначение Рейгана назначенного Картером лица привело в недоумение некоторых политических наблюдателей, но, видимо, он поддался значительному давлению, о чём свидетельствует ведущая передовица в Washington Post от 10 июня 1983 г.:

«Не существует никого, кто соответствует г-ну Волкеру как в политическом смысле, так и понимании сложных сетей, составляющих финансовую систему мира».

Анонимный автор не дал документации для его производства Волкера в крупнейшего финансиста мира, а что касается его политических позиций, Нью-Йорк Таймс прокомментировал 19 июня 1983 года, что «политика г-на Волкера является чем-то загадочным». Его «неполитическая» позиция соответствует вашингтонской традиции «политической независимости ФРС», которая была сохранена на протяжении многих лет. Однако проблема его зависимости от лондонской смычки никогда не обсуждалась в Вашингтоне.

В действительности Волкер был скорее политик, чем экономист. После посещения Лондонской школы экономики, и узнав, кто отдаёт приказы международному финансовому сообществу, Волкер с тех пор играл в эту игру. Ни разу он не смог не исполнить приказы «лондонской смычки».

Неужели возможно, что «лондонская смычка» существует и что такие люди как Волкер и Соломон получают инструкции, хотя бы и окольные или косвенным образом, от иностранных банкиров?

Давайте посмотрим на улики, косвенные, правда, но косвенные доказательства такого качества, которые часто посылали людей в тюрьму или на электрический стул. Джон Муди (John Moody) указывал в 1911 году, что семь человек из группы Моргана, в сочетании со Standard Oil-Kuhn, Loeb группой, правили США. На каком месте эти группы стоят в мире финансов сегодня?

U.S. News 11 апреля 1983 года опубликовал список крупнейших банковских холдинговых компаний США по величине активов по состоянию на 31 декабря 1982 года. Номер 1 Citicorp, Нью-Йорк, с активами в 130 миллиардов долл. Это Бейкер и Первый Национальный банк Нью-Йорка Моргана, слилась с National City Bank в 1955 году, два из крупнейших покупателей акций Федерального резервного банка Нью-Йорка в 1914 году.

Номер 3 Chase Manhattan, Нью-Йорк, с активами в 80,9 миллиарда долл. Это слияние Чейз и Манхэттен Банк, группы Рокфеллера и Кун, Лёб, также покупателей акций Федерального резервного банка Нью-Йорка в 1914 году. Номер 4 Manufacturers Hanover в Нью-Йорке с 64 млрд. долл., также покупатель акций Федерального резервного банка Нью-Йорка в 1914 году.

Номером 5 является J. P. Morgan Company Нью-Йорк, 58,6 млрд. долл. в активах и держатель значительного количества акций Федерального резервного банка. Номером 6 является Chemical Bank в Нью-Йорке, 48,3

млрд. долл. и покупатель акций Федеральной резервной системы в 1914 году.

А номер 11, First Chicago Corporation, Первый национальный банка Чикаго, который был главным корреспондентом Морган-Бейкер банка в Нью-Йорке, и который дал двух первых президентов Федерального консультативного совета.

Прямую линию, которая ведёт от участников совещания Jekyll Island 1910 года по сегодняшний день, иллюстрирует выдержка из «A Primer on Money», Комитета по банкам и валюте, Палата представителей США, 88-й конгресс, 2-я сессия, 5 августа 1964, стр. 75:

«Практический эффект требования, что все покупки должны делаться через открытый рынок, состоит в том, чтобы взять деньги от налогоплательщиков и дать их дилерам. Это вынуждает правительство платить пошлины на заёмные средства.

Есть шесть «банков-дилеров»: First National City Bank of New York; Chemical Crop. Exchange Bank, New York; Morgan Guaranty Trust Co., New York; Bankers Trust of New York; First National Bank of Chicago; and Continental Illinois Bank of Chicago».

Таким образом банки, которые получают «сбор за проезд» на все деньги, взятые займы от правительства Соединённых штатов, те же банки, которые спланировали закон 1913 года о Федеральной резервной системе.

Существует достаточно доказательств, свидетельствующих о теперешнем превосходстве тех же банков, которые создали Федеральную резервную систему в 1914 году. Например, Уоррен Брукс (Warren Brookes) пишет на страницах газеты Вашингтон пост от 6 июня 1983 года:

«Citicorp (National City Bank и First National Bank в Нью-Йорке, объединены в 1955) достигла 18,6% рентабельности собственного капитала, J. P. Morgan 17%, Chemical Bank and Bankers Trust почти 16%, исключительные нормы прибыли».

Это банки, которые купили первый выпуск акций федерального резервного банка в 1914 году, и которым принадлежал контрольный пакет акций в Федеральном резервном банке Нью-Йорка, который устанавливает процентные ставки и является банком для всех операций на открытом рынке.

Эти банки также неуклонно зарабатывают на иначе необъяснимых колебаниях роста денежной массы и процентных ставок. Брукс дальше комментирует о «фактических темпах денежного роста поочередно скачущих от 0 до 17% в последующие шестимесячные периоды в течение трёх охваченных рецессией лет.

Два показателя роста денежной массы, которыми наиболее восхищается Милтон Фридман M2 и M3, на самом деле показали незначительные изменения от года к году в 1972-82 гг.».

Таким образом, налицо скорость денежного роста, скачущая от 0 до 17%, но не фактические изменения с года в год, что возникает вопрос о том, почему мы не можем иметь стабильность роста денежной массы в течение года. Ответ в том, что на этих скачках делаются большие прибыли; и следующий вопрос, кто приводит в движение эти скачки? Ответ: «Лондонская смычка».

Чтобы отвлечь внимание от продолжающегося контроля банкиров и их наследников, которые получили государственную монополию на деньги и кредит нации в 1913 году, платные пропагандисты контролируемых СМИ и «интеллигенция» постоянно выдают на гора новые и более экзотические теории экономики.

Таким образом Джеймс Бёрнхем (James Burnham), один из пропагандистов журнала National Review, прославился смехотворной теорией «менеджеров». Он выдвинул постулат, что старые арбитры капитала, Дж. П. Морган, Варбурги и Ротшильды, к 1950 году исчезли со сцены, сменившись новым классом «менеджеров».

Эта теория, не опирающаяся на факты, служила, чтобы скрыть тот факт, что те же люди по-прежнему контролируют денежную систему мира.

«Менеджеры» как раз только и были «менеджерами» вроде Волкера, которые были подставными лицами, наёмными служащими, которые продолжают получать свои зарплаты только до тех пор, пока они осуществляют инструкции их работодателей.

Бернхем остаётся хорошо оплачиваемым пропагандистом в журнале National Review, который многие видные лидеры, включая президента Рейгана, считают «консервативной» публикацией.

С 1914 по 1982 год, период, в течение которого обанкротились многие тысячи американских банков, прямые покупатели акций Федерального резервного банка не только выжили, но они укрепили свою власть. А что же «лондонская смычка»? Всё ли существует она и диктует ли она по-прежнему экономические судьбы Соединённых штатов?

The Washington Post 19 мая 1983 года в заметке из Найроби, Кения, осветил совещание Африканского банка развития. «Британский коммерческий банк, Morgan Grenfel и синдикат Соединённых штатов, Kuhn Loeb, Lehman Brothers International, the French Lazard Freres and Britain's Warburg закулисно являются финансовыми советниками около десяти обременённых долгами африканских государств».

Налицо те же имена, с которыми мы столкнулись в 1914 году, по-прежнему управляющие финансами мира, с прибылью для себя, но с катастрофическими последствиями для всех остальных. Может быть, следует искать облегчения в нынешней администрации президента Рейгана.

К сожалению, чтобы дойти до него мы должны пройти через длинный список его главных сотрудников, состоящий из людей из J. Henry Schroder, Brown Brothers Harriman и других ведущих компонентов «лондонской смычки».

Лопес Портильо (Lopez Portillo), президент Мексики, выступая перед мексиканским национальным конгрессом Мексики в сентябре 1982 г., назвал бум мирового кредита последнего десятилетия финансовой чумой сродни чёрной смерти, которая прокатилась по Европе в четырнадцатом веке.

«Как и в средневековые времена, она опустошает одну страну за другой. Она передаётся крысами и она приносит безработицу и нищету, промышленное банкротство и обогащение путём спекуляции. Средство, прописываемое целителями – вынужденное безделье и лишение большого пищи».

Журнал «Форбс» заявил 11 октября 1982: «Мир задыхается от недостатка наличности, и не потому, что сократилась денежная масса, а потому, что слишком много её сейчас идёт на погашение старых долгов, а не на финансирование новых продуктивных инвестиций».

Политика высоких процентных ставок и недостаточных денег имела катастрофические последствия для Соединённых штатов. В начале 1983 года небольшое ослабление денег и кредита обещает некоторое облегчение, но до тех пор, пока Федеральная резервная система и её кукловоды продолжают контролировать денежную массу, мы можем ожидать ещё больше проблем.

Журнал The Nation 11 декабря 1982 года, комментируя по экономическим вопросам, заявил, что «вина за всё это лежит на Федеральной резервной системе, работающей в обычном режиме в пользу международной банковской системы».

Свидетельство того, как Федеральная резервная система работает в пользу международной банковской системы, наглядно иллюстрирует ряд таблиц, составленных сотрудниками Комитета палаты представителей по банковским, валютным и жилищно-коммунальным вопросам, 94-конгресса, 2-й сессии, август 1976 года: «ДИРЕКТОРА ФЕДЕРАЛЬНОГО РЕЗЕРВА: ИССЛЕДОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОГО И БАНКОВСКОГО ВЛИЯНИЯ»[91a].

Наша [таблица V](#) представляет стр. 49 этого исследования, показывающая переплетения директоров Дэвида Рокфеллера. Наша [таблица VI](#) представляет стр. 55 этого исследования, показывающую переплетения директоров Франка Р. Милликена (Frank R. Milliken), одного из директоров класса C[91b] Федерального резервного банка Нью-Йорка.

В этой таблице налицо все основные персонажи нашей истории конференции Jekyll Island: Citibank, J. P. Morgan and Company, Kuhn, Loeb and Company, и многие связанные фирмы.

Наша [таблица VII](#) представляет стр. 53 этого исследования, показывающую переплетения другого директора класса C Федерального резервного банка Нью-Йорка, Алана Пайфера (Alan Pifer). Как президент Корпорации Карнеги в Нью-Йорке, он переплетается с J. Henry Schroder Trust Company, J. Henry Schroder Banking Corporation, Rockefeller Center, Inc., Federal Reserve Bank of Boston, Equitable Life Assurance Society (J.P. Morgan) и др.

Таким образом исследование Комитета палаты представителей по банковским, валютным и жилищно-коммунальным вопросам августа 1976 года, представляет нам всех наших персонажей в главных ролях, функционирующих сегодня так же, как и в 1914 году.

Это исследование Конгресса в 120 страниц подробно описывает функции общественной политики региональных банков Федеральной резервной системы, как директора выбираются, кого выбирают, фактор лоббирования в связях с общественностью, доминирование банка и проверка банков, и корпоративное переплетение с резервными банками.

Таблицы были использованы для иллюстрации директоратов класса А, класса В и класса С каждого регионального банка. Для каждого филиала банка была разработана таблица, представляющая информацию о директорах, назначенных банком, и тех, кто был назначен советом губернёров Федеральной резервной системы.

В своём предисловии к исследованию председатель Генри С. Рейсс (Henry S. Reuss, демократ от штата Висконсин) пишет:

«Этот Комитет наблюдал, в течение многих лет, влияние частных интересов на существенно общественные обязанности Федеральной резервной системы.

Как исследование ясно даёт понять, трудно представить себе более узкую базу совета директоров для государственного органа, чем это было подобрано в двенадцать банков Федеральной резервной системы.

Только два сегмента американского общества – банковский и крупный бизнес – существенно представлены в советах, и часто даже эти слились путём переплетения директоратов...

Мелкие фермеры отсутствуют. Малый бизнес является едва заметным. Нет ни одной женщины в региональных советах и только шесть в филиалах. В системе в целом – в том числе в региональных и филиальных советах – всего тринадцать членов из групп меньшинств.

Исследование ставит существенный вопрос о часто повторяющихся претензиях Федерального резерва на “независимость”. Можно спросить, независимых от чего? Наверняка не от банков или крупного бизнеса, если судить по массивным переплетениям, которые раскрыл этот анализ региональных советов.

Доминирование Федеральной резервной системы крупным бизнесом и банками, приведенное в этом исследовании можно проследить, в частности, в оригинальном законе о Федеральной резервной системе, который дал членам коммерческих банкам право на выбор двух третей директоров каждого регионального банка.

Но за этот дисбаланс разделить ответственность должен совет губернёров в Вашингтоне. Они назначают так называемых “общественных” членов советов каждого регионального банка, назначения, которые в

значительной мере отражают те же узкие интересы, что и члены, выбранные банками...

Пока у нас нет фундаментальных реформ, Федеральная резервная система будет ограничена в выполнении своих общественных обязанностей, таких как экономическая стабилизация и агентство банковского регулирования. Мандат системы имеет слишком важное значение для благосостояния страны, чтобы оставить так много его механизмов под контролем узких частных интересов. Концентрация экономической и финансовой власти в США зашла слишком далеко».

В разделе озаглавленном «Клубная система», Комитет отметил:

«Этот “клубный” подход заставляет Федеральную резервную систему последовательно черпать из одного и того же водоёма – те же компании, те же университеты, те же банковские холдинговые компании – для заполнения директорств».

Это исследование Конгресса делает нижеследующий вывод:

«Многие из компаний в этих таблицах, как уже упоминалось ранее, составляют многократное переплетение с Федеральной резервной системой. First Bank Systems; Southeast Banking Corporation; Federated Department Stores; Westinghouse Electric Corporation; Proctor and Gamble; Alcoa; Honeywell, Inc.; Kennecott Copper; Owens-Corning Fiberglass; все имеют две или более директорские связи с региональными или дочерними банками.

Суммируя, директора Федеральной резервной системы, по-видимому, представители небольшой элитной группы, которая властвует над большей частью экономической жизни нашей страны». КОНЕЦ ДОКЛАДА КОНГРЕССА.

ДОБАВЛЕНИЕ

По состоянию на 11:05 вторника 26 июля 1983, в список банков-членов, владеющих акциями Федерального резервного банка Нью-Йорка входят двадцать семь нью-йоркских банков. Ниже перечислено количество акций, находящихся у десяти из этих банков на 66% от общего количества акций, а именно: 7.005.700:

Имя банка, по-английски	Количество акций	%
Bankers Trust Company	438.831	6
Bank of New York	141.482	2
Chase Manhattan Bank	1.011.862	14
Chemical Bank	544.962	8

Citibank	1.090.813	15
European American Bank & Trust	127/800	2
J. Henry Schroeder Bank & Trust	37.493	0,5
Manufacturers Hanover	509.852	7
Morgan Guaranty Trust	655.443	9
National Bank of North America	105.600	2

Огромное количество акций, находящихся в руках банков сегодня по сравнению с первоначальными покупками объясняется положением отдела 5 первоначального закона об ФРС, гласящего, что члены-банки должны купить и держать акции в округе федерального резервного банка на 6% его капитала и избытков.

В настоящий момент количество акций пяти банков, которые владели более 40% акций ФРС Нью-Йорка в 1914 г. выросло до 53%. Если ознакомиться со списками главных акционеров нью-йоркских банков, станет ясно, что несколько кланов, связанных между собой родством, браками или деловыми связями, так же контролируют нью-йоркские банки сегодня как и в 1914 г. И так же, как и в 1914 г. те же кланы владеют акциями ФРС Нью-Йорка.

Отметим, что три банка-акционера ФРС Нью-Йорк с 270.893 акций являются филиалами иностранных банков. J. Henry Schroeder Bank & Trust (37.493 акции), согласно данным справочника "Standard and Poor's", – филиал Schroeder Ltd. of London. National Bank of North America – филиал National Westminster Bank, один из членов лондонской «большой пятёрки». European American Bank & Trust – филиал European American Bank, Bahamas, Ltd.

Интересно отметить, что среди директоров European American Bank & Trust находится Milton F. Rosenthal, президент и управляющий операциями фирмы, производящей и торгующей золотом, Engelhard Minerals and Chemical; Hamilton F. Potter партнёр в Sullivan and Cromwell (адвокаты J. Henry Schroeder Bank & Trust); Edward H. Tuck – партнёр Shearman and Sterling (адвокаты Citibank); F. H. Ulrich и Hans Liebkutsch – управляющие директоры Deutsche Bank (Германия);

E. J. W. Helmuth и Jack Lendley – директоры огромного Midland Bank of London, одного из членов лондонской «большой пятёрки»; и Roger Alloo, Paul-Emmanuel Janssen и Maurice Laure – Societe Generale de Banque (Брюссель, Бельгия).

Эти сведения, полученные из последнего бюллетеня совета губернёров ФРС, свидетельствуют о том, что контрольный пакет акций ФРС Нью-

Йорка, определяющего ставки и операции всей ФРС, находится под огромным влиянием банков, напрямую контролируемых «Лондонской смычкой», т.е. Bank of England, контролируемый Ротшильдами, см. [Таблицу I](#).

Приложение I

Е. К. Кнут, в «The Empire of the City», издана частным образом в 1946 г., стр. 27, называет Банк Англии полноправным партнёром американской администрации в ведении финансовых дел всего мира и ссылается на Encyclopaedia Americana 1943 года издания.

Баррон цитирует лорда Суэйтлинга (Swaythling), 8 апреля, 1923, «Лорд Суэйтлинг сказал: “Обмен может вестись только из Лондона. Это центр обмена”». (“They Told Barron”, Кларенс В. Баррон (Clarence W. Barron), основатель еженедельника Barron's Weekly, Harpers, Нью-Йорк, 1930, стр. 27.)

Обмен, в международном финансовом мире, означает операции с деньгами или ценными бумагами, или просто «обмен» стоимости этих ценных бумаг. Необходимо, чтобы этот «обмен» происходил там, где может быть определена стоимость, и это место «сити» в Лондоне.

Лондон был создан в качестве основного центра обмена из-за «консолей» (Consols) Банка Англии, облигаций, которые никогда не могут быть погашены, но которые платили стабильные дивиденды. Генри Кьюс (Henry Clews) пишет в The Wall Street View, Silver Burdett Co. 1900, стр. 255, «Закон о консолидировании 1757 г. консолидировал долги Англии на 3%, которые находились на счёте в Банке Англии и является великим оплотом его депозитов».

Путём демонстративного «демпинга» консолей на Лондонской бирже после битвы при Ватерлоо, в разыгранной панике, Натан Мейер Ротшильд тайно скупил консоли, проданные в панике другими владельцами по низкой цене, и стал крупнейшим держателем консолей, и таким образом захватил контроль Банка Англии в 1815 году.

12% Дивиденды

Хотя лейбористское правительство национализировало банк Англии в 1946 году, Большая Советская Энциклопедия указывает (т. I, стр. 490с), что Банк Англии продолжает платить 12% дивидендов в год, как это делалось до национализации. «Гувернёр» назначается правительством, аналогично тому, как в Соединённых штатах, где гувернёры Федеральной резервной системы назначаются президентом.

Однако, как указано в Encyclopaedia Americana т. 13, стр. 272, «На практике гувернёры Банка Англии, не колеблясь, публично критикуют и оказывают давление на правительство».

Учётная ставка

Процентная ставка, устанавливаемая Банком Англии, известна как «учётная ставка», и это контролирующий фактор процентных ставок по

всему миру. Хотя ставки в других странах могут быть выше или ниже этой «учётной ставки». Банк Англии заведует государственным долгом, и призывается проводить арбитраж в политических делах. Он служил в качестве посредника с революционерами Ирана в переговорах о возвращении американских заложников – недавний пример.

Мы не должны удивляться тому, что нынешний губернёр Банка Англии, сэр Гордон Ричардсон, является видной международной финансовой фигурой, которая упоминается в других местах на этих страницах, из-за его связи с J. Henry Schroder Co., New York. Он был председателем J. Henry Schroder Wagg в Лондоне с 1962 по 1972 год, когда он стал губернёром Банка Англии. Он также был директором J. Henry Schroder Co., Нью-Йорк, и Schroder Banking Corp., Нью-Йорк. Он также является директором Rolls-Royce и банка Lloyd's. Хотя он проживает в Лондоне, он содержит дом в Нью-Йорке, и вписан в текущем каталоге Манхэттена просто как «Г. Ричардсон, 45 Саттон Плейс С.», хотя до этого его адрес был 4 Саттон Плейс.

Саттон Плейс был устроен в качестве модного адреса для международного круга, подобранного Бесси Марбери, которую мы цитировали раньше в связи с семьёй и Морганов и Рузвельтов.

Теперешние директора Банка Англии (1982) включают Леопольда де Ротшильда из N. M. Rothschild & Sons, сэра Роберта Кларка, председателя Hill Samuel Bank, самого влиятельного банка после Ротшильдов, Джона Клея (John Clay) из банка Hambros, и Дэвида Шоли (David Scholey) из банка Варбурга, и со-председатель S. C. Warburg Co.

Энтони Сэмпсон (Anthony Sampson) пишет в «The Changing Anatomy of Britain», Random House, New York, 1982, стр. 279, «Более космополитские банки с иностранными экспертами и директорами, такие как Варбурги, Монтегю, Ротшильды и Kleinworts, также открыли огромный новый источник прибыли на рынке евродолларов, который начался в конце пятидесятых и умножился в течение 60-х годов...

Сами британские банкиры контролировали относительно небольшие средства, но они знали, как делать деньги из денег других людей».

Рынок евродолларов, новое поле в «созданных деньгах» монополизирован вышеназванными фирмами.

Империя евродоллара

«Сегодня, вместе с союзниками на острове Манхэттен (самая важная часть британской недвижимости), Британская империя контролирует весь 1,5 трлн. долл. финансовый евродолларовый рынок, ещё 300-500 млрд. долл. на Каймановых и Багамских островах, да 50-100 млрд. долл. на “азиатско-долларовом рынке” Гонконга-Сингапура... Рассмотрим 1,5 трлн. долл. евродолларовый рынок как рынок “вне закона” в долларах США, над которым этот народ не имеет никакого контроля.

Здесь контроль и прибыли в подавляющем большинстве в руках лондонских банков, которые устанавливают условия кредитования и процентные ставки для этой массы американских долларов в отношении к

Лондонской межбанковской ставке заимствования (London Interbank Borrowing Rate, LIBOR)...

Американские банки как Citibank (Нью-Йорк), в совете директоров которого сидит могущественный британский финансист лорд Олдингтон (Aldington), открыто сотрудничают на этом рынке.

В то же время британские банки, в том числе включая известный центральный банк мировой торговли наркотиками, Hongkong and Shanghai Bank, наводняют Америку, чтобы пожирать американские банки.

В 1978 году Hongshang (ред. – Hongkong and Shanghai Bank) захватил Marine Midland Bank в Нью-Йорке, 11-й крупнейший коммерческий банк в штате... Британцы также контролируют создание американских долларов.

Хотя председатель совета гувернёров Федеральной резервной системы Пол Волкер ужесточает кредит против экономики страны, контролируемые британцами банки на Каймановых островах (таких, как European American Bank – ред.), британское владение в 200 милях от Флориды, и на Бермудах, и на дюжине других компьютерных терминалов “свободной банковской деятельности” создают сотни миллиардов американских долларов. Как это делается? "

“Свободное предпринимательство” империи не подлежит соотношениям резервов или другим ограничениям на создание долларовых кредитов. Законный кредит в 1 млн. долл., исходящий из Соединённых штатов, может быть превращён в от 20 до 100 млн. долларовых кредитов, по мере его продвижения через британскую систему соотношений резервов».[Harper's Magazine, Feb. 1980]

Не только финансовая власть, но и юридическая сила, по-прежнему находится в Великобритании. The Washington Post прокомментировал 18 июня 1983, что после американской революции, все старые законы остались в силе в новых США: некоторые из этих законов «английского общего закона» восходят к 1278 г., задолго до открытия Америки.

Эта огромная финансовая власть «сити» сказывается во многих областях. Дин Ачесон (Dean Acheson) говорит в «Present at the Creation», 1969 г., W. W. Norton, Нью-Йорк, стр. 779, «Мы жили в здании посольства, старом особняке Дж. П. Моргана, 14 Prince's Gate, напротив Гайд-парка».

Сколько американцев знают, что резиденция посольства США в Лондоне находится в доме Дж. П. Моргана, или, что Дин Ачесон, бывший служащий Моргана, так описал себя в качестве госсекретаря на стр. 505,

«Моё собственное мироощущение уже давно, и было всем известно, было про-британским». Никто не прокомментировал открытую предвзятость американского госсекретаря в пользу Англии.

«Созданные» Федеральной резервной системой деньги используются не только для финансовых дел; эти деньги также используются, чтобы сохранить контроль банкиров во всех аспектах политической, экономической и социальной жизни.

Они используются для финансирования огромных затрат политических кандидатов, дутые бюджеты университетов, огромные затраты, необходимые для запуска газет или журналов, а также для широкого спектра фондов, «мозговых центров» и других инструментов контроля мозгов.

Психологическая война

Мало кто из американцев знает, что почти все продвижения в психологии в Соединённых штатах за последние шестьдесят пять лет направлялись бюро психологической войны британской армии. Некоторое время назад, настоящий писатель узнал новое название, институт Тавистока в Лондоне, также известный как «институт человеческих отношений Тавистока» (Tavistock Institute of Human Relations). «Человеческие отношения» охватывают все аспекты человеческого поведения, и скромной целью института Тавистока является получение и введение контроля над каждым аспектом человеческого поведения американских граждан.

Из-за интенсивных обстрелов артиллерии Первой мировой войны, многие солдаты получили контузии на всю жизнь. В 1921 году маркиз Тавистока, 11-й герцог Бедфорд (Bedford), подарил здание группе, которая планировала проведение реабилитационных программ для оглушенных снарядами британских солдат.

Группа назвалась «институт Тавистока», по имени своего благодетеля. Генеральный штаб британской армии решил, что крайне важно, чтобы они определили предел срыва солдат в боевых условиях. Институт Тавистока был передан сэру Джону Ролингу Ризу (John Rawlings Reese), главе бюро психологической войны британской армии. В обстановке полной секретности был создан штат высококвалифицированных специалистов психологической войны.

В течение пятидесяти лет имя «институт Тавистока» появляется только два раза в индексе New York Times, хотя эта группа, по словам Ларуша (LaRouche) и других знатоков, организовала и обучила всех сотрудников Управления стратегических служб (OSS), стратегических бомбардировок, Верховного штаба союзных экспедиционных сил и других ключевых американских военных групп в ходе Второй мировой войны.

Во время Второй мировой войны, институт Тавистока объединился с отделением медицинских наук Фонда Рокфеллера для эзотерических экспериментов с изменяющими психику наркотиками.

Теперешняя культура наркотиков США прослеживается в целом к этому институту, который руководил программами ЦРУ по подготовке кадров. «Анти-культура ЛСД» (LSD counter culture) возникла, когда Sandoz AG, швейцарский фармацевтический дом, принадлежащий S. G. Warburg & Co., разработал новый препарат из лизергиновой кислоты, названный ЛСД.

Джеймс Пол Варбург (сын Пола Варбурга, написавшего закон о Федеральной резервной системе в 1910 г.), финансировал филиал института Тавистока в США, названный Институтом политических исследований (Institute for Policy Studies), директор которого, Маркус Раскин (Marcus Raskin), был назначен в Совет национальной безопасности.

Джеймс Пол Варбург создал программу ЦРУ для экспериментов с LSD на агентах ЦРУ, некоторые из которых впоследствии покончили жизнь самоубийством.

Эта программа, MK-Ultra, под руководством доктора Готлиба (Gottlieb), привела к огромным судебным искам против правительства Соединённых штатов от семей погибших.

Институт политических исследований создал филиал «Студенты за демократическое общество» (SDS), посвященный наркотикам и революции. Вместо того, чтобы финансировать SDS самому, Варбург использовал средства ЦРУ, около двадцати миллионов долларов, в целях содействия студенческим бунтам 1960-х годов.

Английский институт Тавистока не ограничивал свою деятельность левыми группами, но также руководил программами таких якобы «консервативных» американских аналитических центров, как Институт Гувера при Стэнфордском университете, Heritage Foundation, Wharton, Hudson, Massachusetts Institute of Technology, and Rand.

Программы «обучение чувствительности» и «половые сношения» радикальных группировок, таких как калифорнийский институт Esalen и его многочисленных подражателей были разработаны и внедрены психологами института Тавистока.

Один из редких репортажей, касающихся института Тавистока, появился в Business Week 26 октября 1963 г., с фотографией своего здания в самых дорогих медицинских кварталах Лондона.

Статья упоминает «фрейдистский уклон» института и комментирует, что он щедро финансируется британскими корпорациями «голубых фишек», в том числе Unilever, British Petroleum и Baldwin Steel.

По данным Business Week психологические программы тестирования и учебные программы групповых отношений института были реализованы в США университетом Мичигана и Калифорнийским университетом, которые являются рассадниками радикализма и наркомании.

Именно к маркизу Тавистоку, 12-му герцогу Бедфорду, прилетел Рудольф Гесс (Rudolf Hess) в Англию, чтобы связаться по вопросу окончания Второй мировой войны. Тависток, по слухам, в 1942 году обладал состоянием в 40 млн. долл. В 1945 году его жена покончила жизнь самоубийством, приняв смертельную дозу таблеток.

БИОГРАФИИ

Нельсон Олдрич (Nelson Aldrich, 1841-1915) Сенатор от штата Род-Айленд, глава Национальной денежной комиссии; его дочь Эбби Олдрич (Abby Aldrich) вышла замуж за Джона Д. Рокфеллера-младшего; он стал дедом его тёзки. Нельсона Олдрича Рокфеллера, а также теперешних Дэвида и Лоуренса Рокфеллеров.

Уильям Дженнингс Брайан (William Jennings Bryan, 1860-1925) Госсекретарь Вудро Уилсона, три раза проигрывал как кандидат в

президенты от демократической партии, в 1896, 1900 и 1908, и глава Демократической партии.

Альфред Овен Крозье (Alfred Owen Crozier, 1863-1939) Известный адвокат в Гранд-Рапидс, Цинциннати и Нью-Йорке, написал восемь книг по правовым и денежным проблемам, уделив особое внимание своей оппозиции к вытеснению конституционных денег корпоративной валютой частных фирм, печатаемой для их прибыли.

Кларенс Диллон (Clarence Dillon, 1882-1979) Родился в Сан-Антонио, штат Техас, сын Самуила Диллона и Берты Лапович (Lapowitz). Гарвард, 1905 г. Женится на Энн Дуглас, Милуоки (Anne Douglass of Milwaukee). Его сын, С. Дуглас Диллон (позже министр финансов, 1961-65) родился в Женеве, Швейцария в 1909 году, когда они были за границей. Диллон познакомился с Уильямом А. Ридом (William A. Read), основателем Wall Street фирмы по сбыту облигаций William A. Read and Company, через Гарвардского одноклассника, Уильяма А. Филлипса в 1912 году и стал сотрудником фирмы Рида в Чикаго в этом году. Он переехал в Нью-Йорк в 1914 году. Рид умер в 1916 году, и Диллон купил контрольный пакет акций в фирме. Во время первой мировой войны Бернанд Барух, председатель

Совета военной промышленности, (известный как царь американской промышленности) попросил Диллона быть помощником председателя Совета военной промышленности. В 1920 году название компании было изменено на Dillon, Read & Company. Диллон был директором корпорации американских иностранных ценных бумаг, которую он создал в 1915 году для финансирования покупок французским правительством боеприпасов в Соединённых штатах.

Его правая рука в Dillon Read, Джеймс Форрестал (James Forrestal), стал военно-морским министром, позднее министром обороны, и умер при загадочных обстоятельствах в федеральной больнице. В 1957 году журнал Fortune назвал Диллона одним из самых богатых людей в Соединённых штатах, с состоянием от 150 до 200 млн. долл.

Алан Гринспен (Alan Greenspan, 1926 -) Назначенный президентом Рейганом вместо Пола Волкера в качестве председателя совета гувернёров Федеральной резервной системы в 1987 году, Гринспен сменил Герберта Стейна в качестве председателя совета экономических советников при президенте в 1974 году. Он был протеже бывшего председателя совета гувернёров, Артура Бернса, родом из Австрии (Бернштейн).

Бернс был монетаристом, представляющим венскую школу экономики Ротшильда, которая проявляла своё влияние в Англии через Королевское колониальное общество, подставное лицо Ротшильдов и других английских банкиров, которые прятали свои прибыли от мировой торговли наркотиками в Гонконг-Шанхай банке.

Главным экономистом Королевского колониального общества был Альфред Маршалл (Alfred Marshall), изобретатель монетаристской теории, который, как глава группы Оксфорд, стал покровителем Уэсли Клэр Митчелл (Wesley Clair Mitchell), который основал Национальное бюро

экономических исследований для Рокфеллеров в США. Митчелл, в свою очередь, стал покровителем Артура Бернса и Милтона Фридмана, чьи теории в настоящее время являются силовыми методами Гринспена в ФРС. Гринспен также протеже Айн Рэнд (Ayn Rand), извращенки, которая мешала свои сексуальные дела с гортанными командами быть эгоистом.

Рэнд была также покровителем пропагандиста ЦРУ Уильяма Бакли (William Buckley) и журнала National Review. Гринспен был директором крупных фирм Уолл-стрит, такие как J. P. Morgan Co., Morgan Guaranty Trust (американский банк для советов после большевистской революции 1917), Brookings Institution, Bowery Savings Bank, the Dreyfus Fund, General Foods, and Time, Inc. Наиболее впечатляющим достижением Гринспена было председательство Национальной комиссии по социальному обеспечению от 1981-1983.

Он жонглировал цифрами, чтобы убедить общественность, что социальное обеспечение является банкротом, когда на самом деле оно имело огромные излишки. Эти цифры были затем использованы для наложения на американских рабочих огромного увеличения налога в области социального обеспечения, которое заложило фундамент теперешней рецессии. Молодожёны не могли покупать машины и дома из-за увеличения налоговых вычетов Гринспена, что приводит на ум экономическое изречение Давида Рикардо (David Ricardo) о железном законе заработной платы, что работникам следует выплачивать только прожиточный минимум, а любые средства сверх этого должны вымогаться из них принудительно за счёт увеличения налогов.

Как партнёр J. P. Morgan Co. с 1977 года, Гринспен представлял непрерывную линию контроля Федеральной резервной системы фирм, представленных на секретном совещании на острове Джекилл в 1910 году, когда Генри П. Дэвисон, правая рука Дж. П. Моргана, был ключевой фигурой в разработке закона о Федеральной резервной системе.

Через несколько дней после вступления в должность председателя ФРС, Гринспен сразу поднял процентную ставку 4 сентября 1987 года, первое такое увеличение в три года общего процветания и вызвал крах фондового рынка в октябре 1987 года, чёрный понедельник, когда средняя Dow Jones упала на 508 пунктов. Под руководством Гринспена ФРС неуклонно подталкивала США глубже и глубже в рецессию, не слыша ни слова критики от услужливых членов Конгресса.

Полковник Эдвард Манделл Хаус (Edward Mandell House 1858-1938) Сын агента Ротшильдов в Техасе. Успешно помог в избрании пяти последовательных губернаторов штата Техас; стал советником Вудро Уилсона в 1912 году. Сотрудничал с Полом Варбургом, чтобы протолкнуть закон о Федеральной резервной системе Конгрессом в 1913 году.

Роберт Мэрион Лафолетт (Robert Marion LaFollette, 1855-1925) Служил в Сенате от штата Висконсин 1905-25 гг. Руководил аграрными реформаторами в противостоянии восточным банкирам и их планам о законе о Федеральной резервной системе. Баллотировался на пост президента в 1924 году от прогрессивной социалистической партии.

Чарльз Августа Линдберг-старший (Charles Augustus Lindbergh, Sr., 1860-1924)

Конгрессмен от штата Миннесота (1907-1917), который вёл борьбу против принятия закона о Федеральной резервной системе в 1913 году. Он служил до 1917 года, когда он ушёл в отставку, чтобы баллотироваться на губернатора штата Миннесота.

Он успешно вёл кампанию, несмотря на враждебные нападки прессы во главе с New York Times. Его кампании был нанесен удар, когда Федеральные агенты сожгли его книги, в том числе «Почему ваша страна воюет?», документы и содержимое его домашней канцелярии в Литл-Фолс, штат Миннесота.

Луис Т. Макфадден (Louis T. McFadden, 1876-1936) Конгрессмен и председатель Комитета Палаты представителей по банковским и денежным вопросам, 1927-33 гг.; мужественно выступал против манипуляторов Федеральной резервной системы в 1920-х и 1930-х годах. Представил законопроекты за импичмент совета губернёров Федеральной резервной системы и их сторонников. После трёх покушений на его жизнь, он умер при загадочных обстоятельствах.

Джон Пирпонт Морган (John Pierpont Morgan, 1837-1913) Считался доминирующим американским финансистом на рубеже века. «Кто есть кто» в 1912 году заявил, что он «контролирует 50.000 км железных дорог в Соединённых штатах». Организовал United States Steel Corporation. Стал представителем дома Ротшильдов через его отца, Юния С. Моргана, который стал лондонским партнёром George Peabody & Company, позже Junius S. Morgan Company, агент Ротшильдов. Джон Пирпонт Морган-младший сменил своего отца в качестве главы империи Морганов.

Дэвид Маллинс (David Mullins, 1946 -) Назначен губернёром Федеральной резервной системы 21 мая 1990 года, со сроком до 31 января 1996. Недавно он был выдвинут в качестве заместителя председателя совета губернёров Федеральной резервной системы, и работал в качестве помощника министра финансов по отечественным финансам 1988-90 гг., получив высшую награду министерства, премию Александра Гамильтона, за его работу в таких программах, как синтетическое топливо, федеральные финансы, Совет кредитной помощи фермерам, и автор плана президента по спасению сберегательных и кредитных учреждений.

Он является дальним родственником автора, произошедший от Джона Маллинса, первого зарегистрированного поселенца в западной части штата Виржиния, герой битвы King's Mountain, и получатель 200 акров земли за службу в американской революции.

Райт Патман (Wright Patman, 1893-1976) Конгрессмен и председатель Комитета палаты представителей по банковским и денежным вопросам 1963-74 гг. Возглавлял борьбу в Конгрессе, чтобы остановить манипуляторов Федеральной резервной системы с 1937 г. до своей смерти в 1976 году.

Конгрессмен Арсен Пужо (Arsene Pujo, 1861-1939)
Служил в Конгрессе 1903-1913 гг. Демократ из Луизианы. Председатель Комитета палаты представителей по банковским и денежным вопросам. Председатель подкомитета «Слушаний Пужо», в 1912 г.

Сэр Гордон Ричардсон (Gordon Richardson, 1915 -)
Глава Банка Англии с 1973 года. Председатель J. Henry Schroder Wagg, Лондон, 1962-72; директор J. Henry Schroder Banking Corporation, Нью-Йорк; Schroder Banking Corporation, Нью-Йорк; банка Lloyd's, Лондон, Rolls Royce.

Яков Шифф (Jacob Schiff, 1847-1920)
Родился в доме Ротшильдов во Франкфурте, Германия. Эмигрировал в США, женился на Терезе Лёб, дочери Соломона Лёба, основателя Kuhn, Loeb and Co. Шифф стал старшим партнёром Kuhn, Loeb and Co., и в качестве представителя интересов Ротшильд получил контроль над большей частью железнодорожных путей в Соединённых штатах.

Барон Курт фон Шредер (Kurt von Schroder, 1889-1966)
Личный банкир Адольфа Гитлера, добывал средства для прихода Гитлера к власти в Германии в 1933 году; немецкий представитель в Лондоне и Нью-Йорке филиалов J. Henry Schroder Banking Corporation; в войсках СС имел чин старшего руководителя группы; директор всех немецких дочерних I.T.T; член круга друзей Гимmlера; советник совета директоров Дойче Рейхсбанка (немецкий центральный банк).

Энтони Мортон Соломон (Anthony Morton Solomon, 1919-2008)
Получил образование в Гарварде, экономист Администрации контроля цен, 1941-42; финансовая миссия в Иран, 1942-46; Агентство по международному развитию Южной Америки, 1965-69; президент международной инвестиционной корпорации по Югославии 1969-72; советник председателя Комитета регламента палаты представителей, 1972-73; заместитель министра по валютным вопросам, казначейство США, 1977-80; президент Федерального резервного банка Нью-Йорка, 1980 -.

Самуэль Унтермейер (Samuel Untermyer, 1858-1940)
Партнёр юридической фирмы Guggenheimer and Untermyer, Нью-Йорк, который проводил «Пужо слушания» подкомитета палаты представителей по банковским и валютным вопросам в 1912 году. Адвокат Роджерса и Рокфеллера во многих крупных исках против Ф. Августа Хайнце, Томас Лоусона W и других.

Заработал 775.000 долл. в качестве одноразового гонорара за устройство слияния Utah Copper Company. По сообщению The New York Times от 26 мая 1924 призывал немедленно признать Советской Союз на митинге в Карнеги-холл. Престиж и власть Унтермейера подчёркиваются тем фактом, что его некролог на первой странице The New York Times охватывает шесть колонок. Его биография в «Кто есть кто» была самой длинной в течение тринадцати лет.

Фрэнк Вандерлип (Frank Vanderlip, 1864-1937)
Помощник министра финансов 1897-1901; завоевал престиж за финансирование испанско-американской войны, запустив 200,000,000 долл. облигаций, за что эта война стала называться войной National City

Bank 1909-19 гг. во время его президентства. Один из оригинальных членов группы Jekyll Island, которая написала закон о Федеральной резервной системе в ноябре 1910 года. В его обширном некрологе в The New York Times от 30 июня 1937 года об этом важном факте упоминания нет.

Джордж Сильвестр Вьерек (George Sylvester Viereck, 1884-1962) Автор авторитетного исследования «The Strangest Friendship in History, Woodrow Wilson and Col. House», Liveright 1932 года. Ведущий поэт начала 1900-х годов, когда его произведения освещались на первой странице New York Times Book Review, и известен как ведущий немецко-американский гражданин Соединённых штатов.

Пол Волкер (Paul Volcker, 1927 -) Председатель совета guvernёров ФРС с 1979 года, назначен президентом Картером, назначен президентом Рейганом ещё на четыре года срока полномочий, начинающегося 6 августа 1983 г. Учился в Принстоне, Гарварде и Лондонской школе экономики; служил в Федеральном резервном банке Нью-Йорка, 1952-57; Chase Manhattan Bank, 1957-61; министерство финансов, 1961-74; президент Федерального резервного банка Нью-Йорка, 1975-79 .

Пол Варбург (Paul Warburg, 1868-1932) Считается авторитетами фактическим автором плана нашего центрального банка, Федеральной резервной системы. Эмигрировал в США из Германии 1904; партнёр Kuhn, Loeb and Company, Нью-Йорк; натурализован в 1911 году. Член оригинального совета guvernёров Федеральной резервной системы, 1914-1918; президент Федерального консультативного совета, 1918-1928. Брат Макса Варбурга, который был главой немецкой секретной службы во время Первой мировой войны и кто представлял Германию на конференции мира, 1918-1919, а Пол был председателем Федеральной резервной системы.

Сэр Уильям Уайзман (William Wiseman, 1885-1962) Партнёр Kuhn Loeb and Company; глава британской секретной службы во время Первой мировой войны работал в тесном сотрудничестве с полковником Хаусом доминируя США и Англию.

Часто задаваемые вопросы о Федеральной резервной системе

Читая лекции во многих странах и выступая на радио и телевизионных программах в качестве гостя, автор часто отвечал на задаваемые вопросы о Федеральной резервной системе. Наиболее часто задаваемые вопросы и ответы на них приведены ниже:

Вопрос: Что такое Федеральная резервная система?

Ответ: Федеральная резервная система не является федеральной, у неё нет резервов, и это не система, а, скорее, преступный синдикат. Она является результатом преступной деятельности синдикалистского международного консорциума династических семейств, составляющих то, что автор именуется «мировой порядок» (см. книги Юстаса Маллинса «Мировой порядок» и «Проклятие Ханаана»).

Федеральная резервная система является центральным банком, работающим в Соединённых штатах. Хотя студенты не найдут такого определения центрального банка в учебниках любого университета, автор определил центральный банк следующим образом: это доминирующая финансовая власть страны, которая пустила её к себе. Он полностью является частной собственностью, хотя и стремится создать видимость правительственного учреждения.

Он имеет право печатать и выпускать деньги, традиционно прерогатива монархов. Он создан для обеспечения финансирования войн. Он функционирует как денежная монополия, имеющая всю власть над всеми деньгами и кредитом народа.

Вопрос: Знали ли конгрессмены, что они создавали центральный банк, когда Конгресс принял закон о Федеральной резервной системе 23 декабря 1913 года?

Ответ: Членам 63-его Конгресса ничего не было известно о центральном банке или его монополистической деятельности. Многие из тех, кто проголосовал за законопроект были обмануты; другие были подкуплены; другие были запуганы.

Предисловие к закону о Федеральной резервной системе гласит: «Закон для обеспечения создания банков Федеральной резервной системы, создания эластичной валюты, получения средств дисконта коммерческих бумаг, установления более эффективного контроля над банковской деятельностью в Соединённых штатах, как и для других целей».

Неуказанные «другие цели» должны были дать международным заговорщикам монополию на все деньги и кредит народа Соединённых Штатов; финансировать первую мировую войну через этот новый центральный банк, отдать американских рабочих на милость агентства по сбору платежей Федеральной резервной системы, Internal Revenue Service, а также позволить монополистам захватить активы своих конкурентов и вытеснить их из бизнеса.

Вопрос: Является ли Федеральная резервная система правительственным учреждением?

Ответ: Даже нынешний председатель банковского комитета палаты представителей утверждает, что Федеральная резервная система является государственным учреждением, а не частной собственностью. Дело в том, что правительство никогда не имело ни одной акции Федерального резервного банка.

Это шарада связана с тем, что президент США назначает губернёров Федеральной резервной системы, которые затем утверждаются Сенатом. Секретный автор закона, банкир Пол Варбург, представитель банка Ротшильдов, с потолка подобрал название «Федеральный» для закона, который он написал для достижения своих двух любимых стремлений, «эластичной валюты», (читай резиновый чек), а также содействовать сделкам с акцептами, международными кредитами торговли.

Варбург был основателем и президентом Международной корпорации акцептов (International Acceptance Corporation), и заработал миллиардные прибыли от торговли этими коммерческими бумагами. Секция 7 закона о Федеральной резервной системе предусматривает «Федеральные резервные банки, в том числе капитал и его профицит, и доход, полученный от них, должны быть освобождены от федеральных, штатных и местных налогов, за исключением на недвижимость». Правительственные здания не платят налог на недвижимость.

Вопрос: Являются ли долларовые купюры, помеченные ярлыком «Банкнота Федеральной резервной системы», государственными деньгами?

Ответ: Банкноты Федеральной резервной системы являются фактически векселями, обещанием заплатить, а не тем, что мы традиционно считали деньгами. Они представляют собой процентные векселя, выпущенные на основании процентных государственных облигаций, ценных бумаг, выпущенных только с бумажным обеспечением, которое известно как бумажные деньги, потому что они имеют только «fiat» эмитента гарантировать эти банкноты.

Закон о Федеральной резервной системе разрешает выдачу этих банкнот «с целью выдачи авансов банкам Федеральной резервной системы... банкноты должны быть облигациями Соединённых штатов. Они должны быть погашены золотом по требованию [предъявителя] в Казначействе Соединённых штатов в округе Колумбия». Туристы, посещающие Бюро печати и гравировки на «Аллее» (Mall) в Вашингтоне, округ Колумбия, видят как печатаются банкноты Федеральной резервной системы в этом правительственном учреждении по договору с Федеральной резервной системой по номинальной цене 0,00260 долл. за штуку в количестве 1000, по одной и той же цене независимо от достоинства.

Эти банкноты, напечатанные для частных банков, становятся суммами пассива и обязательствами правительства США и прибавляются к нашему теперешнему долгу в 4 триллиона долларов [Более 14 триллионов в июне 2011 г., MoP]. Когда в 1913 году был принят закон о Федеральной резервной системе, у правительства практически не было никакого долга.

Вопрос: Кто владеет акциями Федеральных резервных банков?

Ответ: Династические семьи правящего Мирового порядка, интернационалисты, которые не лояльны ни к расе, ни к религии или нации. Это такие семейства, как Ротшильды, Варбурги, Шиффы, Рокфеллеры, Гарриманы, Моргановы и другие известные как элита, или «толстосумы».

Вопрос: Могу ли я купить эти акции?

Ответ: Нет. Закон о Федеральной резервной системе предусматривает, что акции Федеральных резервных банков не могут быть куплены или проданы на любой фондовой бирже. Они передаются по наследству, как состояние «толстосумов». Почти половина владельцев акций Федерального резервного банка – не американцы.

Вопрос: Является ли Налоговая служба (IRS) государственным учреждением?

Ответ: Хотя она числится в списках министерства финансов, IRS на самом деле частное агентство по сбору платежей для Федеральной резервной системы. Она возникла как Чёрная рука в средневековой Италии, сборщики долгов силой и вымогательством для правящих итальянских семей банды.

Все личные подоходные налоги, собранные IRS, в соответствии с законом, должны быть депонированы в ближайшем Федеральном резервном банке, в соответствии с секцией 15 закона о Федеральной резервной системе: «Денежные средства, находящиеся в общем фонде казначейства могут быть... депонированы в банки Федеральной резервной системы, которые, когда это требуется министром казначейства, выступают в качестве налоговых агентов Соединенных штатов».

Вопрос: Контролирует ли совет гувернёров Федеральной резервной системы ежедневную цену и количество денег?

Ответ: Совет гувернёров Федеральной резервной системы, собираясь на заседание за закрытыми дверями как Федеральный комитет по открытому рынку с президентами федеральных резервных банков, контролирует всю экономическую деятельность на территории Соединённых штатов путём выдачи ордера на покупку государственных облигаций на открытом рынке, создавая деньги из ничего, и вызывает инфляционное давление, или, наоборот, за счёт продажи государственных облигаций на открытом рынке и тушения долга, создаёт дефляционное давление и вызывает падение фондового рынка.

Вопрос: Может ли Конгресс отменить Федеральную резервную систему?

Ответ: Последнее положение закона о Федеральной резервной системе 1913 года, гл. 30, гласит: «Право вносить изменения, модифицировать или отменить данный закон сохранено». Эти слова означают, что Конгресс может в любое время внести предложение об отмене Федеральной резервной системы, или выкупить акции и сделать её частью министерства финансов, или изменить систему, как считает это нужным. Он никогда этого не делал.

Вопрос: Есть ли много критиков Федеральной резервной системы кроме вас?

Ответ: Когда я начал исследования в 1948 году, ФРС было всего тридцать четыре года. Она никогда не упоминалась в прессе. Сегодня ФРС открыто обсуждается в разделах новостей и финансовых страниц. В Конгрессе есть законопроект, чтобы ФРС проверялось бюджетно-контрольным управлением правительства. Из-за моего разоблачения, это уже не священная корова, хотя большая тройка кандидатов на пост президента в 1992 году, Буш, Клинтон и Перо, стали единодушно петь во время дебатов, что они обязываются не трогать ФРС.

Вопрос: Были ли у вас какие-либо личные последствия из-за вашего разоблачения ФРС?

Ответ: Я был уволен из числа сотрудников Библиотеки Конгресса после того как я опубликовал это экспозе в 1952 году, став единственным человеком, когда-либо уволенным из штата по политическим мотивам. Когда я подал в суд, суд отказался рассматривать это дело.

Всё немецкое издание этой книги был сожжено в 1955 году, став единственным книгами, сожжёнными в Европе со времён Второй мировой войны. Я пережил непрерывные преследования со стороны государственных учреждений, как подробно изложено в моих книгах «Писание о мучениках» и «Моя жизнь во Христе».

Моя семья также страдала от преследований. Когда я недавно выступал в Wembley Arena в Лондоне, пресса осудила меня, как «сумасшедшего злопыхателя».

Вопрос: Всегда ли пресса поддерживает ФРС?

Ответ: В последние месяцы наблюдались некоторые обнадеживающие дезертирства. Первая полоса Wall Street Journal 8 февраля 1993 заявила, что «Нынешнюю структуру ФРС трудно оправдать в условиях демократии. Это странно недемократическое учреждение.

Она так организована, что есть только один резервный банк к западу от Скалистых гор, и два в штате Миссури... Наличие центрального банка с монополией на выпуск валюты в демократическом обществе – нелёгкий жонглёрский трюк».

Индекс имён

Аббот, Лоуренс (Lawrence Abbot)
Адамс, Джон Куинси (John Quincy Adams)
Айнциг, Пол, (Paul Einzig)
Аллен, В. Г. (W. H. Allen)
Аллен, Карл Э. (Carl E. Allen)
Андерсон, Бенджамин (Benjamin Anderson)
Андрю, А. Пиатт (A. Piatt Andrew)
Астор, (Astor)
Аткинсон, (Atkinson)
Аучинклосс, Гордон (Gordon Auchincloss)
Багдикиан, Бен Дж. (Ben J. Bagdikian)
Балкли, (Bulkley)
Балла, Игнатий (Ignatius Balla)
Баллин, (Ballin)
Бальфур, (Balfour)
Барнс, Юлий Х. (Julius H. Barnes)
Барри, Уолтер (Walter Barrie)
Баррон, Кларенс В. (Clarence W. Barron)
Барух, Бернанд (Bernard Baruch)
Бауэр, Мейер Амшель (Mayer Amschel Bauer)
Бахметьев, (Bakmetiev)
Бейкер, Джордж Ф. (George F. Baker)
Бейкер, Эдит Бревоорт (Edith Brevoort Baker)
Бельмонт, (Belmont)
Берджесс, В. Рэндольф (W. Randolph Burgess)

Бернхем, Джеймс (James Burnham)
Берг, Х. Е. (H. E. Bergh)
Бёрнс, Джеймс (James Byrnes)
Бернштейн, Питер Л. (Peter L. Bernstein)
Бетман, Мориц (Moritz Bethmann)
Биди (Beedy)
Бидл, Николас (Nicholas Biddle)
Бишоп, Елизавета (Elizabeth Bishop)
Бишофсгейм (Bischoffsheim)
Блейхродер, Самуил (Samuel Bleichroder)
Блюментал, Джордж (George Blumenthal)
Брага, Джордж А. (George A. Braga)
Брайан, Уильям Дженнингс (William Jennings Bryan)
Брандейс, Луис (Louis Brandeis)
Браун, Александр (Alexander Brown)
Бристоу (Bristow)
Брукс, Уоррен (Warren Brookes)
Брукхарт (Brookhart)
Брэдфорд (Bradford)
Буш, Джордж (George Bush)
Буш, Прескотт (Prescott Bush)
Вагнер (Wagner)
Вандерлип, Фрэнк (Frank Vanderlip)
Варбург, Макс (Max Warburg)
Варбург, Пол (Paul Warburg)
Варбург, Феликс (Felix Warburg)
Винтерботам, Ф. В. (F. W. Winterbotham)
Волкер, Пол (Paul Volcker)
Воорхис, Джерри (Jerry Voorhis)
Вриленд, Эдвард (Edward Vreeland)
Вьерек, Джордж Сильвестр (George Sylvester Viereck)
Гамильтон, Александр (Alexander Hamilton)
Гэри, Джадж (Judge Gary)
Гаррисон, Елиша Элай (Elisha Ely Garrison)
Гаррити, Дэвин (Devin Garrity)
Гарриман, Эдвард Х. (Edward H. Harriman)
Гарриман, Мэри В. (Mary W. Harriman)
Гарфилд (Garfield)
Гейтс, Томас С. (Thomas S. Gates)
Гесс, Рудольф (Rudolf Hess)
Гилберт, С. Паркер (S. Parker Gilbert)
Гисс, Алджер (Alger Hiss)
Гисса, Дональд (Donald Hiss)
Гиффорд (Gifford)
Гласс, Картер (Carter Glass)
Гольвег, фон Бетман (von Bethmann Hollweg)
Гольденвейзер, Эммануэль (Emmanuel Goldenweiser)
Гольдшмидт (Goldschmidt)
Гольц, фон дер (von der Goltz)
Грей, Прентисс (Prentiss Gray)
Гувер, Герберт (Herbert Hoover)
Гуггенхайм (Guggenheim)
Гулевич, Арсен (Arsene Goulevitch)
Гюнтер, Джон (John Gunther)

Дабни, Чарльз Х. (Charles H. Dabney)
Дадли (Dudley)
Далл, Кертис Б. (Curtis B. Dall)
Даллес, Аллен (Allen Dulles)
Даллес, Джон Фостер (John Foster Dulles)
Данбар (Dunbar)
Дарлинг, Дж. Е. (J. E. Darling)
Даррелл-младший, Норрис (Norris Darrell, Jr.)
Дебс, Евгений (Eugene Debs)
Девоншир (Devonshire)
Делано, Ф. А. (F. A. Delano)
Денни (Denny)
Джаретский-младший, Альфред (Alfred Jaretzki, Jr.)
Джеймс, Джордж Р. (George R. James)
Джеймс, Ф. Кирилл (F. Cyril James)
Джексон, Эндрю (Andrew Jackson)
Джефрей, К. Т. (K. T. Jaffray)
Джефферсон, Томас (Thomas Jefferson)
Джозефсон, Мэтью (Matthew Josephson)
Джойс, Джеймс (James Joyce)
Джон, Отто (Otto John)
Джонс, У. Бентон (W. Benton Jones)
Джонс, Томас Д. (Thomas D. Jones)
Джонсон, Брайан (Brian Johnson)
Джюльярд, А. Д. (A. D. Juillard)
Дизраэли (Disraeli)
Доджа, Кливленд Х. (Cleveland H. Dodge)
Доусон, Джеффри (Geoffrey Dawson)
Дрексел, Антони (Anthony Drexel)
Друк, Дэвид (David Druck)
Друкер, Питер (Peter Drucker)
Дьюи (Dewey)
Дэвис, Джон У. (John W. Davis)
Дэвисон, Генри П. (Henry P. Davison)
Дэвисон, Даниэль (Daniel Davison)
Забриски, Г. А. (G. A. Zabriskie)
Зонтаг, Сьюзен (Susan Sontag)
Инсулл, Самуил (Samuel Insull)
Йетс, Уильям Батлер (William Butler Yeats)
Йорк, В. У. (V. W. Yorke)
Кавелл, Эдит (Edith Cavell)
Кайндред (Kindred)
Кайнс, Арчибальд (Archibald Kains)
Каммингс, Е. Е. (E. E. Cummings)
Кан, Отто (Otto Kahn)
Канарис (Canaris)
Каннингем (Cunningham)
Карр, Уильям Гай (William Guy Carr)
Карранса (Carranza)
Каспер, Джон (John Kasper)
Кассел, Эрнест (Ernest Cassel)
Кассель, Густав (Gustav Cassel)
Катц, Израиль (Israel Katz)
Квигли, Кэрролл (Carrol Quigley)

Кейнс, Мейнард (Lord Maynard Keynes)
Керзон (Curzon)
Келлоч, Гарольд (Harold Kelloch)
Кеммерер, Е. В. (E. W. Kemmerer)
Кеньон (Kenyon)
Керри, Лоухлин (Lauchlin Kerri)
Киндерсли, Роберт (Robert Kindersley)
Кларк, Чэмп (Champ Clark)
Клемансо (Clemenceau)
Кльюз, Генри (Henry Clews)
Кнут, Е. С. (E. C. Knuth)
Колбёрн (Kolburn)
Конант, Джеймс Б. (James B. Conant)
Конрой, Джордж (George Conroy)
Коти, Франсуа (Francois Coty)
Коутс, У. Х. (W. H. Coates)
Крил, Джордж (George Creel)
Криссингер, Д. Р. (D. R. Crissinger)
Крозье, Альфред (Alfred Crozier)
Крюгер, Ивар (Ivar Kreuger)
Куинси (Quincy)
Кулидж (Coolidge)
Кук, Альфред А. (Alfred A. Cook)
Купер, Кент (Kent Cooper)
Лаваль, Пьер (Pierre Laval)
Ламонт, Т. В. (T. W. Lamont)
Ларсон, Мартин (Martin Larson)
Ларуш (LaRouche)
Лафлин, Дж. Лоуренс (J. Laurence Laughlin)
Лафоллет (LaFollette)
Левинсон, Ричард (Richard Lewinsohn)
Легия, Хуан (Juan Leguia)
Ледерс (Lord Leathers)
Леман, Герберт (Herbert Lehman)
Леманн-Руссбельдт, Лейн Отто (Lane Otto Lehmann-Russbeldt)
Леффингуэлл, Роско С. (Roscoe C. Leffingwell)
Лидс (Leeds)
Ли-Пембертон, Роберт (Robert Leigh-Pemberton)
Липпман, Уолтер (Walter Lippmann)
Лоакс, Х. В. (H. W. Loucks)
Ловетт, Роберт (Robert Lovett)
Логан (Logan)
Ломбард, Норман (Norman Lombard)
Лоуренс, Дэвид (David Lawrence)
Линдберг-старший, Чарльз А. (Charles A. Lindbergh, Sr.)
Лундберг, Фердинанд (Ferdinand Lundberg)
Майер, Мартин (Martin Mayer)
Макаду, Уильям (William McAdoo)
МакВей (MacVeagh)
Макинтош, Дж. В. (J. W. McIntosh)
МакКенна, Реджинальд (Reginald McKenna)
Маккамбер (McCumber)
МакФадден, Луис (Louis McFadden)
Манделл, Маргарет (Margaret Mandell)

Мартин, Уильям Макчесни (William McChesney Martin)
Маршалл, Луис (Louis Marshall)
Маунтбаттен (Mountbatten)
Мейер, Юджин (Eugene Meyer)
Мейер-младший, Юджин (Eugene Meyer, Jr .)
Меллон, Эндрю (Andrew Mellon)
Мельхиор, Карл (Carl Melchior)
Менкен, Х. Л. (H. L. Mencken)
Милвилл, Е. К. (E. C. Mieville)
Милликен, Франк Р. (Frank R. Milliken)
Миллер, Адольф С . (Adolph C. Miller)
Миллс, Огден (Ogden Mills)
Морган, Джозеф (Joseph Morgan)
Морган, Дж. П. (J. P. Morgan)
Морган, Юний С. (Junius S. Morgan)
Моргентау, Генри (Henry Morgenthau)
Моррисон, Ральф У. (Ralph W. Morrison)
Мортон, Фредерик (Frederick Morton)
Мосли, Леонард (Leonard Mosley)
Муди, Джон (John Moody)
Мур (Moore)
Неймарк, М. (M. Neymarck)
Нитце, Пол Х. (Paul H. Nitze)
Норман, Монтагю (Lord Montagu Norman)
Норрис, Дж. В. (G. W. Norris)
Нортклифф (Northcliffe)
Нортон, Чарльз Д. (Charles D. Norton)
Ньюмен, Эрнест (Ernest Newman)
Обликели (Obliquely)
О'горман (O'Gorman)
Олденхем (Aldenham)
Олдрич, Нельсон (Nelson Aldrich)
Олдрич, Уинтроп (Winthrop Aldrich)
Орландо (Orlando)
Оуэн, Роберт Л. (Robert L. Owen)
Пайн, Перси (Percy Pyne)
Пайфер, Алан (Alan Pifer)
Патерсон, Уильям (William Paterson)
Патман, Райт (Wright Patman)
Паунд, Эзра (Ezra Pound)
Пеглер, Уэстбрук (Westbrook Pegler)
Пейдж, Уолтер Хайнс (Walter Hines Page)
Пембрук (Pembroke)
Пенталеони (Pentaleoni)
Перло, Виктор (Victor Perlo)
Пёрфлит (Purfleet)
Пибоди, Джордж (George Peabody)
Платт, Эдмунд (Edmund Platt)
По, Эдгар Аллан (Edgar Allan Poe)
Полк, Фрэнк (Frank Polk)
Портильо, Лопес (Lopez Portillo)
Пратт, Джордж Шульц (George Pratt Schultz)
Пратт, Филлис (Phyllis Pratt)
Прессман, Ли (Lee Pressman)

Принцип, Гаврил (Gavril Princeps)
Пужо, Арсен (Arsene Pujó)
Райан, Виржиния Форчун (Virginia Fortune Ryan)
Райан, Джон Бэрри (John Barry Ryan)
Райан, Томас Форчун (Thomas Fortune Ryan)
Редер, Гидо (Guido Roeder)
Рейни (Raineу)
Рейсс, Генри С. (Henry S . Reuss)
Ридинг (Reading)
Рикард, Эдгар (Edgar Rickard)
Рионда, М. Е. (M. E. Rionda)
Ричардсон, Гордон (Gordon Richardson)
Родс, Сесиль (Cecil Rhodes)
Розбери (Rosebery)
Розенберг, Альфред (Alfred Rosenberg)
Рокфеллер, Джон Д . (John D. Rockefeller)
Рокфеллер, Уильям (William Rockefeller)
Рокфеллер, Эйвери (Avery Rockefeller)
Ропп, Вильгельм де (Wilhelm de Ropp)
Ротшильд, Амшель (Amshel Rothschild)
Ротшильд, Альфред (Alfred Rothschild)
Ротшильд, Джеймс (James Rothschild)
Ротшильд, Натан Майер (Nathan Mayer Rothschild)
Роу, В. С. (W.S. Rowe)
Руза, Роберт (Robert Roosa)
Рузвельт, Теодор (Theodore Roosevelt)
Рузвельт, Франклин Д. (Franklin D. Roosevelt)
Рут, Элиу (Elihu Root)
Рэнд (Rand)
Рэнсом, Рональд (Ronald Ransom)
Рю, Леви Л. (Levi L. Rue)
Саймон, Уильям (William Simon)
Саттон. Энтони С. (Antony C. Sutton)
Сверинген Ван (Van Sweringen)
Селигман, Е. Р. А. (E. R. A. Seligman)
Сеймур, Чарльз (Charles Seymour)
Сии, Джордж (George Seay)
Симпсона, Джон Лоури (John Lowery Simpson)
Скилкопф (Schoellkopf)
Смит, Ал (Al Smith)
Смит, Артур Хауден (Arthur Howden Smith)
Смит, Вера К. (Vera C. Smith)
Смит, Риксей (Rixey Smit)
Соломон, Энтони (Anthony Solomon)
Солсбери (Salisbury)
Спраг, О. М. (O. M. Sprague)
Спринг-Райс, Сесил (Cecil Spring-Rice)
Стамп, Иосия (Josiah Stamp)
Стерлинг, Джон В. (John W. Sterling)
Стивенсон (Stephenson)
Стилман, Джеймс (James Stillman)
Стилман, Карлос (Carlos Stillman)
Стипсон, Джордж (George Stimpson)
Стоун (Stone)

Стронг, Бенджамин (Benjamin Strong)
Суинни, Е. Ф. (E. F. Swinney)
Тагуэлл, Рексфорд Гай (Rexford Guy Tugwell)
Тафт, Уильям Говард (William Howard Taft)
Тейлор (Taylor)
Тейлор, Моисей (Moses Taylor)
Тейлор, Х. А. С. (H. A. C. Taylor)
Тиаркс, Франк Кирилл (Frank Cyril Tiarks)
Томас, Норман (Norman Thomas)
Туэйтс, Норман (Norman Thwaites)
Уайз, Стивен (Stephen Wise)
Уайзман, Уильям (William Wiseman)
Уайнбергер, Каспар (Caspar Weinberger)
Уайт, Гарри Декстер (Harry Dexter White)
Уайт, Уильям Л. (William L. Whit)
Уатс (Watts)
Убриг, Франц (Franz Urbig)
Уилер, Джордж (George Wheeler)
Уиллис, А. д'А. (A. d'A. Willis)
Уиллис, Г. Паркер (H. Parker Willis)
Уилсон, Вудро (Woodrow Wilson)
Уильямс, Джон Скелтон (John Skelton Williams)
Уильям, Томас (Thomas William)
Уинг, Даниэль С. (Daniel S. Wing)
Уинго (Wingo)
Уинклер (Winkler)
Уинн, Дональд Дж. (Donald J. Winn)
Уинтроп (Winthrop)
Уорбойс, У. Дж. (W. J. Worboys)
Уоррен (Warren)
Черчилль, Уинстон (Winston Churchill)
Унтермейер, Сэмюэл (Samuel Untermyer)
Уэтмор, Франк О. (Frank O. Wetmore)
Фишер, Ирвинг (Irving Fisher)
Флетчер (Fletcher)
Флэндерс (Flanders)
Форбс, Берти Чарльз (Bertie Charles Forbes)
Форбс, Малколм, (Malcom Forbes)
Форган, Дж. Б. (J. B. Forgan)
Франки, Эмиль (Emile Francqui)
Франкфуртер, Феликс (Felix Frankfurter)
Франциска, Эмма (Emma Franziska)
Фрайдей (Friday)
Фрейм, Андрю (Andrew Frame)
Френдли, Ал (Al Friendly)
Фридман, Милтон (Milton Friedman)
Фуллер, Карлтон П. (Carlton P. Fuller)
Хазлитт, Генри (Henry Hazlit)
Халл, Корделл (Cordell Hull)
Хамби (Hamby)
Хамбро, Чарльз (Charles Hambro)
Хамлин, Чарльз С. (Charles S. Hamlin)
Ханауер, Алисе (Alice Hanauer)
Ханауер, Джером (Jerome Hanauer)

Хант, Х. Л. (H. L. Hunt)
Харвуд, Е. К. (E. C. Harwood)
Харгрейв, Джон (John Hargrave)
Хардинг, В. П. Г. (W. P. G. Harding)
Хармер, Ф. Е. (F. E. Harmer)
Харрис, Беверли (Beverly Harris)
Харрисон, Джордж (George Harrison)
Хауден, Артур Д. Смит (Arthur D. Howden Smith)
Хаус, Эдуард Манделл (Edward Mandell House)
Хейлшем (Hailsham)
Херрик, Мирон Т. (Myron T. Herrick)
Хиггинсон, Генри (Henry Higginson)
Хилл, Дж. (James J. Hill)
Хичкок, Г. М. (G. M. Hitchcock)
Хортон, Давид (David Horton)
Хупес, Рой (Roy Hoopes)
Хуерта (Huerta)
Хьюстон (Houston)
Хэмилл, Джон (John Hamill)
Чейз, Стюарт (Stuart Chase)
Чемберлен, Невилл (Neville Chamberlain)
Чирол, Валентин (Valentine Chirol)
Шахт, Ялмар (Hjalmar Schacht)
Шелтон (Shelton)
Шенберг, Август (August Schoenberg)
Шифф, Джон М. (John M. Schiff)
Шифф, Яков (Jacob Schiff)
Шоу, Лесли (Leslie Shaw)
Шредер, Курт фон (Kurt von Schroeder)
Штраус, Альберт (Albert Strauss)
Штраус, Льюис Лихтенштейн (Lewis Lichtenstein Strauss)
Штраус, Уильям Георг фон (William Georg von Strauss)
Шумуэй, Норман Д. (Norman D. Shumway)
Шунеман, (Schuneman)
Шустер, Г. Е. (G. E. Schuster)
Эберсол, (Ebersole)
Эйрли, (Airlie)
Экклс, Марринер (Marriner Eccles)
Эксетер, (Exeter)
Эллери, Уильям (William Ellery)
Эллиот, Т. С. (T. S. Elliot)
Эмден, Пол (Paul Emden)
Эрцбергер, Матиас (Mathias Erzberger)
Янг, Рой А. (Roy A. Young)

Сноски

01. Nathaniel Wright Stephenson, записки Пола Варбурга, “Нельсон Олдрич, Лидер в американской политике”, “Nelson W. Aldrich, A Leader in American Politics”, Scribners, NY 1930.
02. “CURRENT OPINION”, December, 1916, p. 382.
03. Nathaniel Wright Stephenson, “Nelson W. Aldrich, A Leader in American Politics”, Scribners, N.Y. 1930, Chap. XXIV “Jekyll Island”.
04. T. W. Lamont, “Henry P. Davison”, Harper, 1933

05. Clarendon, Hist. Reb. 1647.
06. Nathaniel Wright Stephenson, "Nelson W. Aldrich, A Leader in American Politics", Scribners, N.Y. 1930, Chap. XXIV "Jekyll Island" p. 379.
07. Пол Варбург, "The Federal System Reserve System, Its Origin and Growth", («Федеральная резервная система, её происхождение и рост»), том I, стр. 58, Macmillan, New York, 1930.
08. "Current opinion", December, 1916, p. 382.
09. Nathaniel Wright Stephenson, "Nelson W. Aldrich, A Leader in American Politics", Scribners, N.Y. 1930, Chap. XXIV "Jekyll Island" p. 379.
10. Frank Vanderlip, "From Farmboy to Financier" («От деревенского батрака до финансиста»).
11. Nathaniel Wright Stephenson, "Nelson W. Aldrich, A Leader in American Politics", Scribners, N.Y. 1930.
12. Charles A. Lindbergh, Sr., "Banking, Currency and the Money Trust", 1913, p. 131.
13. Elisha Ely Garrison, "Roosevelt, Wilson and the Federal Reserve Law", Christopher Publications, Boston, 1931.
14. George Sylvester Viereck, "The Strangest Friendship in History, Woodrow Wilson and Col. House", Liveright, New York, 1932.
- 14а. Автор данного труда был с Вьереком в его отеле Belleclaire, когда позвонил Пеглер и попросил книгу. Вьерек послал книгу через своего секретаря. Он улыбнулся и сказал, что Пеглер казался очень возбуждённым. «Он выдавит хорошую заметку из этого материала», – сказал мне Вьерек. Пеглер действительно «выдавил» хорошую заметку. К его несчастью он перехватил в упоминаниях Варбургов. Пока он ограничивался атаками на «La Grand Bouche» («большая королева», Элеанора Рузвельт) и её супруга, ему было разрешено высказываться; но когда он вывел на чистую воду связи Варбурга с коммунистической шпионской сетью в Вашингтоне, газеты больших городов перестали печатать его комментарии и длинная карьера Пеглера закончилась.
15. Col. Edward M. House, "Philip Dru, Administrator", B. W. Neusch, New York, 1912.
- 15а. Эта цитата из книги «Филипп Дрю, Администратор», написанной полковником Хаусом в 1912 году, приводится здесь, чтобы показать его тоталитарную марксистскую философию. Хаусу было суждено провести 8 лет с Уилсоном в качестве ближайшего советника. Позже он продолжил своё влияние в администрации Франклина Д. Рузвельта («ФДР»). Хаус советовал ФДР из своего дома в Магнолии, штат Массачусетс (Magnolia, Mass.), при помощи частых поездок Феликса Франкфуртера (Felix Frankfurter) в Белый дом. Франкфуртер затем был назначен ФДР в Верховный суд США.
- 15b. Dope, Inc, определяет Barings следующим образом: «Baring Brothers, главный коммерческий банк торговли опиумом с 1783 по сегодняшний день, также поддерживал тесные контакты с семьями Бостона. Ведущим банкиром группы стал в конце 19-го века дом Моргана – который также имел долю в трафике опия с Востока. Дальневосточная операция Моргана официально вела британский трафик опия. Дело Моргана заслуживает особого внимания со стороны американской полиции и регулирующих органов из-за тесной ассоциации Morgan Guaranty Trust с выявленным руководством британских наркотических банков».
16. Arthur Howden Smith, "The Real Col. House", Doran Company, New York, 1918.
17. George Sylvester Viereck, "The Strangest Friendship in History, Woodrow Wilson and Col. House", Liveright, New York, 1932.

18. Col. Edward Mandell House, "The Intimate Papers of Col. House", edited by Charles Seymour, Houghton Mifflin Co., 1926-28, Vol. 1, p. 157.
19. Ibid. Vol. 1, p. 163.
20. George Sylvester Viereck, "The Strangest Friendship In History, Woodrow Wilson and Col. House, Liveright, New York, 1932.
21. Ibid.
22. H. W. Loucks, "The Great Conspiracy of the House of Morgan", Privately printed, 1916.
23. E. M. House, "Philip Dru, Administrator", B. W. Heubsch, N.Y., 1912.
24. Col. E.M. House, "The Intimate Papers of Col. House", 4 v. 1926-1928, Houghton Mifflin Co.
25. Ferdinand Lundberg, "America's Sixty Families", 1937.
26. J. Laurence Laughlin, "The Federal Reserve Act, It's Origins and Purposes".
27. Charles Seymour, "The Intimate Papers of Col. House", 4 v. 1926-1928, Houghton Mifflin Co.
28. Paul Emden, "The Money Power of Europe in the 19th and 20th Century", S. Low, Marston Co., London, 1937.
29. Clarence W. Barron, "More They Told Barron", Arno Press, New York Times, 1973, June 12, 1914, p. 204.
- 29a. Варбург был подтвержден 8 августа 1914, 38-11, с принципиально выступившим против сенатором штата Канзас Бристоу (Bristow), который был осужден Нью-Йорк Таймсом как «радикальный республиканец», и чья великолепная библиотека редких книг в области банковского дела была приобретена данным автором в 1983 году для проведения исследований по данной работе.
- 29b. 4-е июля – День независимости Америки (от Британии), в честь подписания Декларации о независимости 4-го июля 1776 года.
30. Martin Mayer, "The Bankers", Weybright and Talley, New York, 1974, p. 207.
- 30a. «Федеральный консультативный совет имеет большое влияние на совет гувернёров Федеральной резервной системы. В Совете заметно выделяется Дж. П. Морган, ведущий член компании Дж. П. Морган и сын покойного Дж. П. Моргана. Каждый из двенадцати членов Консультативного совета, как вы хорошо знаете, получил образование в той же самой атмосфере. Закон о Федеральной резервной системе не только закон специальных привилегий, но и привилегированных лиц, получивших контроль и ставших советниками по его администрированию. Совет гувернёров Федеральной резервной системы и Федеральный консультативный совет распоряжаются Федеральной резервной системой как её главное руководство, и ни один из меньших должностных лиц, даже если они того пожелают, не посмел бы скрестить мечи с ними». (Выдержка из: «Почему ваша страна находится в состоянии войны?», Чарльз Линдберг, опубликовано в 1917 году. Вышеприведенный абзац объясняет, почему Вудро Уилсон приказал правительственным агентам захватить и уничтожить печатные матрицы и экземпляры этой книги весной 1918 года.
- 30b. Связь с Дж. П. Морганом осталась преобладающей в Федеральном консультативном совете. За последние несколько лет престижный Федеральный резервный округ № 2, округ Нью-Йорка, был представлен в Федеральном консультативном совете Льюисом Престоном (Lewis Preston). Престон является председателем компании J. P. Morgan, а также председателем и главным исполнительным директором Morgan Guaranty Trust, Нью-Йорк. Будучи наследником состояния Болдуин (Baldwin), (компания, контролируемой Morgan), Престон женился на наследнице

состояния газет Пулитцер (Pulitzer). 26 февраля 1929 г. The New York Times отмечает, что было осуществлено слияние между Национальным банком торговли и Guaranty Trust, что делает их крупнейшим банком в США, с капиталом в два миллиарда долларов. Переговоры о слиянии велись Мироном С. Тэйлором (Myron C. Taylor), президентом US Steel, фирмы Моргана. Банки занимали прилегающие здания на Уолл-стрит, и, как отметил The New York Times, «Guaranty Trust долгое время была известна как одна из “банков группы Моргана”». The National Bank of Commerce также был определён как связанный с Морганом.

31. F. Cyril James, “The Growth of Chicago Banks”, Harper, New York, 1938.

32. John Moody, “The Seven Men”, McClure's Magazine, August, 1911, p. 418.

32а. «Существует неофициальная договоренность, что директор Brown, Shipley должен состоять в совете Банка Англии, и Норман был избран в него в 1907 году». Монтегю Норман, Текущая Биография, 1940.

33. Henry Clews, “Twenty-eight Years in Wall Street”, Irving Company, New York, 1888, page 157.

34. “Corsair, The Life of Morgan”.

35. John K. Winkler, “Morgan the Magnificent”, Vanguard, N.Y. 1930.

36. Matthew Josephson, “The Robber Barons”, Harcourt Brace, N.Y. 1934.

37. John Moody, “The Masters of Capital”.

38. George Wheeler, “Pierpont Morgan and Friends, the Anatomy of a Myth”, Prentice Hall, N.J. 1973.

39. Lyndon H. LaRouche, Jr., “Dope, Inc.”, The New Benjamin Franklin House Publishing Company, N.Y. 1978.

40. Dr. Carrol Quigley, “Tragedy and Hope”, Macmillan Co., N.Y.

41. William Guy Carr, “Pawns In The Game”, privately printed, 1956, pg. 60.

41а. 30 июля 1930 Макфадден, «Основы управления экономических условий» (McFadden, “Basis of Control of Economic Conditions”). Этот контроль бизнес-структур мира и человеческой жизни и прогресса небольшой группой стал привлекать наиболее интенсивные общественные интересы. Анализируя его, мы должны начать с внутренней группы, которая сконцентрировалась вокруг J. P. Morgan Company. Никогда ещё не было такого мощного централизованного контроля над финансами, промышленным производством, кредитами и заработной платой, как в это время возложено на группу Моргана... Контроль Моргана Федеральной резервной системы осуществляется посредством контроля управления Федерального резервного банка Нью-Йорка.

Джордж Ф. Пибоди «История крупных американских состояний», Густав Майерс (Gustavus Myers), Mod. Lib. 537, отмечает, что отец Дж. П. Моргана, Юний С. Морган, стал партнёром Джорджа Пибоди в банковском бизнесе. «Когда началась гражданская война, George Peabody and Company были назначены финансовыми представителями правительства США в Англии С этим назначением их богатство вдруг начало расти; в то время как до сих пор они копили богатства не очень быстрым темпом, теперь они добавили много миллионов в течение очень немногих лет». Согласно писателям того времени, методы George Peabody and Company были не только необоснованными, но представляли двойное предательство в том, что в то время как они помогали врагу, George Peabody and Company были уполномоченными правительства США, которым хорошо платили, чтобы те продвигали интересы США. «Springfield Republic», 1866: «Для тех, кто что-нибудь знает на эту тему, очень хорошо известно, что Пибоди и его партнёры не оказывали нам доверия и не помогали в нашей борьбе за национальное существование. Они в полной мере участвовали в общем английском недоверии к нашей

борьбе и к нашему успеху, и выступали и действовали в пользу южан, а не для нашего народа. Никто не сделал больше в наводнении наших денежных рынков и ослаблении финансовой уверенности в нашей стране, чем George Peabody & Company, и никто не заработал больше денег. Все деньги, которые г-н Пибоди раздаёт так щедро нашим учебным заведениям, были получены от спекуляций его дома на наших несчастьях». Также Нью-Йорк Таймс от 31 октября 1866 г.: Денежный фонд саквояжников реконструкции. «Молния над зданием Казначейства», Джон Элсон (John Elson), Meador Publishing Co., Boston 41, стр. 53, «Банк Англии с его дочерними банками в Америке (под господством J. P. Morgan), банк Франции и Рейхсбанк Германии, создали совместную банковскую систему, основной целью которой была эксплуатация народа».

42. William Guy Carr, "Pawns In The Game", privately printed, 1956.

43. Frederick Morton, "The Rothschilds", Fawcett Publishing Company, N.Y., 1961.

44. E.C. Knuth, "Empire of the City", p. 71.

45. "Great Soviet Encyclopaedia", Edition 3, 1973, Macmillan, London, Vol. 14, pg. 691.

45а. «Первоначальное имя Ротшильда было Бауер», стр. 397, Henry Clews, "Twenty-eight years in Wall Street".

46. Ignatius Balla, "The Romance of the Rothschilds", Everleigh Nash, London, 1913

46а. Нью-Йорк Таймс 1 апреля 1915 сообщил, что в 1914 году барон Натан Майер Ротшильд подал иск, чтобы запретить книги Игнатия Балла на том основании, что история Ватерлоо о его деде не соответствует действительности и является клеветой. Суд постановил, что история была правдой, отклонил иск Ротшильдов, и приказал ему оплатить все расходы. Нью-Йорк Таймс отметил в этой статье, что «состояние Ротшильдов оценивается в 2 млрд. долл.». Предыдущая статья в Нью-Йорк Таймс (27 мая 1905) отметила, что барон Альфонс де Ротшильд, глава французского дома Ротшильдов, обладает 60 миллионами долларов в американских ценных бумагах в своём состоянии, хотя Ротшильды, по общему мнению, не были активны в Америке. Это объясняет, почему их агент, Дж. П. Морган, имел только 19 млн. долл. в ценных бумагах в его наследстве, когда он умер в 1913 году, и из этой суммы был должен 7 миллионов торговцу Duveen. Огромные суммы ценных бумаг, которыми орудовал Морган, фактически принадлежали его работодателю, Ротшильду.

47. Richard Lewinsohn, "The Profits of War", E.P. Dutton, 1937.

47а. ПРИМЕЧАНИЕ: В Соединённых штатах, после того как акционеры Федеральной резервной системы консолидировали свою власть в 1934 году, наше правительство издало приказ о том, что частные граждане не имели права хранить или иметь золото.

48. David Druck, "Baron Edmond de Rothschild", (Privately printed), N.Y. 1850.

49. E.M. Josephson, "The Strange Death of Franklin D. Roosevelt", pg. 39, Chedney Press, N.Y. 1948.

50. Paul Emden, "Behind The Throne", Hoddard Stoughton, London, 1934.

51 Kent Cooper, "Barriers Down", pg. 21.

52. John Gunther, "Inside Europe", 1936.

53. Ben H. Bagdikian, "The Media Monopoly", Beacon Press, Boston 1983.

54. Lyndon H. LaRouche, Jr., "Dope, Inc.", New Benjamin Franklin House Publishing Co., New York, 1978.

55. "Coningsby", by Disraeli, Longmans Co., London, 1881, p. 252.

56. McRae and Cairncross, "Capital City", Eyre Methuen, London, 1963, p. 1.

57. Ibid, p. 225
58. Lyndon H. LaRouche, "Dope, Inc.", New Benjamin Franklin House Publishing Co., N.Y. 1978.
- 58a. The New York Times отметил 24 мая 1882, что Моисей Тейлор был председателем кредитного комитета ассоциированных банков Нью-Йорка в 1861 году. В его распоряжении оказалось двести миллионов долларов ценных бумаг. Вполне вероятно, что именно он, более чем любой другой человек, обеспечил правительству средства в 1861 году для ведения войны.
59. E. M. Josephson, "The Strange Death of Franklin D. Roosevelt", Chedney Press, N.Y. 1948.
60. Matthew Josephson, "The Robber Barons", p. 409.
61. McRae and Cairncross, "Capital City", Eyre Methuen, London, 1963.
62. McRae and Cairncross, "Capital City", Eyre Methuen, London, 1963.
63. John Hamill, "The Strange Career of Mr. Hoover", William Faro, New York, 1931.
- 63a. Экземпляры книг John Hamill систематически разыскивались и уничтожались правительственными агентами, так как она была издана перед самой перевыборной кампанией Гувера на пост президента.
- 63b. The New York Times отметил 11 октября 1923: «Франк К. Тиаркс (Frank C. Tiarks), гувернёр Банка Англии, проведет две недели здесь, чтобы открыть филиал банковского дома Дж. Генри Шредер (J. Henry Schroder) из Лондона».
64. Otto Lehmann-Russbeldt, "Aggression", Hutchinson & Co., Ltd., London, 1934, p. 44.
65. Leonard Mosley, "Dulles", Dial Publishing Co., New York 1978, p. 88
- 65a. Эзра Паунд 18 апреля 1943 г. в передаче по радио из Рима заявил, что «... и люди в Америке, не довольствуясь этой войной, уже целятся на следующую. Время протестовать – сейчас».
66. The "Great Soviet Encyclopaedia", Macmillan, London, 1973, v.2, p. 620.
- 66a. The New York Times отметил 11 октября 1944 года: «Сенатор Клод Пеппер (Claude Pepper) критиковал Джона Фостера Даллеса, советника губернатора Дьюи по международным отношениям, за его связи с юридической фирмы Sullivan and Cromwell и за финансовую помощь Гитлеру в 1933 году. Пеппер описал совещание 4 января 1933 года Франца фон Папена и Гитлера в доме барона Шредера в Кёльне, и с этого времени нацисты могли продолжать своё движение к власти».
67. Antony C. Sutton, "Wall Street and the Rise of Hitler", 76 Press, Seal Beach, California, 1976, p. 79.
68. Ladislav Farago, "The Game of the Foxes", 1973.
69. Victor Perlo, "The Empire of High Finance", International Publishers, 1957, p. 177.
- 69a. Следующие выдержки из The New York Times: 21 октября 1945 года, «Передачи по радио Люксембург сообщили сегодня, что барон Курт фон Шредер, бывший банкир, который помогал финансировать рост нацистской партии, был опознан в американском лагере пленных и арестован». 1 ноября 1945, «Штаб-квартира британской армии: барон Курт фон Шредер, 55-летний банкир и друг Генриха Гиммлера, задержан в Дюссельдорфе до принятия решения о предъявлении ему обвинения в качестве военного преступника, согласно официальному заявлению военного правительства сегодня». 29 февраля 1948, «Общество по предотвращению третьей мировой войны потребовало вчера немедленного расследования, почему немецко-фашистский банкир Курт фон Шредер не был судим как военный преступник союзным военным трибуналом. Отмечая, что фон Шредер был приговорён в ноябре прошлого года к трём

месяцам тюремного заключения и оштрафован на 1500 рейхсмарок немецким судом по денацификации в Билефельде, в английской зоне, С. Монтейт Гилпин (С. Monteith Gilpin), секретарь общества, заявил, что следует задаться вопросом, почему фон Шредеру было позволено уйти от союзного правосудия, и почему наши собственные чиновники не потребовали, чтобы фон Шредер был судим военным трибуналом союзников. «Фон Шредер так же виновен, как Гитлер или Геринг»». 69b. Примечание: стр. 34. «Хаус открыл мне в конфиденциальный момент, «Уилсон был избран Тедди Рузвельтом». “The Strangest Friendship in History, Woodrow Wilson and Col. House”, George Sylvester Viereck, Liveright, N.Y. 1932.

69c. Конституционная конвенция 1787 г.

69d. NOTE: Emmett Tyrell, Jr., Richmond Times Dispatch, Feb. 15, 1983 “Every peace movement of this century has been followed by war”.

70. Cordell Hull, “Memoirs”, Macmillan, New York, 1948, v. 1, page 76.

71. “Public Papers of Woodrow Wilson”, Dodd & Baker, v.5, p. 12-13.

71a. Выдержка: Нью-Йорк Таймс, 10 августа, 1918 г.: «Г-н Пол Варбург был автором плана организации Военной финансовой корпорации».

72. Max Warburg, “Memoirs of Max Warburg”, Berlin, 1936.

73. David Farrar, “The Warburgs”, Michael Joseph, Ltd., London, 1974.

74. “Truth Magazine”, George Conroy, editor, Boston, issue of December 16, 1912.

75. Edward M. House, “The Intimate Papers of Col. House”, edited by Charles Seymour, Vol. II, p. 399. Houghton, Mifflin Co.

76. George Sylvester Viereck, “The Strangest Friendship in History, Woodrow Wilson and Col. House”, p. 106.

77. “Letters and Friendships of Sir Cecil Spring-Rice”, p. 219-220.

78. Col. Elisha Garrison, “Roosevelt, Wilson and the Federal Reserve Law”, Christopher Publishing House, Boston, 1931, p. 260.

78a. Примечание: Барух также заявил в этих показаниях, «В течение войны у меня было три основные инвестиции, Аляска Джуно Золотодобывающая компания (Alaska Juneau Gold Mining Company) (с партнёром Юджином Мейером), Сера техасского залива (Texas Gulf Sulphur) и Атолия горнодобывающая компания (Atolia Mining Company, вольфрам)». Республиканец Мейсон (Mason), от штата Иллинойс, заявил в палате [представителей] 21 февраля 1921 года, что Барух во время войны заработал на меди более 50 млн. долл.

78b. Барух выбрал в качестве своего помощника председателя Совета военной промышленности корешка-спекулянта с Уолл-стрит Кларенса Диллона (Лапович) (Clarence Dillon, Lapowitz). См. биографии.

79. Bernard Baruch, “My Own Story”, Henry-Holt Company, New York, 1957, p. 194.

80. Arthur D. Howden Smith, “Men Who Rule America”, Bobbs Merrill, N.Y. 1935, p. 112.

81. Lt. Col. Norman Thwaites, “Velvet and Vinegar”, Grayson Co., London, 1932.

82. George Sylvester Viereck, “The Strangest Friendship in History, Woodrow Wilson and Col. House”, Liveright, N.Y. 1932, p. 172.

83. Francois Coty, “Tearing Away the Veil”, Paris, 1940.

84. Thomas W. Lamont, “Across World Frontiers”, (Privately printed) 1950, p. 138.

85. Carter Glass, “Adventure in Constructive Finance”, Doubleday, N.Y. 1928.

85a. William Boyce Thompson (торговец Уолл-стрит) заявил Clarence Barron, 27 ноября 1920 г.: «Почему у Федерального резервного банка

провода по всей Америке и они ежедневно сносятся с Банком Англии по кабелю?» стр. 327, “They Told Barron”.

86. Paul Einzig, “The Fight For Financial Supremacy”, Macmillan, 1931.

87. Carroll Quigley, “Tragedy and Hope”, Macmillan, New York, p. 326.

87а. Когда на людей этого класса находит чувство вины за развязывание мировых войн и экономических депрессий, которые приносят несчастья, страдания и смерть миллионам жителей земли, иногда они испытывают угрызения совести. Эти угрызения совести вызывают насмешки их подельников как «нервный срыв». После сеанса у своих психиатров они возвращаются к своей работе с возобновлённым жаром, без дальнейших срывов жалости к «маленьким людям», которые становятся их жертвами.

88. Brian Johnson, “The Politics of Money”, McGraw Hill, New York, 1970, p. 63.

89. Clarence W. Barron, “They Told Barron”, Harpers, New York, 1930, p. 353.

90. Col. Curtis B. Dall, “F.D.R., My Exploited Father-in-Law”, Liberty Lobby, Wash., D.C. 1970.

90а. ПРИМЕЧАНИЕ: Ивар Крюгер, напомним, был иногда личным гостем своего старого друга, президента Герберта Гувера, в Белом доме. Гувер, кажется, поддерживал тёплые отношения со многими из самых известных мошенников XX века, в том числе с его партнёром, Эмилем Франки. Производство по делам о банкротстве в миллиард долларов мошенничества Крюгера было оформлено Сэмюэлом Унтермайером, бывшим адвокатом слушаний комитета Pujo.

91. Peter L. Bernstein, “A Primer On Money, Banking and Gold”, Vintage Books, New York, 1965, p. 104.

91а. Из-за ограниченности места, лишь пять из семидесяти пяти диаграмм исследования, которые показывают связь между видными влиятельными лицами с контролем Федеральной резервной системы были выбраны для иллюстрации связи между сотрудниками и руководителями двенадцати Федеральных резервных банков в 1976 году и фирмами, перечисленными в этой книге.

91в. «Три директора класса С назначаются советом гувернёров в качестве представителей интересов общественности в целом». стр. 34, «Исследование Конгресса», 1976.

Оригинал книги

<http://www.russia-talk.org/cd-history/fed/fed.htm>